

Национальная Академия наук Кыргызской Республики
Институт философии и политико-правовых исследований

На правах рукописи

УДК: 323.2 (575.2)

ДУЙШЕЕВА РОЗА КАСЫМБАЕВНА
ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Специальность 23.00.02 – политические институты,
процессы и технологии

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Тогусаков Осмон Асанкулович

БИШКЕК-2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	
.....стр. 10	
1.1. Понятие и сущность модернизации. Основные подходы к изучению политической модернизации	10
1.2. Типология и основные модели политической модернизации	39
ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	58
2.1. Основные предпосылки модернизации социально-политической жизни Кыргызстана в условиях глобализации.....	58
2.2. Роль внешних акторов в процессе модернизации политической системы Кыргызской Республики в условиях глобального мироустройства.....	76
ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	76
3.1. Основные этапы трансформации политической системы Кыргызстана в контексте глобальных изменений	95
3.2. Современная политическая система Кыргызской Республики и перспективы ее дальнейшей модернизации.....	120
ВЫВОДЫ	147
ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ	151
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	153

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Вопрос о сущности политических процессов на постсоветском пространстве, начавшихся с распадом СССР и социалистического строя, по сей день остается важнейшей аналитической проблемой в политической науке. Так, перед исследователями создается чрезвычайно широкий спектр проблем, касающиеся демократического транзита и политической модернизации государственного обустройства.

Политическая модернизация - способность политической системы адаптироваться к новым стандартам социальных реальностей и целей, формировать новые виды институтов гражданского общества, современных политических структур обеспечивающих адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям, к вызовам наших дней. Вновь созданные институты смогут соответствовать моделям современных демократических институтов и отличаться от них в различной степени. Осуществление политической модернизации требует длительного времени, в рамках которого общество характеризуется особым качественным состоянием, сопровождающимся нестабильностью и кризисами.

Проблема становления и развития политической системы Кыргызской Республики, в условиях глобального мироустройства, заключается в том, что концепция транзитологии, созданная в рамках осмысления западного опыта демократизации, раскрывающая последовательность событий и общую логику планомерного перехода к демократии, не вполне соответствует при анализе политических процессов, происходящих на посткоммунистическом пространстве.

В процессе перехода республики от тоталитарного политического режима к демократическому выявляется множество существенных практических и теоретических вопросов, которые требуют своего решения. От этого зависит не только эффективность перехода к демократии, но иногда и жизнеспособность государства. В связи с этим, системное исследование

политической модернизации, определение ее современных особенностей, основных направлений и механизмов эффективного осуществления в стране представляется весьма актуальным. Реализация такого подхода дает нам возможности понять суть самого явления, особенности политической модернизации Кыргызстана, конкретные и оптимальные направления ее дальнейшего развития, включая формирование современной политической культуры.

В этой связи, комплексное междисциплинарное исследование указанных факторов имеет актуальное теоретическое и прикладное значение для осуществления успешной политической модернизации в стране в условиях всеохватывающего глобального миропорядка.

Связь темы диссертации с крупными научными программами и темами. Выбранная нами тема диссертационного исследования включена в проект Института философии и политико-правовых исследований Национальной Академии наук Кыргызской Республики и входит в государственную программу. Положения, научно-практические выводы и рекомендации диссертационной работы могут быть использованы в новых разработках стратегии развития страны, в решении проблем государственного управления, во внешней и внутренней политике Кыргызстана.

Цель и задачи исследования. Основной целью диссертации является определение особенностей политической модернизации Кыргызской Республики в условиях глобализации и выявление необходимых факторов для ее совершенствования. Данная цель обусловила решения следующих комплексных задач:

- выявить теоретические и методологические принципы изучения политической модернизации в мировой политической науке;
- определить понятие и сущность политической модернизации как социально-политического феномена;
- рассмотреть и проанализировать основные модели модернизации;

- рассмотреть и определить специфику политического развития Кыргызской Республики;
- выявить основные предпосылки и факторы модернизации социальной и политической системы Кыргызстана;
- проанализировать роль внешних акторов в процессе модернизации политической системы страны и ее предполагаемое вхождение в глобальные процессы;
- проанализировать этапы трансформации политической системы Кыргызской Республики;
- оценить перспективы модернизации политической системы страны в условиях перехода ее к парламентско-президентской форме правления.

Научная новизна диссертационной работы определяется, прежде всего, тем, что данное исследование является одной из первых попыток комплексного анализа процессов политической модернизации Кыргызской Республики в условиях глобализации, а также выводами и предложениями, достигнутыми в процессе исследования. Также, к научной новизне можно отнести:

- определение некоторых теоретико-методологических оснований изучения проблемы;
- выявление особенностей становления и развития политической системы Кыргызской Республики;
- диссертантом предложены возможные пути и механизмы дальнейшей политической модернизации страны в контексте демократического устройства с учетом историко-культурных факторов, национального менталитета, уровня политической культуры и образования граждан, а также научно-обосновано тезис о том, что без политической модернизации Кыргызская Республика не может полноценно участвовать в процессах глобализации.

Практическая значимость диссертационного исследования

определяется возможностью использования основных положений и результатов диссертации для проведения новых исследований по проблемам политической модернизации как социально-политического явления в рамках социально-политических наук, в том числе и политологии.

Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности государственных и общественных организаций трансформирующихся государств, в частности, в процессе реформирования внутренней и внешней политики, для выработки и реализации мер по совершенствованию политической системы Кыргызстана.

Материалы, научно-практические выводы и результаты диссертационного исследования могут стать основой для подготовки учебных пособий, разработки спецкурсов для студентов и аспирантов на гуманитарных факультетах ВУЗов и могут быть внедрены в вузовские курсы по дисциплинам: «Политология», «Современные политические процессы», «Граждановедение» и др.;

Экономическая значимость полученных результатов заключается в малобюджетности проводимых исследований, разработки научно-практических рекомендаций государственным органам и институтам гражданского общества для реализации модернизации современной политической системы Кыргызской Республики.

Основные положения, выносимые на защиту:

- Политическая модернизация - сложный, долговременный, динамичный процесс демократизации общества. Она предполагает создание определенных политических институтов, которые должны способствовать реальному участию населения во властных структурах и влиянию народных масс на принятие конкретных решений. Формирование нового типа взаимодействия народа и политической власти сопровождается противоречиями процесса модернизации политической системы и социально-экономическими кризисами.

- Важную роль при выборе моделей развития, а также в процессе модернизации политической системы играют культурно-цивилизационные особенности нации, традиции, особенности менталитета и духовной жизни, которые необходимо адаптировать к сегодняшним реалиям, и только при этом Кыргызстан имеет возможность успешно интегрироваться в мировое сообщество, действующее на основе общечеловеческих ценностей, демократии и рационализма.

- Процесс политической модернизации Кыргызской Республики опирался на целый ряд исторических, социально-экономических и культурных предпосылок, таких как традиционные принципы кочевой и родоплеменной демократии, а также определенный уровень социально-экономического развития и особенно высокий уровень образования, науки и культуры, достигнутые в советский период, которые способствовали в модернизации социально-политической жизни страны.

- Значительную роль в процессе модернизации политической системы Кыргызстана играют внешнеполитические акторы, в лице развитых стран Запада и Востока, имеющие опыт рыночного и демократического строительства. Они активно воздействуют на сам процесс их формирования, задают этому процессу перспективы возможностей и обуславливают набор его структурных ограничений. Однако они строят отношения с Кыргызстаном, исходя из собственных региональных и глобальных интересов. Между тем одной из основных задач государства должны быть проведение взвешенной внешней политики благоприятствующей развитию демократической политической системы и сохранение территориальной целостности и суверенитета Кыргызстана.

- Изучение тенденций политической модернизации Кыргызстана за двадцатилетний период его независимости дает основание утверждать, что политическая модернизация оказалась неэффективной, и наоборот привела к усилению авторитарных тенденций в период правления первых двух президентов страны.

- Политическая модернизация как ориентация на демократические преобразования является актуальной для кыргызстанского общества. Крайне важным на современном этапе развития страны представляется правильное определение внутренних источников и наиболее приемлемых направлений расширения действующего модернизационного проекта, т.е. парламентской формы правления. Ее становление имеет благоприятные предпосылки для развития демократического режима, играет важнейшую роль в процессе реформирования различных аспектов государственного управления (выборы), в изменении политической культуры страны.

Личный вклад соискателя в политическую науку определяется комплексным анализом в выявлении особенностей политической модернизации Кыргызской Республики в условиях глобализации. Сформулированы выводы и предложены научно-практические рекомендации, которые дают возможность внести отдельные коррективы в понимании специфики политической модернизации с учетом особенностей ее проявления.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения диссертационной работы в виде докладов, выступлений и сообщений излагались на международных, республиканских научно-практических конференциях, симпозиумах, форумах. В частности, на следующих: Международная научно-практическая конференция «Роль местных органов управления в социально-экономическом развитии регионов страны» (г. Бишкек, 2009). Конгресс тюркоязычных социологов (г. Бишкек, 2010). Научный симпозиум «Парламентская демократия: возможности, риски и опыт Турецкой Республики» (г. Бишкек, 2011). Вторая ежегодная конференция Международного университета Центральной Азии «Развитие государств Центральной Азии: перспективы и риски» (г. Токмок, 2011). Республиканская научно-практическая конференция «Роль науки в повышении эффективности государственного и муниципального управления Кыргызстана» (г. Бишкек, 2012).

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях.

Основные положения и выводы диссертации отражены в 7 научных публикациях, которые опубликованы в рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Кыргызской Республики, отечественных периодических и зарубежных изданиях.

Структура диссертационной работы состоит из введения, трех глав и шести параграфов, заключения и списка литературы. Общий объем исследования составляет 162 страниц.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ

1.1. Понятие и сущность политической модернизации. Основные подходы к изучению политической модернизации

Во второй половине XX в. в западной социально-политической науке активно стала разрабатываться проблемы политического развития и изменений, трансформаций и переходов. Особый интерес к этим проблемам был связан с крахом колониальной системы и образованием независимых государств, необходимостью выбора этими государствами моделей общественного развития.

Под политическими переменами понимается специфический тип социальных изменений, связанный, прежде всего, с переменами в механизме властной регуляции общества, а также с трансформацией внутри институциональных структур или качественной заменой [31. с. 187].

Изучения политических изменений посредством количественного и качественного анализа привели к широкому распространению в политической науке понятий «политическое развитие» и разработке теорий политического развития. Под политическим развитием понималось возрастание способностей политической системы к легкому приспособлению к изменяющимся социальным условиям, к решению новых проблем. Данное понятие отражало стремление перенести модель британской или американской политической системы освободившиеся страны, перед которыми в 50-60-е гг. встал вопрос о выборе моделей общественного развития.

Формы политических изменений и политического развития с 50-х гг. XX в. стали исследоваться в рамках различных теорий: «модернизации», «транзитологии», «устойчивого развития» и др. Одной их первых теоретических строений, описывающих процессы политических изменений в

странах «третьего мира», была концепция «модернизация». Термин «модернизация» от французского слова «modern», что в переводе означает «современный». Под модернизацией чаще всего понимается «осовременивание». Это понятие первоначально означало процесс зарождения и развития индустриальной цивилизации в развитых капиталистических странах. В 50-60-е гг. XX в. понятие «модернизация» стало применяться по отношению к социальным и политическим процессам, сопутствующим индустриализации в развивающихся странах.

Теория модернизации берет свое начало в работах О. Конта, К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера. В их научных трудах рассматривался процесс трансформации традиционных политических систем в современные (в рамках перехода от традиционных обществ к индустриальным).

Однако данная проблема начинает активно разрабатываться с середины XX века [51.– С. 1]. Теория модернизации возникла в 50-х - начале 60-х гг. XX в. в США и Великобритании, и была предназначена для употребления странам «третьего мира», в том числе и для тех, кто активно освобождался от колониальной зависимости [2;16].

В центре теории политической модернизации - обоснование общей модели глобального процесса цивилизации, суть которой в описании характера и направлений перехода от традиционного к современному обществу в результате научно-технического прогресса, социально-структурных изменений, преобразования нормативных и ценностных систем.

В своем развитии теория модернизация прошла несколько этапов. В 60-е гг. XX в. на первом этапе многие западные исследователи рассматривали модернизацию как вестернизацию. Активными сторонниками модернизационного подхода были такие западные исследователи как Т. Парсонс, У. Ростоу, А. Инкелес и др. Предлагалось, что все страны в своем развитии проходят одни и те же стадии роста, причем ориентиром выступает Западная цивилизация. Миссия западных и других развитых стран заключалась в том, чтобы привести традиционных стран в современные [11].

Поэтому основными оперируемыми понятиями теории модернизации являлись «традиция» и «современность».

При всех различиях и сходствах вышеназванные теоретики исходили в своих воззрениях из сопредельных базовых ценностей, представляя мир как единая система, устремившая в единое будущее. По их мнению, практически каждое государство имеет достаточный потенциал для «броска» в будущее. Это означало возможный путь быстрого заимствования и эффективного использования западного опыта на любой национальной почве. Подобного рода прямолинейность логики обусловила идейный кризис модернизма, наступившей в половине 60-х гг. Наступавшая реальность требовала новых, более адекватных реальности и оценок. Таким образом, в конце 60 -х - начале 70-х гг. XX в. теория модернизации была подвергнута сомнению и нуждалась в переосмыслении.

Впервые с критикой теории модернизации выступил западный исследователь Ш. Айзенштадт в 1964 г, который отрицал процесс вестернизации мира. По его мнению, при сравнении «западноевропейского» и «американского» вариантов капитализма, можно найти довольно серьезные отличия. Поэтому европейская модель развития не связана с американской современностью. И точно также Запад создал для себя свою модель развития, сегодня мусульманский мир создает для себя исламскую модель развития [4. – С. 434]. Наряду с этим Ш. Эйзенштадт, признает неприемлемыми теоретические обоснования идеи модернизации. Прежде всего, он подчеркивает нелинейность и многомерность мирового исторического развития, осуществляющегося разными путями в зависимости от стартовых позиций тех или иных обществ и проблем, с которыми они сталкиваются [5. – С. 2].

Вслед за его высказыванием наступает период разнообразной критики модернизма, выразившийся, в конечном итоге, в учении антимодернизма. Его идеологами выступили знаменитые Западные исследователи Д. Аптер, Дж. Нетл, Н. Смелзер, А. Голдтроп [72]. По их мнению, мир представляет собой

гораздо более сложную картину, в которой лидеры индустриального развития противостоят государствам, начинающие вступать на путь прогресса, и ищущим собственный путь развития, часто несовпадающим с модернизмом.

В дальнейшем дихотомию традиционализма и модернизма сменила более сложная картина, в которой нашли место социальные явления и культурные различия. Запад подвергся ожесточенной критике за репрессивную сторону его демократии. В результате чего антимодернисты пришли к выводу, что в других странах демократия западного образца практически недостижима. Исходя из этого, социализм был обозначен как орудие социального прогресса в борьбе с Западными демократиями. Однако к середине 1970-х гг. антимодернизм, как и ранее модернизм оказался в тупике.

С конца 70-х до начала 1990-х гг. на Западе господствовал постмодернизм. Активными сторонниками этой школы были С. Лэш, Д. Харви, М. Фуко[72]. Его отличительной чертой выступает более объективное восприятие мировых реалий и процессов. Вследствие этого теоретики постмодернизма не идеализируют ни Запад, ни Восток, а исходят из наличия в мире единых универсальных, общечеловеческих ценностей, которые способны объединить все человечество в будущем.

После распада СССР и развала социализма на смену постмодернизма начинает выступать неомодернизм, возродившей многие черты первоначальных концепций модернизации, так как возрождало веру в прогресс, характерную для 50-х гг. прошлого века. Сторонниками неомодернистской теории были Э. Тирьякян и Дж. Александер[1; 13]. Данное направление получило свое название от того, что оно возрождало веру в прогресс, характерную для 50-х гг. прошлого века. Другие исследователи определили его как неолиберализм, поскольку он противопоставил себя государственному вмешательству в экономику. Это и было началом появления термина «глобализация», который теперь твердо вошел в научный обиход.

Теория и практика неолиберальной глобализации стали бурно развиваться с конца 70-х гг. прошлого столетия, когда прежняя модель

развития стран Запада и мирового хозяйства оказалась в глубоком кризисе. Государственное стимулирование спроса («общество благосостояния», гонка вооружений и т.п.) во многом исчерпало себя. Эскалация научно-технических достижений открывала невиданные ранее горизонты, но и ставила множество беспрецедентных проблем. Быстрым темпом накапливались многочисленные экологические и демографические проблемы. Распад колониальной системы и начавшееся самостоятельное развитие освободившихся стран подрывали прежние устои мирового хозяйства. Наконец, развиваясь в социально-экономическом плане Германия и Япония, стали серьезными конкурентами Соединенным Штатам. Назрел вопрос о новом мирохозяйственном порядке, о новом соотношении политического и экономического механизмов регулирования.

Идеи неолиберализма предложили свои рецепты перехода к рыночным отношениям, такие как разгосударствление и приватизация государственной собственности, сбалансированность бюджета, либерализация торговли и цен, ограничение государственного вмешательства в хозяйственную жизнь и ориентация на рынок, открытость экономики для международной конкуренции. Путь либерализации и демократизации предполагал быструю политическую и экономическую модернизацию по Западному образцу.

Распад СССР и развал неэффективного социалистического хозяйствования был воспринят на Западе как триумф идеологии либерализма во всем мире. Началось масштабное наступление неолиберальных принципов и подходов, которое кардинально изменило, устоявшиеся представления о роли государства в экономике и в регулировании международных экономических отношений. Также оно резко сократило саму практику государственного участия. Таким образом, идеология либерализма стала глобальной, торжество либерально-рыночных принципов во всем мире стало первым проявлением глобализации в ее идеологическом понимании.

Между тем модернизация является составной частью глобализации. Сегодня мир устроен так, что страны, не вставшие на путь

модернизации.попадают в изоляцию, не могут быть полноценно включены в мировое сообщество. Внешние факторы здесь являются одним из ключевых элементов «допуска» той или иной страны в так называемый «мировой клуб». Потому рассматривая политические системы переходных обществ, нельзя не учитывать глобализационные процессы, выступающие фактически внешней средой для этих систем.

Различные концепции модернизации внесли весомый вклад в современные теории глобализации (культуроцентрические, политико-экономические и др.).

В конце 80-х гг. XX в. возникает новое понятие – «глобализация», которая сменила постмодернизацию. Понятие «глобализация» связано с латинским термином *Globus* (земля, земной шар) что означает общепланетарный характер тех или иных процессов. Если исходить из буквального значения, то «глобальный» – означает «охватывающий всю планету». Ключевым является в данном термине слово «взаимозависимость», именно всевозрастающая взаимозависимость различных обществ образует суть глобализации.

Глобализация подчеркивает особую роли Западных государств в процессах распространения либеральной демократии, их культуры и капиталистической экономики во всемирном масштабе. В данной связи Западная Европа выступает не только колыбелью глобализации, но и как «испытательная площадка», где раньше всего проявляются глобальные тенденции – от попыток национального строительства (в других терминах - сепаратизм) до демонтажа национальных государств [34. – С. 12].

Американский социолог У. Мур отмечает, что модернизация есть «понятие тотальной трансформации досовременного общества к тому типу технологии и соответствующей ему структуры, которые характерны для развития экономически процветающих и политически относительно стабильных стран западного мира» [97].

Термин «модернизация» в социологической и политической науках применяется в трех смыслах:

- модернизация как синоним всех прогрессивных социальных преобразований, процесс движения общества вперед;
- модернизация как понятие, одинаково приложимое современности, означающее комплекс социальных, экономических, культурных, политических преобразований на Западе с XVI в. до XXв. Также понимается как модернизация развитых стран и сопровождается процессами индустриализации, демократизации, институционализации, урбанизации и т.д.
- модернизация отсталых, слаборазвитых обществ. Описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать развитые страны (вестернизация).

В отличие от теории марксизма, основывающего на позициях экономического детерминизма, теория модернизации исходит из принципа технологического детерминизма, объединяющего структуру общества и его основные характеристики с технологическим способом производства. В соответствии с таким подходом выделяют несколько типов социально-экономической модернизации:

Первый тип может быть назван доиндустриальной модернизацией, которая была связана с переходом от естественных производительных сил к общественным, т.е. таким, которые используются людьми только сообща при помощи кооперации и разделения функций в процессе труда. Технологический способ производства, формирующийся в результате такого перехода, олицетворяет мануфактура.

Второй тип - раннеиндустриальная модернизация - технологически детерминирован переходом от ремесленного и мануфактурного производства к фабрично-заводскому.

Третий тип - позднеиндустриальная модернизация - характеризуется переходом от фабрично-заводского к поточно-конвейерному производству.

Четвертый тип - постиндустриальная модернизация, или постмодернизация, - вызван к жизни современной технологической революцией и осуществляется в странах, где идет переход к этапу, который получил название «постиндустриальное общество» [77. – С. 470].

Следует отметить, что зарождение индустриального общества в процессе модернизации процесс длительный. Первый этап модернизации с XVII в. до начала XX в. приходится на страны Западной Европы и Северной Америки. Процессы модернизации социальных, экономических и политических систем постепенно распространился на другие европейские страны, а с XIX до XX столетия на Южноамериканский, Азиатский и Африканский континенты.

По мнению Н.Д. Кондратьева, бурный рост новых производительных сил, повышая активность заинтересованных в нем классов и групп внутри, создает предпосылки для обострения борьбы против устаревших и тормозящих развитие социально-экономических отношений, создает предпосылки для внутренних крупных переворотов. В действительности период длительного повышения конъюнктуры связан с радикальными изменениями в области производства. Более того, в периоды повышательных волн мировой конъюнктуры резко усиливается экономическое, психологическое в точное образ жизни и новые потребительские стандарты, политическое и военное давление на страны, переживающие модернизацию, со стороны ведущих держав мирового рыночного сообщества, которые осуществляют в эти периоды ускоренное технологическое и социально-политическое обновление. В то же время в периоды понижательных волн непосредственное давление на модернизирующиеся общества со стороны развитых стран, переживающих кризисные явления в экономике и политике, уменьшается и меняет свои формы, что приводит, в частности, к усилению идеологических и социально-политических течений, ориентирующихся на поиски особого, «самобытного» пути развития. Все это самым непосредственным образом влияет на волнообразное развитие процесса модернизации, является важным его фактором [53.–С.391-397].

Известный израильский социолог Ш. Эйзенштадт под модернизацией понимает процесс, сложившийся в период между XVII и XIX вв. в Западной Европе и Северной Америке и ведущий к созданию новых экономических,

социальных и политических систем. Затем распространившийся на другие страны и континента [5. – С. 2]. Другими словами, модернизация - это переход от традиционного аграрного общества к современному, индустриальному, а в последние десятилетия и постиндустриальному обществу.

«Традиционное общество» и «современное общество» выступают как базовые категории теории модернизации, основывающиеся на веберовской классификации социального действия. Для традиционного общества характерно господство традиционного типа социального действия, т.е. такого действия, которое основано не на рациональном сознании и выборе, а на следовании принятой установке. Данное общество, прежде всего аграрное общество, основанное на превалировании сельского хозяйства, низких темпах развития производительных сил. Оно также отличается закрытой социальной структурой, исключаяющей вертикальную и горизонтальную социальную мобильность, и низким индивидуальным статусом большинства его членов. В традиционных обществах религиозное сознание господствует во всех сферах жизнедеятельности общества, а политическая власть носит авторитарный характер и политическая жизнь регламентирована традициями и обычаями; политическая система слабовосприимчива к изменениям экономического, социального и технологического характера.

Характерной чертой современного общества, в отличие от традиционного общества признавался плюрализм в экономической, политической, идеологической и других сферах общественной жизни. Более того в качестве стандартов модернистской унификации выступали понятия «демократия» и «капитализм». Понятие модернизация (modernity) стал применяться к социальным и политическим процессам, сопутствующим индустриализации в развивающихся странах. Технологической базой современного общества выступает промышленное производство, что обуславливает быстрое развитие науки и техники. Городское население в современном обществе преобладает над сельским населением, социальная структура общества приобретает открытый характер, появляются

возможности для горизонтальной и вертикальной социальной мобильности. Также дифференцированы ролевые функции, основные сферы жизнедеятельности общества секуляризированы. Власть и управление в данном обществе имеют рациональный характер. В целом современное общество обладает широким потенциалом саморазвития.

Важнейшими принципами современности (modern), по мнению П. Штомпки, являются индивидуализм, дифференциация, то есть возникновение множества новых специализированных занятий и профессий, требующих высокого уровня образования, компетентности и опыта. Рациональность, экономизм, то есть превращение экономики в доминирующую сферу жизни общества, определяющую динамику других областей общественных отношений и выступающую основным регулятором социально-политических процессов. Экспансия, т.е. способность процессов и отношений современного типа распространяться и подчиняться своим закономерностям отставшие в развитии страны периферии мировой системы [108. – С.106].

В целом переход от традиционного общества к современному включает целый ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов в экономической, социальной, культурной и политической сферах. Экономическая модернизация, прежде всего, означает развитие и применение технологии, основанной на научном знании, высокоэффективных источников энергии, углубление общественного и технического разделения труда. В процессе экономической модернизации появляются и расширяются вторичный (промышленность и торговля) и третичный (сфера услуг), сектора народного хозяйства, сокращается доля первичного (аграрного) сектора при его технологическом совершенствовании. Экономическая жизнь общества освобождается от влияния политики и идеологии, а экономический рост становится «самоподдерживающимся».

Экономическая модернизация стала важнейшей причиной создания экономических форм и институтов, способствующих развитию и доминированию товарно-денежных отношений в производстве, потреблении и

принуждению к труду, что привело к развитию капитализма, распространению рыночных отношений, формированию и развитию национальных и транснациональных рынков.

В условиях экономической модернизации использование достижений науки в бизнесе способствовало научно-технической революции и превращению науки в одну из важных производственных сил. Экономическая модернизация также предполагает постоянное совершенствование методов управления экономикой и производственных технологий, что способствовало появлению рациональной бюрократии, менеджмента и экономической науки.

В 1960-х гг. известный американский экономист У. Ростоу предложил типологию этапов экономической модернизации, сформулировавший концепцию пяти стадий роста, через которые все страны должны проходить. Так первая стадия – традиционное общество с превалированием примитивной аграрной технологии. Вторая – переходное общество, в котором складываются предпосылки для подъема; формируется элита, готовая к осуществлению модернизации, появляются идеи, обосновывающие ее необходимость. Третья – стадия взлета, главным признаком которой является начало интенсивной индустриализации, осуществляемой за счет перераспределения национального дохода в пользу накопления. Четвертая – стадия зрелости, когда формируется диверсифицированная структура экономики, в которой представлены все базовые отрасли промышленности. Пятая – общество массового потребления. На этой стадии усиливается роль сферы услуг и отраслей, выпускающих технически сложные потребительские товары длительного пользования, меняется структура потребления, большинство населения получает доступ к таким материальным благам, которые ранее считались предметами роскоши или вовсе не существовали; резко возрастает объем финансовых, материальных и иных ресурсов, направляемых на социальные нужды [86. – С. 171].

В процессе модернизации культурной сферы общества формируется высокодифференцированная и унифицированная культура, основывающаяся

на системную модель прогресса и совершенствования, а также на развитии индивидуализма. Важными составляющими элементами культурной модернизации являются распространения массовой грамотности и светского образования; развитие науки и технологии; наличие идейного и религиозного плюрализма; появление возможности для развития более гибкой институциональной структуры, способствующая приспособлению к постоянно меняющимся проблем и потребностей [96. – С. 154].

Следует отметить, что в западных странах культурная модернизация привела к Реформации, важными историческими этапами, которой являются эпохи Ренессанса, Гуманизма и Просвещения. Культурная модернизация связана с развитием современной естественной и гуманитарной науки, появлением теорий национализма, социализма и коммунизма. Процесс изменения культурной парадигмы в XVIII-XX вв. имели место снижение роли традиционных ценностей (семьи, религии, морали), появление массовой культуры и дифференциация национальных культур на субкультуры.

Социальная модернизация подразумевает собой процесс формирования открытого общества с динамичной социальной системой. Такое общество возникает и развивается на основе рыночных отношений, правовой системы, демократической системы, возможно, не достаточно совершенной. Демократия в таком обществе необходима для того, чтобы было возможно быстро вносить изменения в правила игры в меняющейся обстановке и следить за их выполнением [22]<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> - cite_note-4.

Ее важнейшими составляющими принципами являются, прежде всего, открытая стратификационная система общества и высокая мобильность, ролевой характер взаимодействия (ожидания и поведение людей обусловлены их общественным статусом и социальными функциями); формальная система регулирования отношений (на основе письменного права, законов, положений, договоров); сложная система социального управления (отделения института

управления, социальных органов управления и самоуправления); секуляризация (вступления светских признаков); выделение различных социальных институтов [44. – С. 154].

Таким образом, социальная модернизация способствовала появлению современных наций, гражданского общества и социального государства.

Следующим видом модернизационного процесса является политическая модернизация. Она в свою очередь имеет несколько аспектов. Во-первых, в результате экономических и социальных перемен на основе ранее существовавших этнических групп формируются нации. Следовательно, бывшие территориальные государства уступают место нациям-государствам. Полиэтнические государства распадаются или преобразуются на федеративных началах. В этой связи период модернизации отличается появлением и ростом национального возрождения и национальных движений.

Во-вторых, по мнению выдающегося немецкого социолога и политолога М. Вебера в процессе модернизации политической системы общества начинают перестраиваться государственная власть и управление. Повышается роль и значение права, происходит разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Кроме того совершенствуется местное самоуправление, деятельность государственного аппарата начинает переустраиваться на принципах рациональной бюрократии [77. – С. 472]. И наконец, в-третьих, расширяется участие широких народных масс в политике, вследствие которой меняется тип легитимности политической власти.

В свою очередь термин «политическая модернизация» употребляется применительно к структурам, осуществляющим переход к индустриальному обществу и демократическому политическому устройству. Политическая модернизация - это применение традиционными обществами новых социальных ролей и политических институтов, сформировавшихся в рамках западных демократий. Возникнув как теоретическое обоснование политики Запада, концепция политической модернизации, в конечном итоге, превратилась в обоснование некой общей модели глобального процесса

цивилизации, суть которой в описании характерных черт и направлений перехода от традиционного общества к рациональному обществу.

Главным агентом модернизации, по мнению российского исследователя А. С. Панарина, является правящий класс. В рамках теории модернизации не важно, какого он происхождения. Главный критерий эффективности правящего класса - способность мобилизовать общественные ресурсы для накопления и индустриального рывка [75].

Выделим следующие цели политической модернизации: создание новых политических институтов для решения постоянно расширяющегося круга социальных и экономических проблем; изменение политических ориентаций элиты и лидеров на открытую борьбу; формирование рациональной бюрократии.

В ходе изучения основных механизмов и закономерностей модернизации в западной политической науке сформировалось два основных направления, такие как либеральное и консервативное. Хотелось бы более подробно рассмотреть некоторые аспекты в изучении механизмов и закономерностей модернизации. Выдающиеся представители либерального направления как Г. Алмонд, Р. Даль, Л. Пайсчитали, что успешное осуществление политической модернизации предполагает широкое вовлечение народа в систему представительной демократии и создание условий для свободной конкуренции политических элит [23; 31].

Сегодня под политической модернизацией подразумевается возрастание способности политической системы адаптироваться к новым стандартам социальных целей и сформировать новые виды институтов, обеспечивающих развитие социальной и политической системы. Данный процесс обусловлен как объективными, т.е. социально-экономическими и культурными, так и субъективными факторами, способностью политического руководства осуществить более или менее эффективное изменение политической системы.

Выделяют следующие цели политической модернизации: создание новых политических институтов для решения постоянно расширяющегося круга социальных и экономических проблем; изменение политических ориентаций элиты и лидеров на открытую борьбу; формирование рациональной бюрократии.

Существуют три менее благоприятные сценарии при осуществлении политической модернизации. Первый - в условиях возрастания роли конкуренции элит сохраняется низкая активность населения. В таком случае возможно установление авторитарного режима, что с точки зрения либеральной политологии нежелательно, так как может способствовать торможению начатых преобразований. Второй - предполагает доминирование политического участия населения над соревнованием элит, что неизбежно ведет к нарастанию охлократических тенденций и также может спровоцировать ужесточение политического режима и замедление модернизационного процесса. Третий сценарий подразумевает одновременное падение уровня политического участия масс и понижение степени соревнования элит могут привести к общественному хаосу и дезинтеграции политической системы.

Как отмечает американский политолог Р. Даль, что политическая модернизация должна осуществляться, без резких скачкообразных движений, чреватых установлением авторитарной диктатуры. Отрицательное отношение к авторитаризму это одно из существенных отличий либерального направления теории политической модернизации [31].

По мнению Л. Пая политическая система должна быть способна не только решать возникающие проблемы в сфере экономики и социальной, но и обеспечить гражданам сознание идентичности и фундаментального членства в большом сообществе. В этой связи политическая модернизация подразумевает расширение числа индивидов в группе, имеющих не только право, но и реальную возможность быть услышанными в процессе принятия политических решений [72. – С.230].

Также для либерального направления характерно высказывание выдающегося немецко-британского социолога Р. Дарендорфа о проблемах перехода к демократии в Восточной Европе: «Переход не означает и не должен означать замены одной системы на другую. Нет никакого смысла в переходе от социализма к капитализму. Дорога к свободе есть переход от закрытого общества к открытому. А открытое общество - не система, а только механизм для улучшения альтернатив. Экономическая структура и политика в нем не predetermined» [32. – С. 71].

В свою очередь представители консервативного направления теории модернизации считают, что политическая дестабилизация вызывает серьезную опасность в процессе политической модернизации. Поэтому они считают необходимым обращать внимание, прежде всего на создание прочных политических институтов, гарантирующих стабильность общества. Вместе с тем ученые консервативного направления не отрицают демократические ценности и придерживаются схожих с либералами взглядов на конечные цели процесса политической модернизации.

Как отмечают представители консервативного направления Дж. Нельсон, Х. Линц, С. Хантингтон, что главным источником модернизации является конфликт между высокой мобильностью населения, его включенностью в политическую жизнь и институционализацией, наличием необходимых структур и механизмов для выдвижения их интересов. В то же время неподготовленность масс к управлению, неумение использовать институты власти приводит к тому, что ожидания людей от включения их в политику не оправдываются, и это способствует дестабилизации режима правления. Поэтому С. Хантингтон считает, что такой процесс вызывает «не политическое развитие, а политический упадок» [90. – С. 301].

В свою очередь социалистические теории модернизации предусматривают переход от низших ступеней общественного развития к современному индустриально развитому социалистическому обществу. Социалистическая модель модернизации в свое время оказалась

привлекательной для многих лидеров национально-освободительного движения. Д. Аптер это обосновывает следующим образом: «Большинство лидеров развивающихся стран декларируют свою приверженность социализму. Эта идеология позволяет им отвергнуть преобладающую иерархию власти и влияния, которая обычно связана с традиционализмом и колониализмом. В этом смысле социализм имеет особое значение для новых наций. Он становится этикой для системы политической дисциплины» [106. – С. 135].

Политическая модернизация стала общепринятым термином, используемым для описания сложных трансформаций по преобразованию общества от «отсталости» к «современности». Весь процесс состоит из 30 - 40 обязательных и связанных друг с другом преобразований. В их число входят политические реформы или политические революции, оформление конституционного строя, формирование партий и т.д. [94].

Политическую модернизацию следует рассматривать как двигатель перемен, а не как статистическую сумму составляющих ее развитие. Этот «мотор» нужно было сначала запустить, потом разогнать. В данном процессе нужно выделить долгий период подготовки, начало движения и фазу консолидации движения. На протяжении XIX в. большинство европейских правительств стремилось создать такие условия, когда их страны смогли бы перейти от старта к движению через политические преобразования. Не всем странам это удалось: в большинстве из них развился существенный контраст между политической модернизацией в столицах и на периферии [94].

Следует отметить, что осуществление политической модернизации охватывает длительный период, в рамках которого общество характеризуется особым качественным состоянием, отличающимся нестабильностью и кризисами. В современных политических исследованиях выделяется пять основных видов кризиса: идентичности, легитимности, участия, проникновения, распределения, сопровождающих процесс политической модернизации [78].

Основной причиной данных кризисов является характерное для модернизированного общества это, прежде всего, противоречие между новыми универсальными стандартами и старыми традиционными ценностями, сосуществование новых демократических политических институтов с прежними и рост неудовлетворенности населения.

Вообще кризис идентичности связан с вопросами политической и национальной идентификации социального субъекта: индивида, группы, социального слоя. В процессе политической идентификации выделяются три основных типа кризиса идентичности, характеризующиеся, прежде всего требованиями национального или территориального самоопределения. Второй тип характеризуется социальной дифференциацией общества, когда социально-классовые различия препятствуют национальному объединению. В процессе модернизации социально-экономической системы общества существенно меняется социальный статус различных групп населения, а также разрушаются прежние группы, и берет свои обороты процесс маргинализации общества. Третий тип характеризуется конфликтом между этнической и субнациональной принадлежностью.

В свою очередь кризис легитимности, по мнению американского политолога С. Липсета, имеет два условия: 1) в процессе трансформации социальной структуры только малочисленные группы получают доступ к сфере принятия политических решений или, лишь после того, как они выдвинут свои политические требования; 2) статус основных традиционных институтов подвергается угрозе [97].

Кризис участия связан, с одной стороны, с ростом групп интересов, а с другой - с неспособностью политической системы переходного периода интегрировать и удовлетворить их основные требования. В таких условиях, возможно, вспыхнет политический протест населения, имеющий разного рода радикальные насильственные действия. Предотвращение и урегулирование кризиса участия возможно: всеобщим подавлением политической оппозиции путем насилия; совершенствованием политических

институтов и учета ими требований различных групп населения; не только формальным признанием оппозиции, но и сотрудничеством с ней в процессе принятия важных политических решений.

Следующий тип кризис распределения возникает при неспособности правительства обеспечить для граждан уровень потребления вследствие экономических трудностей и непропорционального распределения доходов, поляризации богатства и бедности.

Кризис проникновения проявляется в неспособности правительства реализовывать принятые решения.

В период социальных трансформаций перечисленные кризисы имеют тенденцию к их комплексному проявлению, что вызывает эффект аккумуляции. Данный эффект резко усиливает дезорганизацию власти, ведет к парализации государственного управления и обострению конфликтов. Все это может привести к политической дестабилизации и смене режима правления.

Исторический опыт модернизации в большинстве современных обществ показал, что итоги этого процесса в различных странах существенно отличаются друг от друга. Теория модернизации имела и имеет немало противников по поводу причины отторжения частью восточного общества чуждых ему западных ценностей, образа жизни, стандартов потребления и поведения. В западной политологии появились концепции, которые исходили не из истории развитых стран, а из собственного опыта развивающихся государств. Разрабатывались теории «зависимости» и «отсталости», или «субразвития». В теориях «отсталости» утверждалось, что неразвитость экономики освободившихся стран сложилась под влиянием глобальных факторов, в частности торговой экспансии развитых стран. Многие исследователи в области политологии считают, что вопросы отсталости следует рассматривать в рамках современной системы международных отношений, международного разделения труда и экспортно-импортных связей. Как известно, что развивающиеся страны экспортируют в основном сырье и аграрные продукты по низким ценам, а импортируют

промышленные товары и современные технологии по высоким ценам. Подобное разделение труда приводило к сохранению архаичных, традиционных форм в странах «третьего мира» и ускоренному развитию капиталистических стран.

Перед исследователями, занимающимися вопросами модернизации, возник вопрос о выборе обобщающей категории для описания макроэкономических изменений, соотношения политических преобразований с макросоциальными. В качестве такой категории в начале 90-х годов стало применяться понятие «трансформация». От латинского слова «transformation» в переводе означает «преобразование», «превращение», «изменение». Данное понятие использовалось для изучения процессов, происходящих в традиционных и переходных обществах.

В незападных обществах многое зависит от того, насколько традиционные цивилизации и культуры способны относительно в короткий срок адаптироваться к изменениям. Также отобрать наиболее приемлемые современным требованиям традиционные ценности, способствующие пробуждению национального самосознания, культурно-психологическому обеспечению «трансформации» [79. – С. 42].

Между тем с концепциями «политического развития» и «модернизации» в западной политической науке с начала 70-х гг. XX в. в рамках сравнительной политологии разрабатываются теории политической транзитологии. Возникновение этих теорий было связано с старанием преодолеть недостатки концепций модернизации. Кроме того, политическое преобразование авторитарных режимов латиноамериканских, южно-европейских, а затем коммунистических стран подталкивало исследователей изучить основные проблемы транзитного периода и выявить общие признаки транзитологических моделей.

Центральным понятием политической транзитологии является «политический переход», под которым понимаются институциональные преобразования в процессе перехода от тоталитарных и авторитарных

режимов к демократическим. Разработку теории демократического перехода впервые предпринял Д. Росту. В 1970 г. он сформулировал исходные положения для построения динамической модели политической трансформации в работе «Переходы к демократии: попытка динамической модели» [85. – С. 5]. Д. Росту обратил внимание на факторах, определяющих характер, направление и темпы политической динамики. Свою модель «генезиса демократии» он ограничивает странами, в которых причины политического перехода не зависят от «толчка извне», как это произошло в Германии и Японии, а также государствами, в которые демократические институты были импортированы иммигрантами (Австралия, Новая Зеландия, Канада и др.).

В середине XIX в. французский ученый и общественный деятель А. де Токвиль сформулировал «золотой закон» политического развития, согласно которому «самый быстрый путь к свободе ведет к наихудшей форме рабства». Токвиль утверждал, что нет ничего опаснее для страны, где слабо развиты традиции демократии и свободы, чем слишком быстрые реформы и изменения. Как правило, в таких случаях политическая модернизация может выйти из-под контроля. Народу не хватает времени освоить новшества, он не готов к новой системе, а изменения не успевают институционализироваться и закрепиться. В этих условиях участие масс в политике обгоняет развитие политических институтов общества, которые могли бы обеспечить баланс интересов различных слоев и направить высвобождающуюся энергию в общественно-приемлемые формы. Бурный поток, направленный на разрушение старой системы, не удастся, затем остановить и регулировать. Сильная поляризация общества, отсутствие устойчивого политического центра и социальных сил, стоящих за ним, не способствуют тому, чтобы вести начавшееся движение в разумные демократические рамки. Этот процесс неминуемо ведет к охлократии, к самой худшей форме тирании – тирании черни. Токвиль также предупреждал, что конечным итогом демократизации и

завоевания свобод может быть установление еще более жестокой тирании, которая приходит на смену охлократии.

Следует подчеркнуть, что ни одна страна безболезненно не переходила от традиционных абсолютистско-олигархических систем к демократии. В этом плане больше повезло Великобритании, странам Северной Европы, Голландии. В этих странах все необходимые процессы утверждения основных демократических ценностей и институтов происходили в течение нескольких столетий. В Великобритании, например, начало такого процесса происходило меньшей мере к XII в., а завершение – к концу XVIв., когда Великая английская буржуазная революция провозгласила торжество принципов либеральной демократии и гражданского общества.

Переход Франции к демократической политической системе, начатый революцией 1789 г., растянулся по времени на два столетия. За этот период страна пережила большое число революций, диктатур, смен различных форм монархических правлений на республиканские и обратно. На примере этой страны видно, что почти два столетия ушли на то, чтобы подготовить к демократии социально-классовую структуру, национальный характер, преобразовать обычаи и традиции, выработать соответствующую политическую культуру.

Исходя, из этого возникает вопрос, возможно ли в современных условиях такой, растянутый по времени переход к демократическому правлению? Динамика общественной жизни и политического развития сегодня настолько высока, что требуется новый подход к демократизации общественной жизни и к социально-экономическим преобразованиям. При этом переход к демократическому правлению может быть успешным лишь при условии осмысления и использования всего исторического опыта демократических преобразований.

История транзитологии получила свое дальнейшее развитие в работах Г. О’Доннела, Ф. Шмиттера «Переход от авторитарного правления»[9]и А. Пшеворски «Демократия и рынок» [10]. В 90-е гг. прошлого столетия вопрос

перехода к демократии заняло одно из важнейших мест в политической теории. Нужно подчеркнуть, что в эти годы специалисты в области демократизации стали переходить к изучению в сторону комплекса вопросов консолидации молодых демократий. В процессе изучения перехода к демократии, да и самой феномена демократии, как в странах Латинской Америки, так и в других регионах, включая Западную и Восточную Европу активно применялся метод сравнительного анализа, который строится не столько на изучении поведения различных политических сил в течение относительно непродолжительных переходов к демократии, а проводится с учетом более широкой исторической перспективы. Успех на этом пути может достигаться только при условии умелого проведения политики консолидации различных политических сил. Это означает, что сравнение консолидации различных политических сил распространяется и на уже установившийся политический порядок, а не только на изменение, которое к нему привело.

Данный подход по убеждению компаративистов, предполагает учет большего по времени периода: с одной стороны, требуется учет требования стабильности или продолжительности противостояния политическому порядку, а с другой – требуется учет влияние социального капитала, которое возникает еще до появления демократии.

Г. О’Доннел и Ф. Шмиттер, проведя сравнительный анализ по вопросам элит, показали непредсказуемую природу переходов и их обратимость. Ф. Шмиттер, например, акцентировал свое внимание на вопросах осуществления процесса демократизации после военных переворотов, как это имело место, например, в Португалии.

По их мнению, во время перехода организуются основные институты нового порядка, и они начинают работать и взаимодействовать согласно новым правилам игры. Консолидация же требует «институционализации новых норм и структур режима, расширения их легитимации и устранения препятствий, которые на первоначальных этапах делают их установление

трудным». Сам процесс консолидации демократии включает в себя четыре направления:

- 1) быстрое ограничение, сведение к минимуму или связывание ее идеологических и институциональных несоответствий;
- 2) установление ее автономии перед лицом старых властей, особенно армейских сил;
- 3) мобилизация гражданского общества в политических формах его выражения;
- 4) развитие относительно стабильной партийной системы, способной обеспечивать формирование ответственного перед народом правительства [9. –Р. 73].

Более поздние исследования позволили дополнить и конкретизировать многое из анализа середины 80-х гг. Во-первых, оказалось, что процесс консолидации демократии предполагает не только институционализацию новых норм и структур, но и зачастую связан с использованием элементов традиционной культуры и даже менее радикальным отношением к предшествующему авторитарному режиму. Во-вторых, консолидация демократии невозможна без соответствующей реформы административных государственных структур. Возникающая демократия вступает в противоречие не только с авторитарным стилем государственного управления, к которому склонно старое чиновничество, но и с рационализированной правовыми нормами бюрократической машиной управления. В-третьих, консолидация демократии не обязательно следует одной – либеральной модели. Она не может осуществляться на основе своеобразного сочетания разнообразных форм и моделей. В-четвертых, хотя партийная система и является ключевым моментом демократии, но ее консолидация предполагает некоторый резерв для динамичного процесса выражения интересов посредством разнообразных, иногда спонтанно возникающих, движений, местного самоуправления и т.д. В-пятых, консолидация демократии имеет и международные параметры, не только связанные с оказываемой новым демократиям помощью, но и

включением демократизирующихся стран как равных партнеров в международное сообщество [95.–С.227-228].

Пристального внимания заслуживают, и выводы А. Пшеворски. В проведении сравнительного анализа он обращается к вопросам возвратного развития событий в процессе демократического перехода. Он подчеркивает неопределенность процесса социальных и политических изменений. По мнению А. Пшеворски, существенную черту демократии составляет то, что ничто не решается окончательно. Если верховная власть принадлежит народу, народ может решить ликвидировать все гарантии, согласованные политиками за столом переговоров. Даже институционализированные гарантии имеют в лучшем случае более или менее высокую, но никак не стопроцентную надежность [81.–С. 121].

На этом основании он определяет демократию как диспозицию постоянной неопределенности в отличие от авторитарной определенности.

В рамках политической транзитологии выделяется концепция С. Хантингтона в работе «Третья волна: Демократизация в конце XX столетия» (1991 г.) [6]. Он утверждает, что переходные процессы внутри отдельных стран можно объяснить лишь в контексте глобальных политических изменений, мировых «волн демократизации». Понятие «глобальной демократической волны» широко используется в современной политической литературе. Оно отражает многообразные процессы общественно-политических трансформаций, происходящих в разных регионах мира и объединяемых как самими попытками перехода от недемократических форм правления к более демократическим, так и некоторыми общими факторами и обстоятельствами [65.–С. 6].

Так, во-первых, переход к демократии в различных странах трактуется как глобальный процесс, т.е. между различными переходными процессами и формами демократизации можно не только отметить нечто общее, но и рассмотреть их частные случаи мирового политического развития. А это значит, что на форму, интенсивность и характер переходных демократических

процессов оказывают влияние не только национальные, исторические, экономические, социальные и культурные условия, но и фактор международный. Исследователи единодушны в том, что мир испытывает влияние того, что получило наименование глобализации процесса демократизации. Это означает, что в современных условиях ни одна страна не может испытывать влияния общего демократического движения.

Во-вторых, рассматриваемая нами концепция исходит из признания самоценности демократии. Она трактуется не просто как наиболее предпочтительная форма политического устройства, но как потребность сама по себе.

В-третьих, концепция «третьей волны демократизации» базируется на признании множественности форм демократического политического порядка. Это означает, что сама демократия должна получать развитие на основе усвоения и использования ценностей не только европейской и североамериканской цивилизации, но и всех иных цивилизаций.

В-четвертых, предложенная концепция рассматривает демократизацию в рамках «третьей волны» не как завершение истории демократии. Не исключается возможность ее реверсивного движения, отката назад. А потому вполне можно ожидать уже в XXI столетия и «четвертую волну».

В-пятых сторонники концепции «третьей волны демократизации» убеждены в неизбежности движения к демократии во всех странах. Даже выдвигается в этой связи предположение о демократической природе человека. Другой вопрос, как соединить и как соединяется движение к демократии с нарастающей тенденцией культурной гегемонии, культурных конфликтов в мире? [95. – С. 212-213]

Постепенная внутренняя демократизация, по мнению С. Хантингтона осуществляется под влиянием внешних факторов мирового процесса. Но при этом возможны три разных пути демократизации, зависящие от внутренних факторов. С. Хантингтон выделил следующие варианты демократизации так называемой «третьей волны»: а) трансформация (трансдействие); б) замена

(распад); в) трансрасстановка (высвобождение), после чего происходит консолидация нового режима. Главную роль в трансформации играет правительство, которое должно быть сильнее оппозиции. Процесс трансформации состоит из пяти основных фаз, четыре из которых проходят еще при авторитарном режиме: а) появление реформаторов; б) приход их к власти; в) либерализация; г) «обратная легитимность» - замена реформаторов консерваторами; д) собственно демократизация, обязывающая к переговорам с оппозицией. По мнению С. Хантингтона, по пути трансформации обычно идут военные авторитарные режимы и однопартийные системы. После прохождения четвертой стадии демократизацию можно считать необратимой, однако в случае нежелания сторон идти на компромисс этот «мирный» процесс может завершиться возвратом прежней системы [102.–С. 72].

Вариант «замены» типичен для несколько иных по своему оформлению режимов. В этом случае правительство обычно состоит из консерваторов или представляет собой личную диктатуру вождя. Сам процесс перехода проходит три стадии: а) борьба оппозиции; б) распад режима; в) борьба после распада. Существенными отличиями этой модели являются: 1) полный разрыв с прошлым; 2) окончательный уход прежних правителей с авансцены политической жизни [Там же]. В ходе «замены» оппозиция под давлением масс «снизу» сменяет правительство.

Трансрасстановка (высвобождение) является результатом совместных усилий правительства и оппозиции. Правительство согласно изменить режим, но не в состоянии начать перемены, поэтому значительную роль играют переговоры между двумя силами.

Для третьего варианта демократизации характерны большое количество забастовок, протестов, демонстраций, с одной стороны, и репрессии, насилие, военное положение - с другой. Он предполагает приблизительный баланс сил между правительством и оппозицией, когда риск переговоров и компромиссов меньше риска конфронтации, что ведет к компромиссному решению о смене режима [102.–С. 73].

Характеризую три варианта демократизации, С. Хантингтон выделил роль лидеров в переходный период. При каждом варианте развития сохраняются один и те же ключевые «игроки» - элита (трансформация), оппозиция («замена») или совместные действия данных акторов («трансрасстановка»), исполняющих в процессе определенную роль и нужный момент выдвигающихся на первый план. С. Хантингтон выделяет и такой немаловажный момент, как строгое выполнение демократической оппозицией своих функций, которые заключается в следующем: отказ от интеграции в авторитарный режим, создание автономных от режима зон, открытое дискутирование легитимности и цены авторитарного правления, создание заслуживающей доверия демократической альтернативы. Тогда процесс демократизации будет зависеть не только от реформаторов внутри элиты, но и от оппозиции.

Проанализировав подходы к сущности политической модернизации, можно сформулировать интегрированное определение модернизации.

В целом, политическая модернизация - это процесс расширения и упорядочивания административно-политических границ, образование национальных или федеративных государств, усиление центральной власти и разделение власти, включение широких масс населения в политический процесс, установление политической демократии, изменение способов легитимации власти; формирование и развитие рыночных отношений и национальных и транснациональных рынков; изменение социально-классовой, демографической и территориальной структуры населения, формирование гражданского общества и социального государства, распространение массовой грамотности и светского образования, развитие науки и технологии.

Политическая модернизация - сложный, долговременный, динамичный процесс демократизации общества. Она предполагает создание определенных политических институтов, которые должны способствовать реальному участию населения во властных структурах и влиянию народных масс на принятие конкретных решений. Формирование нового типа взаимодействия

народа и политической власти сопровождается противоречиями процесса модернизации политической системы и социально-экономическими кризисами.

Предпринятый анализ по проблеме политической модернизации в данной диссертации не полностью освещает весь спектр проблем. Потому основное внимание в наших исследованиях уделялось наиболее важным вопросам определения особенностей политической модернизации Кыргызстана в глобализирующемся мире, что недостаточно является изученным в отечественной политической науке.

огия и основные модели политической модернизации

Для всестороннего изучения процесса политической модернизации в политической науке различается два ее типа: органичная и неорганичная (догоняющая). Эти типы модернизации имеют собственные отличительные свойства и характеристики.

Первый - органичная модернизация, характеризуется в силу синхронности и органичности созревания условий и факторов модернизации в виде экономических, социальных, правовых, политических и культурных предпосылок. Одновременность и последовательность модернизации различных структур феодального общества обеспечили органичность зарождения основных структур современного общества [66.–С. 497]. Происходила она в странах Западной Европы и Северной Америки, которые являются новаторами на этом пути, и разворачивалась благодаря внутренним факторам, это, прежде всего коренные изменения в сфере культуры, ментальности и мировоззрения. Таким образом, сначала происходили перемены в духовно-идеологической сфере (Возрождение, Реформация, Просвещение), затем трансформировалась экономика. Если подробно рассмотреть факторы органической модернизации, то в экономической сфере раннее разложение феодальных отношений и технический прогресс детерминировали быстрому становлению «среднего класса», выступившего наиболее активным субъектом рыночных отношений и социальной базой демократии. С формированием реальных интересов в обществе происходила дифференциация форм собственности, образовывалось гражданское общество. Следовательно, происходило изменение политической системы, закрепившего в ней представительства реальных социальных интересов.

Становление и развитие органичной модернизации связывают с появлением национальных централизованных государств, зарождением буржуазных отношений, разрушением традиционных наследственных привилегий и внедрением равных гражданских прав, демократизацией,

становлением национальных суверенных государств и т. п. Такой переход называется органичным, потому что носит характер естественноисторического процесса.

Одной из важнейших особенностей экономической модернизации в классической модели является эволюционное развитие и правовое закрепление института частной собственности. В свою очередь, институт частной собственности выступил основой формирования гражданского общества, существенно ограничив влияние государства в различные сферы общественной и личной жизни граждан. Развитие частной собственности способствовало возникновению социального плюрализма, которое зафиксировала политическая система. Она формировалась как плюралистическая и представительная, основанная на разделении ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной, многопартийности и конституционности. Высокий уровень грамотности населения также обусловил автономизации личности [Там же].

Наряду с этим следует отметить продолжительность процесса модернизации во времени. Он длился в течение пяти веков с XIV по XIX вв., что обусловило его поступательность, эволюционность и относительную устойчивость. Параллельное преобразование всех сфер жизнедеятельности общества потребовало наличия стабилизирующих факторов. Наиболее важными факторами, в процессе сбалансирования чрезмерно дифференцированного общества, были религия (особенно протестантизм), развитые культурные традиции, детерминировавшие выработку культуры консенсуса и развития.

Следующий второй тип - неорганическая (догоняющая) модернизация происходит как ответ на внешний вызов со стороны более развитых и осуществляется преимущественно под влиянием заимствования чужих технологий и форм организации производства и общества, приглашение специалистов, обучение кадров за рубежом, привлечение инвестиций. Ее основным механизмом являются имитационные процессы. Начинается же она

не в сфере культуры, а в экономике и/или политике и в последнем случае определяется как догоняющая модернизация или «модернизация с опозданием». Сам термин «догоняющая модернизация» чаще всего употребляется в отношении бывших колоний и полуколоний после приобретения ими политической независимости.

Догоняющая модернизация предполагает, что одни элементы общества более или менее соответствуют развитию в передовых странах, а другие, отстают в своем развитии или вовсе отсутствуют. В условиях догоняющей модернизации развитие общества, по мнению бразильского историка Н. ВернекСодре, напоминает «движение квадратного колеса». «Движение квадратного колеса» - удачный образ циклического процесса догоняющей модернизации, когда чередуются эволюционные и революционные начала. Колесо со скрипом переваливается, а затем замирает на новой грани - период бурного, но весьма неравномерного развития, сменяется стагнацией или медленной эволюцией в ранее выбранном направлении. Одна из сложных проблем, которые возникали при таком движении, заключалась в том, что социальная структура общества, плохо приспособленная к резким встряскам, все же должна была приспособливаться к переменам. И успех модернизации в этом случае зависел от эффективности общественно-политических институтов, которые могли бы адекватно реагировать на изменения и амортизировать толчки: от государственно-правовой системы, партий и движений, практики непосредственных контактов руководителей страны с бизнесом, интеллектуалами, народом, от вооруженных сил, средств массовой информации и т.д.[26].

По мнению Ш. Эйзенштадта, догоняющая модернизация представляет собой своеобразный «вызов», на который каждое общество дает свой «ответ» в соответствии с принципами, структурами и символами, заложенными в достижениях его длительного развития. Поэтому её итогом является не обязательно усвоение социальных достижений Запада, но совокупность качественных изменений традиционного общества, в той или иной степени

адаптированных к мануфактурному или индустриальному производству [110.– С. 261]. Такая модель развития была присуща странам «третьего мира», и именно она стала главным объектом изучения теории модернизации.

Модернизационные процессы в странах «третьего мира» происходила не столько в результате внутренней эволюции, сколько под влиянием внешних субъектов, т.е. со стороны развитых стран. Основным средством успешного реформирования развивающихся стран считалась экономическая помощь западных государств. Главное место в успешном осуществлении преобразований отводилось освоению развивающимися странами ценностей либерализма и стандартов западной цивилизации. Это, прежде всего формирование по западному образцу парламентских и партийных институтов, наличие плюрализма, разделение властей, выборность законодательных и исполнительных органов власти и др. [79. – С. 9]. Таким образом, политическая модернизация рассматривалась в качестве предварительного условия социально-экономического развития страны.

Данный тип модернизации также характерен для стран как Япония, Бразилия, Аргентина, балканских стран, в которых процесс модернизации начался значительно позже, примерно на рубеже XVIII - XIX вв. Развитие процесса модернизации отличалось в этих странах отсутствием ряда предпосылок, в частности развитого рынка, гражданского общества, правового государства. Власть носила авторитарный характер. Незрелость экономических предпосылок компенсировалась и сбалансировалась чрезмерным влиянием политических факторов.

Главными субъектами изменений догоняющей модернизации становятся государство, политические лидеры, что таит в себе опасность бюрократизации, непоследовательности в осуществлении реформ, перепрыгивания через этапы, возможности возвратного движения.

В свою очередь отсутствие ряда предпосылок модернизации обуславливают особую логику, стратегию и темп преобразований. В связи с этим следует отметить, что в процессе перехода от традиционного общества к

современному существенную роль играла политическая модернизация, а не экономическая.

В политической науке существуют и другие, более расширенные типы политической модернизации, такие как эндогенная, реализуемая на собственной основе (например, Европа, США и т.п.); экзогенная, осуществляемая на основе заимствований при отсутствии собственных оснований; эндогенно-экзогенная, осуществляемая на собственной основе, равно как и на основе заимствований (Россия, Турция, Греция и т.д.).

Достаточность или отсутствие предпосылок модернизации предопределяет характер преобразований, их темп, стратегию и тактику процесса перехода от традиционного общества к современному. Исходя из этого, можно выделить несколько ее моделей. В контексте парадигмы модернизации, было разработано множество теоретико-методологических моделей. В этой связи следует рассматривать, основные ее модели. Согласно линейной, евроцентристской модели, все общественное развитие осуществляется в рамках единой цивилизации и представляет однонаправленный процесс - процесс перехода от низших ступеней к высшим. Методологической основой такого понимания модернизации является рассмотрение общественного прогресса как линейного движения. Моделью исторического процесса выступало развитие стран Западной Европы [33. – С. 214].

Модель строилась на основе структуралистского подхода, опыта западной «атлантической» цивилизации и требовала рассмотрения модернизации как единого универсального восхождения обществ от недостаточной развитости (традиционности) к современности и развитости по одним и тем же стандартным ступеням стадий.

Основными положениями линейной модели выступают процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, процесс секуляризации, национальной идентификации, расширения средств массовой

информации, повышения грамотности и образования населения, становления современных политических институтов, рост политического участия граждан. Яркими представителями концепции линейной модели являются западные исследователи такие как, У. Ростоу, М. Леви, Д. Лернер, С. Блэк, Н. Смелзер, Ш. Эйзенштадт и др. [45. – С. 302].

Если исходить из концепции линейного развития, то афро-азиатские, латиноамериканские и другие развивающиеся страны должны повторить путь, пройденный западной цивилизацией. Однако такой подход не выдержал испытания временем. Как показал опыт ряда афро-азиатских, латиноамериканских стран, освоение либеральных ценностей и других стандартов западной цивилизации оборачивается не повышением эффективности государственного управления и уровня жизни населения, а ростом бюрократии, развитием коррупции, падением престижа власти, расслоением населения, нарастанием напряженности в обществе. Стала очевидной искусственностью подобных схем модернизации. Следует отметить, что процесс модернизации политической системы постсоветского Кыргызстана в период независимости оборачивался политической нестабильностью, нарастанием и укреплением коррупционной системы, повышением традиционных устоев как трайбализм, клановость и регионализм.

Следующая модель – парциальная или частичная, представителем которой является известные теоретики проблемы модернизации М. Леви, Д. Рюшмейер [12. – Р.756]. Данная модель основана на структурно-системном подходе и представлении модернизации как длительном переходе от традиционных обществ к современным обществам. Основные положения модели: во многих обществах модернизированные и традиционные элементы сплетаются в структуры, которые представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренными социальными изменениями, но нередко они закрепляются и сохраняются на протяжении поколений.

Парциальная модель, как и линейная, ориентировалась на изучение макромасштабных социальных явлений и процессов. Она поставила под

сомнение множество признаков линейной модели (революционный, комплексный, системный, глобальный, стадийный, конвергенционный, необратимый характер модернизации) [45.–С. 302].

Многолинейная модель разработана на базе классических моделей, структуралистских мироцелостных и деятельностного подходов и ориентирована на анализ макросоциальных явлений. Видными представителями модели выступают Э.Тириахьян, П. Штомпки, Р.Робертсон, У. Бек, А.Турен, С.Хантингтона и др.[Там же].

Основными положениями модели являются отказ от западных институтов и ценностей, признание собственных оригинальных путей развития и конструктивной, положительной роли социокультурной традиции, внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту; историчность подхода; отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации, от жесткого детерминизма любого толка (экономического, культурного, политического, когнитивного и т.д.); акцент на взаимодополняющий характер взаимосвязей между различными социальными факторами и системами.

Вышеназванные теоретико-методологические модели модернизации способствовали выработке более приемлемой модели перехода традиционных обществ в современные. Прежде всего, учитывающие культурно-цивилизационные, социально-экономические, политические, аспекты развития государств.

Современный опыт запаздывающей модернизации стран Южной Европы (Испании, Португалии) позволяет выявить ряд ее закономерностей. Во-первых, переход к современному обществу начинался с решения фундаментальных политических вопросов: формирования государственных институтов, выработки конституции, определения общих принципов национально-государственного устройства. Во-вторых, вопросы экономической модернизации были на время отложены и решались после урегулирования политических проблем. В-третьих, последовательность и темп

проведения модернизации регулировались авторитарным политическим режимом. В-четвертых, концентрация ресурсов в руках авторитарного режима позволяла успешно решать задачи, доставшиеся от различных исторических этапов, например, одновременно осуществлять переход к информационным технологиям и создавать парламентскую демократию, строить правовое государство [66.–С. 499].

Превалирование политики в процессе модернизации стран в переходный период, обусловлено рядом причин. Во-первых, данный процесс начинается значительно позже, чем в ныне развитых странах. Догоняющая модернизация в свою очередь предполагает синхронное решение всех проблем, а именно экономической, социальной, политической и культурной, которое по силам только государству. Во-вторых, модернизационные процессы разрушают предыдущие институты, социальные связи и формы идентификации личности. Устанавливается в обществе хаос, социальная напряженность, конфликты. Для урегулирования и предотвращения, социально-политической нестабильности в условиях переходного периода необходима сильная власть. В-третьих, незрелость цивилизационных предпосылок таких как, отсутствие развитого гражданского общества, слабость демократических традиций и т. д., а также синхронное преобразование всех сфер общества может вызвать неуправляемость социальной системы. В данной ситуации именно политика определяет стратегические цели, последовательность и логичность процесса преобразований, просчитывает социальные издержки на каждом этапе модернизации.

Наряду с этим достаточно эффективной в мировом опыте показала себя форсированная модель модернизации. Данная модель модернизации применялась в странах Юго-Восточной Азии: Южной Корее, Сингапуре, на Тайване, где трансформационные процессы проводились тоталитарными и авторитарными режимами в ограниченные сроки за 30 - 35 лет. Политические режимы в свою очередь обеспечивали социальную и политическую

стабильность, правопорядок. Согласно такой модели, реформы начинаются с преобразования, прежде всего экономической сферы общества. Так как экономический рост считается наиболее важным фактором политического развития и демократизации общественной жизни. Однако опыт форсированной модели имеет ряд проблем. Одной из них является противоречия между рыночной экономической системой и тоталитарным или авторитарным режимами.

Западные политологи отмечают, что существует тесная взаимосвязь между демократизацией и свободной рыночной экономикой. В качестве важного условия перехода к демократии называется децентрализация экономики, «распыление» экономической власти.

По мнению американского исследователя С. Хантингтона, важнейшая задача «новых демократий» - проведение экономических реформ, снижение роли государства в экономике и стимулировании рыночных отношений. Это относится как к административно-командной экономике бывших коммунистических стран, так и к этатистской экономике, преобладающей в Латинской Америке и во многих других странах. Экономическая реформа намного сложнее и обременительнее, чем политическая демократизация. Она часто сопровождается жестокими тяготами для широких слоев населения. Новые и старые демократии вынуждены двигаться по этому пути методом проб и ошибок. Но некоторые уроки можно извлечь из совсем недавнего опыта [101].

Экономическую реформу, считает С. Хантингтон, лучше начинать сразу же после достаточно убедительной победы на выборах. Для реформы всегда требуется сильная глава исполнительной власти, поэтому в условиях новых демократий предпочтительнее президентские и полупрезидентские формы правления. Начинать нужно с экономической стабилизации и только затем переходить к развитию рынка, освобождению цен и обменных курсов и, наконец, к приватизации. И все же успеха добиваются скорее те

правительства, которые осуществляют все реформы как можно быстрее и притом одновременно [101].

Как показывает мировой опыт, что экономическому развитию стран в процессе перехода от тоталитаризма к демократии наиболее способствует авторитаризм. Демократизационные процессы без достаточных экономических предпосылок, таких как качества и уровня социально-экономической жизни, социокультурных условий может сопровождаться с хаосом. В условиях тоталитаризма власть абсорбирует гражданское общество и индивида, регламентирует все сферы жизнедеятельности общества на основе сведения экономического, политического и культурного многообразия к единообразию, к подчинению одной идее, одному принципу. Авторитаризм в свою очередь признает плюрализм социальных отношений, экономическую свободу, индивидуализм и гражданского общества, придает обществу целостность, действуя на основе закона, но не допускает политической оппозиции [66.–С. 502]. Однако авторитаризм, как правило, не может быть долговечным. Его реальной перспективой выступает наиболее устойчивый тип политической системы - демократия. Исходя из этого, следует подчеркнуть, что при сохранении авторитарных структур и авторитарного режима функционирования в политической системе процесс модернизации должна эволюционно продвигаться к расширению индивидуальных и коллективных политических прав, к формированию конкурентной партийной системы, конституированию демократических механизмов власти, отражающих социально-экономический плюрализм. Только в этом случае на наш взгляд, процесс модернизации общества будет эффективным.

Американский исследователь С. Хантингтон характеризует три модели перехода от авторитаризма к демократии. Первая - классическая линейная модель демократизации (Великобритания, Швеция) предусматривает постепенное ограничение монархической власти, расширение прав граждан и парламента; вначале подданные получают гражданские (личные) права, затем права политические и значительно позднее - социальные; постепенно

ограничиваются и устраняются избирательные цензы; парламент становится высшей законодательной властью и контролирует правительство. Вторая - циклическая модель (во многих странах Латинской Америки, Азии и Африки) предполагает чередование демократических и авторитарных форм правления при формально позитивном отношении к демократии политической элиты; в этом случае избранные народом правители либо свергаются военными, либо сами узурпируют власть, опасаясь потерять ее, сталкиваясь с растущей непопулярностью и сильным противостоянием оппозиции; указанная модель свидетельствует о недостаточной зрелости внутренних предпосылок демократии, особенно, о ее слабой укорененности в господствующей политической культуре. Третья - диалектическая модель (Испания, Португалия, Греция) как и модель циклическая характеризуется нестабильностью переходных политических режимов, но здесь переход к демократии осуществляется под влиянием уже достаточно созревших для нее внутренних предпосылок (индустриализации, многочисленного среднего класса, достаточно высокого образовательного уровня граждан, рационализации и индивидуализации массового сознания и т.д.); нарастание этих и других факторов приводит к довольно быстрому и внезапному краху авторитарных режимов; в результате постепенно (после череды смен) устанавливается стабильная, жизнеспособная демократия. Обобщенная логика перехода к демократии могла бы основываться на двух моделях, различие которых состоит в наличии или отсутствии консенсуса между реформаторами и умеренными сторонниками старой системы.

Первая модель (кооперативная) обладает сущностным потенциалом демократизма. Она предполагает прежде всего постепенную и последовательную либерализацию политического режима; аккуратный и контролируемый демонтаж ряда отживших институтов прежней системы при разумном воспроизведении сохранивших право на жизнь старых и конституировании новых демократических институтов; ресоциализацию населения.

Вторая модель (конкурентная) включает резкую либерализацию; распад прежней демократической системы; попытки внедрения новых демократических институтов любой ценой, нередко вопреки сопротивлению как сверху, так и снизу. Подобная модель трансформации отличается ускоренной и часто поверхностной либерализацией и быстрым проведением демократических выборов, в результате которых старая элита отстраняется от власти. Вследствие непрочности новых политических институтов вероятны попытки реставрации недемократического режима, иногда даже в более жесткой форме [26].

В рамках форсированной модели наличие развитой культурной традиции, способной возместить отсутствие некоторых цивилизационных предпосылок модернизации, чтобы успешно приспосабливаться к постоянным изменениям общества. Прежде всего, влияние культурно-религиозной среды на процесс модернизации важен для развития рыночных отношений. В свою очередь рыночная экономика представляет собой саморазвивающуюся систему, в основе которой лежат взаимоотношения договора хозяйствующих субъектов. Эти отношения формируются на базе этических ценностей жизнедеятельности общества, которые в различных культурно-религиозных системах дали специфические типы экономики. Существенные различия в экономической организации протестантских, католических, православных, буддийских стран связаны со способностью культурно-религиозных систем быстро адаптироваться к нововведениям производственного, технологического, социального и духовного характера. Более того развитая культурная традиция позволяет даже странам Востока эффективно трансформироваться в современные общества, интегрировать ценности индивидуализма, сохраняя приверженность национальным формам организации экономической, социальной и политической жизни. В этом смысле весьма показателен опыт модернизации Японии, которая в XVII в. представляла собой традиционное общество с признаками экономической и технологической отсталости. Незрелые правовые и экономические

предпосылки модернизации страны сопровождались развитой культурной традицией японского народа, ставшей регулирующим и интегрирующим фактором процесса трансформации общества. Таким образом, освоение рыночных отношений, происходило через органичный синтез традиционных и индивидуалистических ценностей, сформировавший самобытную культуру модернизации.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что в японском обществе либеральные ценности усваивались на основе традиционной культурной парадигмы, такие как коллективизм, культ семьи и предков. Это значительно облегчало воспринять их массовым сознанием и предохраняло общество от радикальных изменений привычных стереотипов мышления и поведения. Кроме этого высокая степень социальной мобилизации и адаптивности японского общества к изменениям экономического, психологического и технологического характера объясняется наличием развитой культурной традиции, возвращенной на религиозно-этических системах синтоизма, конфуцианства и буддизма.

Наряду с вышеизложенным идеальным вариантом на наш взгляд, выступает параллельное проведение экономической и политической модернизации, когда политическая модернизация формирует развитую систему представительства интересов, содержание которых задается становлением рыночных отношений. Однако сложность такого варианта обусловлена трудностями управления процессами синхронного изменения системных свойств общества и функций экономических и политических структур. Поэтому формы и механизмы модернизации в конкретной стране должны определяться исходя из культурно-исторической и социально-экономической зрелости общества. К примеру, следует отметить, что свою способность к параллельной трансформации показала «скандинавская модель» модернизации, когда переход к политической демократии происходил одновременно с формированием рыночной экономики.

Несмотря на запоздалую модернизацию, чем в континентальной Европе, страны Северной Европы (Норвегия, Швеция, Финляндия) за последний 180 лет сумели трансформироваться в современные общества. Детерминирующую роль на модернизацию общества играли, прежде всего, исторически сформировавшая этика протестантизма, наличие индивидуализма, частной собственности, свободы и конкуренции. Наличие конституции предоставило создание правовых гарантий взаимоотношений между обществом и государством. Более того всевозрастающий уровень жизни населения амортизировал классовые противоречия и содействовал достижению общественного согласия важнейших групп общества [66.–С. 507].

В целом модернизационные процессы западных, и некоторых восточных обществ, предоставили возможность сформировать современные структуры общества, эффективно работающие на основе сильных мотивационных механизмов целенаправленной деятельности человека; создать гарантии прав и свобод личности, разнообразных моделей социальной идентификации, активность политико-правовых институтов.

На наш взгляд, ориентация исключительно на западные социокультурные ценности ограничивает возможности их практического использования для трансформации кыргызстанского общества. Однако происходящие в Кыргызстане современные процессы могут быть постигнуты в рамках концепции модернизации, которая помогает выявить логику и реальные механизмы социальных изменений, такие как системы культуры, стереотипы национального сознания, нравственные идеалы, менталитет, а также раскрыть проблемы, с которыми сталкивается страна в переходный период.

В свете вышесказанного встает вопрос о том, применимы ли европейские модели демократии к новым независимым государствам Центральной Азии, готовы ли эти общества для принятия новых моделей, имеется ли необходимость учета национальных традиций при переносе тех или иных моделей демократии в эти государства? Анализ независимого

развития государств региона показывает, что в конечном итоге принципы европейской демократии не совпадают с знанием и менталитетом традиционного общества, каковым являются общество этих государств. Принимая демократию как общий принцип, следует учитывать особенности ее адаптации в местных условиях. Для этого необходимо, с одной стороны, формировать в традиционном обществе идеи и представления о том, что такое либеральная демократия. В этом плане для Центральной Азии, на наш взгляд, особенно актуально опыт стран мусульманского Востока, длительное время находившихся под влиянием Запада, заимствовавших его демократические традиции при сохранении своих национально-традиционных особенностей.

Итак, в современном развитии Центральноазиатского региона можно выделить следующие тенденции общественного развития, которые в определенном смысле отражают разнонаправленность и даже противоречивость этих процессов. Так, проведение демократических преобразований в странах региона требует распространения принципов либеральной демократии. Этот процесс развивается параллельно с возрождением целого ряда традиционных институтов, таких как институт махалли в Узбекистане и Таджикистане с ее очень сильным коллективистским началом. В Кыргызстане активно возрождается такая традиционная общественная самоорганизация кыргызов, как трайбализм.

Испытанные и отшлифованные многовековым жизненным опытом формы социально-экономических связей рода, играли определяющую роль в производстве и распределении, управлении и воспитании и т.д. Родоплеменные отношения с их идеологией не могли сойти со сцены за несколько лет и даже в течение жизни двух-трех поколений вследствие имеющих в них целого ряда позитивных моментов. Многие элементы доклассового мировоззрения и общественных отношений более гуманны и человечны, чем отношения более позднего периода. Они не извращены узкоклассовыми, клановыми и националистическими интересами. К ним, например, можно отнести некоторые традиции и правила коллективизма,

внутриобщинной демократии, ответственности коллективной общности – племени и рода – за поступки и судьбу каждого ее члена, заботу о воспроизводстве и воспитании молодого поколения, способного к труду и общепринятым социальным отношениям, взаимопомощи и взаимовыручки.

Современное кыргызское общество столкнулось с явными проявлениями трайбализма уже в процессе выборов народных депутатов и руководителей трудовых коллективов из числа альтернативных кандидатов. В дальнейшем этот феномен явственно проявился в процессе строительства новой государственности, охватывая все новые и новые стороны общественной жизни современного Кыргызстана.

Распространение трайбализма без учета целей и задач современных реформ может вызвать усиление регионализма, что опасно для целостности государства. Противоречия внутри самого кыргызстанского этноса – межплеменами, родами, деление на некоторые не изжито за годы социалистического развития, затрудняет процесс перехода к демократии. В этой связи в процессе политической модернизации страны особо следует учитывать феномен трайбализма, и разработать механизмы решения данной проблемы.

В процессе реформирования целесообразно использовать все новое и полезное из богатого опыта других стран. Однако положительного эффекта можно достичь, если не слепо копировать какую-либо модель, а лишь на основе учета специфических условий, национальных особенностей той или иной страны, региона, в том числе и традиционных религиозных убеждений. Однако при этом важно продумать вопрос сочетания рационализма и традиционализма. При выработке моделей необходимо исходить из исторической специфики стран Центральной Азии, определить место региона как уникальной цивилизации с ее особенностями.

Практика модернизации также показывает, что технократическое решение проблемы трансформации общества на основе экономических методов (капиталовложений, технологий) не дает должного эффекта без

изменения системных ценностей. Важную роль в процессе осознания будущего пути развития играет этап политического выбора. Отбросив прежнюю коммунистическую модель развития, и начав процесс реформирования общества, реформаторы не сумели предложить обществу новые реалистические модели и цели, понятные населению этих стран. В результате непонимания содержания и сущности реформ, их целей и результатов процессы реформирования не имеют достаточной социальной поддержки. Снизился уровень управляемости обществом, что особенно опасно в условиях реформирования. Ибо реформы невозможны без механизмов влияния на поведение людей. Проблемы реформирования еще связаны и с тем, что модернизация постсоветских государств понималась, прежде всего, как «вестернизация», т.е. копирование западного образца общественного развития. Ориентация исключительно на западную модель развития рассматривалась в качестве обязательного условия социально-экономического и политического развития новых независимых государств. Главным средством успешного реформирования считалась экономическая помощь западных государств, а основным модернизирующим фактором - капитал, с помощью которого предполагалось преобразовать политические институты, изменить социокультурные ценности. Основой такого понимания модернизации является рассмотрение общественного прогресса как однолинейного процесса, заключавшегося в том, что страны всех регионов мира независимо от своих особенностей и традиций должны непременно повторить путь, пройденный западной цивилизацией, освоить ценности и стандарты. Однако слепо копировать образцы общественного развития Запада не дает должного эффекта.

На наш взгляд, наиболее эффективным вариантом является объединение и учет всех предпосылок процесса модернизации. Если учесть все необходимые аспекты в процессе проведения преобразования, то можно получить необходимый результат. Кроме того, это обеспечит получение собственного рецепта модернизации на основе мировой практики перехода от

традиционных обществ к современным. В этом плане важно соблюсти приоритет вводимых универсальных ценностей современного демократического общества. Отклонение от демократической модернизации не может объясняться никакими специфическими особенностями конкретной страны.

Универсальные общепризнанные ценности как правовое государство, гражданское общество, средний класс, рыночная экономика, конкуренция, плюрализм, многопартийность, неправительственный сектор и т.д., актуальны для всех государств, кто встал на путь демократической модернизации. Другое дело, что в процессе претворения реформ преобразования надо обязательно обращать внимание на последовательность, постепенность, своевременность, адекватность, имеющиеся рациональные традиционные ценности, уровень политической культуры и так далее. Конкретный опыт модернизации некоторых стран убедительно доказывает, что не всегда искоренение традиционных ценностей будет эффективным и рациональным решением. Некоторые ценности и приоритеты традиционного общества весьма сильны, от них трудно, почти невозможно отказаться и, более того, они весьма позитивны сами по себе. Поэтому важно осуществлять модернизацию так, чтобы эти традиционные ценности начали сами способствовать ее успешному претворению, важно отметить, что все начавшиеся процессы модернизации и их непосредственный результат во многом зависели и определялись от самого субъекта модернизации.

В этом плане роль государства, безусловно, первостепенна. Ведь, насколько известно, необходимые ресурсы для проведения реформирования заключены в условиях перехода традиционных обществ к современным именно в руках этого основного политического института страны.

Итак, главным условием успешной модернизации является выбор оптимальной модели развития общества, сочетающей в себе достижение мировой цивилизации с самобытными национальными формами.

Опыт модернизации государств Юго-Восточной Азии показал, что она возможна на основе традиционной модели культуры. На базе национальных традиций может сформироваться самобытная форма организации хозяйства и менеджмента в синтезе с традиционными отношениями и соответствующими им институтами. Национальные традиции снижают угрозу обострения социальных противоречий. В данной ситуации принципиально важен вопрос о выборе адекватной модели инновационного развития, использующей соотношение патерналистских и либеральных стимулов.

В этой связи при выборе моделей развития кыргызстанского общества, прежде всего, стоит обратить внимание на культурно-цивилизационные особенности нации, традиции, особенности менталитета и духовной жизни, которые необходимо адаптировать к сегодняшним реалиям, и только при этом Кыргызстан имеет возможность успешно интегрироваться в мировое сообщество, действующее на основе общечеловеческих ценностей, демократии и рационализма.

ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

2.1. Предпосылки и факторы модернизации социально-политической жизни Кыргызской Республики в условиях глобализации

Кыргызстан – государство центрально-азиатского региона, месторасположение которого имеет важное геополитическое и геоэкономическое значение как связующего моста между Западом и Востоком, а также Севером и Югом.

В настоящее время Кыргызская Республика политически, экономически, исторически, во временном и пространственном измерении находится между коммунистическим прошлым и демократическим будущим.

Для наиболее полного и всестороннего рассмотрения включения Кыргызстана в процесс глобализации многие отечественные исследователи рассматривают политико-экономическое развитие нашей страны в историческом контексте и выделяют три основные этапы модернизации в Кыргызстане: период включения Кыргызстана в состав Российской Империи, советский период и новейшее время после обретения суверенитета [71.– С. 11. ;82].

Так, первый этап модернизации политической и экономической структуры кыргызстанского общества начался во второй половине XIX начале XX веков после включения их в состав царской империи. Колониальная политика России определила насильственный характер модернизации. Царским правительством был проведен ряд реформ, направленных на изменение экономического и социального уклада жизни народов Центральной Азии. Несмотря на это, внутриродовая и патриархально-феодальная система отношений кыргызстанского общества не претерпели радикальных изменений, будучи слегка модифицированным под общепринятую систему государственного управления [71.–С. 11].

Позитивное значение данного этапа выразилось в том, что в это время произошло первое приближение к мыслящей европейскими образами российской культуре. В Центральной Азии появились начальные школы, фабрики и заводы, предпринимались попытки внедрения оседлого земледелия среди кочевников, формировались основы национальной бюрократии. Этому значительной степени, способствовали расширяющиеся контакты местных народов с переселенцами из России. В то же время, политика царизма, будучи направленной на закрепление подчиненного положения «туземцев», привела к росту сопротивления с их стороны. Пик недовольства проявился в восстании 1916 года, охватившем почти всю Среднюю Азию и Казахстан.

Второй этап модернизации включает с 1917 по 1991 гг. Данное время можно характеризовать как период осуществления грандиозного исторического эксперимента, частью которого стало более активное включение народов региона в современные политические и экономические структуры.

Безусловно, этап модернизации в советский период принес много позитивных перемен для коренного населения. В частности это были первый опыт государственности, доступ к общему среднему и высшему образованию, расширение информационно-коммуникативных возможностей. Более чем за семидесятилетний период существования советской власти кыргызский народ проделал огромный путь от феодального кочевого и полукочевого уклада жизни, к промышленно развитому члену мирового сообщества.

Негативным результатом данного этапа является закрепление за странами Центральной Азии сырьевого значения в общесоюзной экономической системе, которое обусловило их подчиненный характер. Подлинной самостоятельностью страна фактически не обладала, однако в составе СССР она прошла сложный путь становления; сформировалась социальная структура общества, было создано сельскохозяйственное производство и развиты отдельные отрасли промышленности, такие как энергетика, машиностроение и др. Также преобладание

сельскохозяйственного сектора в экономике. Это в свою очередь, привело к консервации доминирующего положения сельского населения в странах региона [71.–С. 12].

В результате, второй этап модернизации в Центральной Азии принял неравномерный, анклавный характер.

Проводившийся советским руководством курс на форсированные преобразования, т.е. переход от патриархально-феодального строя в социалистическую, минуя капитализм, не смог существенно повлиять на систему родоплеменных отношений. Партийное руководство СССР при назначениях было вынуждено учитывать клановую иерархию, соблюдая баланс отношений Севера и Юга. Реконсервации традиционализма как форме сопротивления насильственному изменению национальных традиций содействовала и политика партийной верхушки, направленная на русификацию народов СССР под лозунгом создания новой общности – «советского народа». Это закономерно привело к взрывному развитию национально-патриотических движений конца 80-х годов, во многом способствовавших распаду Союза.

Унификация власти в рамках советской административной системы не позволила создать эффективных органов государственного управления. Промышленное и сельскохозяйственное производство носили экстенсивный характер и могли существовать только в условиях закрытой экономики. «Перестройка» окончательно добила их, приведя к массовой нищете населения и деградации социальных институтов. Вследствие этого, по окончании второго этапа модернизации, большинство государств Центральной Азии, в том числе и Кыргызстан, вошли в мировое пространство, будучи неготовыми к данному процессу.

Вместе с тем перестроечные процессы имели и позитивные результаты. Прежде всего, это проявилось в демократическом плюрализме, формировании Демократического движения "Кыргызстан", который начало зарождению многих, альтернативных коммунистических общественных

объединений Кыргызстана. Главный же результат перестройки - развал СССР вел к образованию суверенного Кыргызстана.

Большой интерес среди исследователей вызывает третий этап модернизации с конца августа 1991 года, когда был провозглашен государственный суверенитет Кыргызстана и ряда стран постсоветского пространства. Впервые в истории нашего народа и кыргызстанского общества была уникальная возможность самостоятельно избирать и реализовать пути своего развития.

Теоретически представляется, что модернизация совершается тогда, когда экономический мотив при капитализме становится самоцелью, приходя в противоречие с традиционным стилем мышления. Однако, по мнению С.И.Масаулова, что в Кыргызстане продолжают господствовать представления о «достаточности», то есть необходимом минимуме средств для жизни как основы социальной деятельности. Это означает, что экономический мотив производства ради будущего не стал главным, и страсть к наживе не переросла в экономический интерес. По данному показателю Кыргызстан до сих пор не смог достичь критерия модернизированного общества. Хотя по ряду черт модернизация уже состоялась еще в социалистический период [63.– С. 83].

Распад СССР и необходимость самостоятельного развития Кыргызстана на базе ограниченных ресурсов явились решающими факторами при выборе модели демократического развития.

Однако степень готовности республики к переходу к демократии и рыночным отношениям оказалась недостаточной. Переход на новую модель развития осуществлялся в Кыргызстане в условиях глубокого экономического кризиса, тотального дефицита, роста цен. Снижение жизненного уровня основной массы населения, сокращение численности маргинального слоя, безработных и полубезработных – эти и другие факторы усиливали дестабилизацию в стране. Кроме того в стране с невысоким уровнем жизни и

экономикой, переживающей системный кризис, трудно рассуждать о каких-то определенных чертах ее будущего.

Исследователи отмечают, что немаловажным фактором было также то обстоятельство, что в начале своего суверенного развития в республике отсутствовал опыт самостоятельного развития государства в его современном понимании. Были слабы демократические традиции, гражданское общество отличалось незрелостью. Ощущалось влияние советского наследия и сильные традиции авторитарного управления в рамках центральноазиатской культуры. Поэтому начало транзитного периода в Кыргызской Республике совпало и с возрождением национальной государственности [17].

С тех пор уже прошло более двадцати лет суверенитета Кыргызской Республики (1991-2012гг.), а между тем до сих пор налицо слабость государственности и нестабильность политической системы страны, консервативное мышление в политической сфере и низкая демократическая политическая культура.

В этой связи хотелось бы отметить ряд факторов политической модернизации, выступающие как механизмы в процессе реформирования политической системы страны.

В настоящее время выработка ориентиров стабильного демократического развития Кыргызской Республики возможна на основе более глубокого анализа прошлой общественно-политической истории и исследования современной политической реальности суверенного Кыргызстана.

На наш взгляд, на успех политической модернизации большое влияние будут оказывать также социокультурные, экономические, внутривнутриполитические и внешнеполитические факторы, которые определяют дальнейшее эволюционное развитие политических событий. Поэтому для проведения дальнейшей политической модернизации Кыргызской Республики необходимо проводить своевременное реформирование всех подсистем

политической системы, а именно: экономической, политической, культурной, социальной, правовой.

Прежде всего, политические преобразования должны осуществляться с учетом традиционных социокультурных особенностей и ментальности. Несмотря на то, что данный вариант достаточно сложный и длительный, тем не менее, он является наиболее рациональным и, что важно, наиболее спокойным и мирным для дальнейшего осуществления процесса политической модернизации в Кыргызской Республике.

С учетом историко-культурных, политических, этноконфессиональных и социальных особенностей, на данном этапе наиболее приемлемой выглядит социально-ориентированная (западноевропейская) модель демократии, основанная на социальном партнерстве и регулируемом рынке. Применительно к условиям Кыргызстана, она может быть использована в форме «управляемой демократии» как смягченного и адаптированного к его условиям эволюционного варианта демократизации. Позитивное содержание этого подхода выражается в том, что он основан на высокой роли государства в реализации стратегии социального партнерства и заботе о населении в условиях переходного периода.

Анализ социокультурных факторов определяющих модернизацию Кыргызстана становится не только условием понимания хода событий, но и условием их реализации, поскольку будущие духовные предпосылки, ранее относимые к действию стихийных сил в общественном развитии, во многом запрограммированы прошлым историческим развитием кыргызстанского общества.

В связи с этим при выборе дальнейшего пути общественного развития, требуется определение культурно-цивилизационной основы центральноазиатского региона. Сегодня данная проблематика активно дискутируется в научных кругах центральноазиатских республик в постсоветский период. Проблему выявления культурно-цивилизационного статуса Центральной Азии одними из первых поставили кыргызские

исследователи, авторы монографии «Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии» [84.–С. 165], которые рассматривают Центральную Азию как один из самостоятельных центров цивилизации. Анализируя цивилизационные параметры региона авторы, полагают, что «оснований для рассмотрения данного региона как типа локальной цивилизации достаточно, так как Центральная Азия отвечает как историческим, так и логическим дефинициям цивилизационной теории». Данный вывод довольно аргументированно обосновывается на базе анализа хозяйственно-культурных типов народов региона, его антропологического разнообразия и форм государственности, культурно-языковой и конфессиональной принадлежности Центральной Азии.

Важным аспектом в проблеме выбора модели общественного развития, по мнению кыргызстанского исследователя А.Б. Элебаевой было определение самоидентификации на международной арене. В советскую эру элиты были убеждены в своей принадлежности к Восточной Европе или, по крайней мере, Евразии, которая принадлежит Азии лишь географически, но в культурном, экономическом, политическом плане является частью Восточной Европы. После распада СССР они были вынуждены пересмотреть свою идентичность в следующих направлениях: являются ли центрально-азиатские республики частью «третьего мира», могут ли они считаться евразийскими государствами? Часто обсуждаемые эти вопросы во всех республиках региона, ясно продемонстрировали, что элита и народ не готовы «вернуться в Азию» и принять свое «азиатство». Очевидно, что элиты этих стран хотели бы сохранить свой особый статус «срединного» положения, когда они не относятся ни к Западу, ни к Востоку [79.–С. 42].

Следует отметить, что данный стереотип продолжает существовать в общественном сознании; национальные элиты продолжает самоидентифицироваться больше с Европой, чем с Азией.

Естественным ориентиром для общественного развития региона с прошлого века была Европа, западная цивилизация, тяготение к которой

стимулировалось метрополией в лице России. В дальнейшем в советский период развития европоцентристская ориентация через изучение русского языка и русской культуры была продолжена.

Воспитанные в русле европейской цивилизации поколения политической и культурной элиты национальных окраин советской империи в большинстве своем становились представителями, проводниками двух цивилизаций и двух социальных культур - собственной культурно-цивилизационной основы и заимствованной, оказавшей на них огромное влияние. Закономерно, что в дальнейшем они представляли себе будущие перспективы своих стран как нечто вроде третьего пути развития «Центральноазиатской Европы».

По мнению российского исследователя М. Чешкова, Центральную Азию полезно рассматривать через призму трех процессов - с их формами и траекториями. Речь идет о традиционализации (возвращение или возрождение досоветских историко-культурных традиций), периферизации (включение в мировое разделение труда в роли источника сырья, зависимость от мирового рынка и – особенно от иностранного капитала) и глобализации (втягивание в структуру глобальной общности человечества). Нынешняя трансформация постсоветской Центральной Азии разворачивается таким образом, что этот регион как бы погружается одновременно и в три различных пространства (условно – Восток, Юг, Мир) и в три различных времени (прошлое, настоящее, будущее) [103.–С. 49].

Наряду с этим необходимо учитывать, что в Центральной Азии сохранился религиозно-цивилизационный фундамент арабо-мусульманской региональной цивилизации. Несмотря на кампанию атеизации советского общества мусульмане Центральной Азии все-таки остались мусульманами. В годы советской власти ислам сохранял роль регулятора общественных отношений, оказав значительное влияние на общественное сознание. В данном случае речь может идти о так называемом «бытовом исламе». В то же время в годы советской власти догматический ислам подвергся разгрому: была

уничтожена система религиозного мусульманского образования, разрушены или отняты у общин мечети, ликвидирован высший интеллектуальный слой духовенства, носителя религиозной культуры и традиции. Ислам был лишен права на участие в политической жизни. В результате этого религиозно-цивилизационный фундамент региона был существенно подорван. Несмотря на это ислам полностью не уничтожен, а все-таки ислам сохранился в Центральной Азии.

Учитывая, традиционные вероисповедания кыргызстанского общества мы должны проводить более сбалансированную религиозную политику в процессе политической модернизации. По мнению ряда авторов, религия на процесс перехода к демократии оказывает большое влияние, формируя менталитет, структуру политического сознания. Она может, как тормозить демократизацию, так и стимулировать ее. Религия как культурно-исторический фактор во многом определяют форму и содержание возможных вариантов перехода, т.к. они складываются в течение веков и изменяются крайне медленно [104.–С.55].

В настоящее время в Кыргызстане мусульманский «взрыв», как и во всей Центральной Азии, характеризуется внешне быстрым ростом числа мечетей и медресе, количеством людей, совершивших хадж в Мекку. Более 80% населения придерживается ислама: среди мусульман кыргызов – 60%, узбеков – 15%, уйгуров, казахи, курды, даргени и другие – 5%. Православие – 17%: русские, украинцы и белорусы [112].

Таким образом, в процессе политической трансформации общества историко-культурные предпосылки не теряют свою значимость, выразившиеся в национально-ценностных измерениях. Но другое дело, каким образом, и в какой степени национально-исторические, культурные особенности страны будут воздействовать на формирование в ней новых экономических и политических отношений.

Наряду с этим хотелось бы подчеркнуть, что в процессе реформирования политической системы основой выступает традиционная

общественная самоорганизация кыргызов как трайбализм, который в свою очередь затрудняет процесс политической модернизации в Кыргызстане. Исследователи этого социального явления отмечают, что именно в трайбализме концентрируется то, что в течение многих веков помогало сохранить самобытность и самостоятельность кыргызов как этноса. Советская система за 70 лет своего существования со всеми карательно-запретными методами управления не смогла искоренить кыргызский трайбализм. Культурная основа трайбализма - предпочтение членов одного рода, клана или семьи - характерна для культуры кочевников. Более того эта система некоторым образом укрепилась при советской дефицитной экономике, что способствовало формированию уверенности в неофициальных связях в повседневной жизни. Все эти особенности прямым образом сказались на ценностно-нормативных установках, мировоззрении, национальном самосознании кыргызстанцев. Данная специфика политической культуры Кыргызстана порождает в настоящее время неформализованные отношения в политике, которые рождают жесткие конфликты с формальной политикой, и является одним из самых больших преград на пути политической модернизации страны. Для государства и власти не учитывать эти установки – значит никогда не прийти к национальному согласию. Как отмечает отечественный исследователь А.А.Анарбеков, что Кыргызстан сегодня – это симбиоз традиционализма и инновационных процессов, происходящих в политической системе Кыргызстана [17].

Значительную роль в процессе политической модернизации играют экономические факторы. По мнению С. Хантингтона, важнейшая задача «новых демократий» - проведение экономических реформ, снижение роли государства в экономике и стимулировании рыночных отношений. Это относится как к административно-командной экономике бывших коммунистических стран, так и этатистской экономике, преобладающей в Латинской Америке и во многих других странах. Экономическая реформа намного сложнее и обременительнее, чем политическая демократизация. Она

часто сопровождается жесткими тяготами для широких слоев населения. Новые и старые демократии вынуждены двигаться по этому пути методом проб и ошибок. Но некоторые уроки можно извлечь из совсем недавнего опыта [101].

Экономическую реформу, считает С. Хантингтон, лучше начинать сразу же после достаточно убедительной победы на выборах. Для реформы всегда требуется сильная глава исполнительной власти, поэтому в условиях новых демократий предпочтительнее президентские и полупрезидентские формы правления. Начинать нужно с экономической стабилизации и только затем переходить к развитию рынка, освобождению цен и обменных курсов и, наконец, к приватизации. И все же успеха добиваются скорее те правительства, которые осуществляют все реформы как можно быстрее и притом одновременно [Там же].

После приобретения независимости Кыргызстан выбрал курс свободной, открытой, социальной рыночной экономики, что представляет в мировой экономике свое универсальное практическое значение. В рыночной экономике государственная управляющая и координирующая деятельность учитывает рыночный режим хозяйствования, не противопоставляет свои действия, а наоборот, содействует развитию цивилизованных рыночных отношений и обеспечивает взаимосвязанность и согласованность рыночных и государственно-административных методов регулирования.

Как отмечает известный экономист, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики Т.К. Койчуев, при построении концепции и модели развития экономики, используя наследие и опыт продвинутых обществ, обязательно необходимо учитывать свои особенности развития: уровень развитости экономики и социальной сферы, социальное сознание, социальную психологию, традиции народа, влияние религиозного предпочтения населения, уровень цивилизованности. И очень важно ясно обозначить: каково наше видение экономики, чего хотим достигнуть, какие

задачи в этой связи предстоят и какие нужны решения для их реализации[52.– С.82].

Более того, свободная, открытая, социальная, рыночная экономика Кыргызской Республики должна быть способной решать задачи и увеличения социально-экономического потенциала, обеспечения экономически активного населения рабочими местами и создания возможностей заняться бизнесом, повышения благосостояния народа и обеспечения населения необходимыми жизненными благами, укрепления экономической и национальной безопасности страны. Чтобы решить эти задачи в условиях политической модернизации, экономика нашей страны должна динамично развиваться, достигать относительно заметных масштабов, эффективно (высокорентабельно, самодостаточно) функционировать.

Исходя из этого, следует подчеркнуть, что для проведения наиболее эффективной экономической политики отечественные экономисты разделяют приоритеты экономики на два вида:

1) приоритеты, к которым зарубежные инвесторы мало проявляют интереса, и реализация которых становится делом собственного народа и собственного государства (например, агропромышленная сфера);

2) приоритеты, к которым зарубежные инвесторы проявляют сильный интерес и для реализации, которых собственные инвестиционные ресурсы недостаточны.

К второму можно отнести освоение и вовлечение в хозяйственный оборот минеральных, топливно-энергетических ресурсов (уголь, нефть и газ), запасы металлов (черных, цветных, благородных, редкоземельных), водных оросительных и гидроэнергетических ресурсов (строительство каналов, создание водохранилищ и сооружение гидроэнергетических сооружений), создание общенациональной (международного значения по масштабам использования) и универсальной по целям инфраструктуры (железные дороги, автомобильные дороги, воздушное сообщение и т.д.). Для решения этих проблем ни государства, ни у отечественной предпринимательской среды нет

достаточных средств. И государство, и предприниматели вынуждены и к заимствованию, и к привлечению внешних ресурсов для совместных проектов [52.–С.85].

Важно четкое определение источников финансирования: за счет, каких и чьих финансовых ресурсов можно и нужно развивать те или иные экономические объекты. Это архиважно в условиях многоукладной рыночной экономики и демократизации общества.

В настоящее время уровни инвестиционного климата в Кыргызстане снижаются и характеризуются неустойчивостью и перепадами по сравнению к 1990 году. Повышение уровней в 1996-1997 годам (59,8 и 57,6% к уровню 1990 г.) сменилось резким спадом в 1998-1999 гг. (37,2 и 45,2%), затем поднятием в 2002 – 48,0%, 2003 -44,8%, 2004 -45,7% к уровню 1990 г. В 2001-2003 гг. инвестиции в основной капитал снижались [52.–С.90].

В последнее время поступление внешних инвестиций в основной капитал значительно сократилось. Это связано, прежде всего, со снижением «доверия» к нашему экономическому климату, с настороженным отношением к политической ситуации, с неумением соответствующих госструктур обоснованно определять приоритеты, могущие вызвать заинтересованность иностранного капитала.

Необходимо предпринять все усилия, чтобы предпринимательская среда работала стабильно, рентабельно и существенно увеличила свой инвестиционный потенциал. В конце концов, нужно преодолеть зависимость от иностранного капитала. Постепенно уменьшая эту зависимость.

Кыргызстан находится в группе стран с низким доходом, ВВП на душу населения в 2004 году составляет лишь 432, 9 долл. США. Как известно, страны с доходами от 736 долл. до 2934 долл. относятся к странам с доходами ниже среднего, от 2935 до 9075 долл. – к странам с высокими доходами выше среднего, от 9075 долл. и выше – к странам с высокими доходами. Даже в группе стран с низкими доходами Кыргызстан далек от верхнего предела (735

долл.) оценки уровней развития стран этой группы [51.–С. 89]. ВВП значительно сократилось по сравнению к 1995-2004 гг. на 4,2 %.

Для формирования народнохозяйственной структуры, темпов и пропорций развития экономики наибольшее значение имеет наличие и использование ресурсного потенциала.

Кыргызская республика располагает значительными запасами месторождений полезных ископаемых, благоприятными природно-климатическими условиями, богатейшими водно-энергетическими ресурсами, уникальным растительным и животным миром, что представляет собой огромные возможности для развития реального сектора, социальной сферы и услуг.

Разведанных запасов угля – около 2 млрд. (прогнозных – 20-5 млрд.т), запасы нефти – 12-15 млн. т, а по оценке ученых, в республике запасы углеводородных ресурсов составляют 300-330 млн. т, природного газа -6-7 млрд. т, гидроэнергетический потенциал превышает 160 млрд. кВт.ч выработки электроэнергии в год, а потенциал возобновляемых источников энергии (солнца, геотермальных ресурсов, ветра, малых водотоков и т.д.) оцениваются в 800-850 млн. т условного топлива [52.–С.98]. Более широкое вовлечение их в хозяйственный оборот позволит открывать новые производства и формировать новые отрасли промышленности, валютообразующие и валютоукрепляющие, существенно способствуют увеличению государственного бюджета.

Для наиболее эффективного реформирования национальной экономики государственная политика должна «узаконить» задачи в конкретных указах Президента, законах Парламента и постановлениях Правительства в переходный период. Выдвигать конкретные сроки и этапы реализации задач, формировать государственный бюджет, принимать конкретные решения в виде указов, законов, постановлений, распоряжений запуска осуществления экономической деятельности.

Парламент, Правительство и соответствующие государственные, экономические, правовые учреждения должны постоянно контролировать, оценивать действенность экономических и административно-правовых механизмов управления, координации, инициирования и стимулирования экономической деятельности и своевременно совершенствовать. Что на наш взгляд обеспечить динамичный рост экономики, который позволит нам выйти из труднопреодолимой ситуации в переходный период и даст значительный позитивный эффект для дальнейшего политического, экономического, социального развития страны в процессе политической модернизации.

Определенные влияния на успех политической модернизации в Кыргызстане оказывают геополитические факторы, которые обусловлены «включенностью» страны во всеобщий процесс глобализации. Глобализация становится одним из основных факторов, «подталкивающих» Кыргызстан к скорейшему осуществлению политической модернизации.

Принятая «Декларация о государственной независимости Республики Кыргызстан» 31 августа 1991 г. [35.–С.318]. явилась первым законодательным документов в области внешней политики, провозгласившим приверженность Кыргызстана общепризнанным принципам международного права. А исключительно важным событием в плане законодательного закрепления принципов и направлений внешней политики явилось принятие 5 мая 1993 г. Конституции Кыргызской Республики [54.–С.175]. Кыргызская Республика провозглашена суверенной, унитарной, демократической республикой, построенной на началах правового, светского государства. В основу внешней политики Конституция заложила стремление Кыргызской Республики к всеобщему и справедливому миру, взаимовыгодному сотрудничеству, разрешению глобальных и региональных проблем мирным путем, соблюдению общепризнанных принципов международного права. За Президентом Кыргызской Республики закреплено конституционное право для определения основных направлений внешней политики и представление государство в международных отношениях.

Первыми признали независимость Кыргызстана три государства, одновременно установившие и дипломатические отношения с нашим молодым государством: 24 декабря 1991 г. – Турецкая Республика, 26-декабря – Австралия и 27 декабря Соединенные Штаты Америки. А уже в следующем 1992 году дипломатические отношения с Кыргызстаном установили еще 59 государств. В числе этих государств оказались все члены Европейского Союза и Швейцария, а также такие государства, как Китай, Япония, Канада, Россия, Индия, Иран, Пакистан, Южная Корея, т.е. ведущие страны мира. 2 марта 1992 г. на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций единогласным решением Кыргызстан был принят в эту глобальную организацию[98.–С.16].

Следует отметить, что после распада СССР ни одна бывшая советская республика не в состоянии была самостоятельно сохранить стабильность, обеспечить национальную безопасность, провести экономические преобразования и интегрироваться в мировое сообщество. В этой связи 21 декабря 1991 г. постсоветские образовали Содружество Независимых Государств (СНГ). Учредителями СНГ стали 12 бывших союзных республик, за исключением трех прибалтийских [98.–С.24].

В рамках СНГ Кыргызстан стал членом таких интеграционных организаций как, Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС-выходящий за рамки Содружество).

Такая органическая взаимосвязь внешнеполитических целей с социально-экономическими задачами развития Кыргызстана обуславливают прагматический характер внешней политики.

Активно развивающиеся в мире интеграционные процессы открывают широкие возможности для решения внешнеполитических и внешнеэкономических задач. Именно поэтому первые годы независимости Кыргызстана объективно отмечены стремлением к интеграции, как в глобальном, так и региональном масштабах.

В проведении своих национальных интересов (на уровне регионов ЦА, в рамках СНГ, европейском и азиатском направлениях, на глобальном уровне – ООН, ОБСЕ и других международных организаций) Кыргызстан старается проводить целенаправленную сбалансированную многовекторную внешнюю политику. При этом внешнеполитические мероприятия Кыргызстана соизмеряются собственному политическому и экономическому потенциалу и степени его вовлеченности и влияния на мировой процесс.

В настоящее время характер и глубина политической модернизации в Кыргызстане как отмечает А.Б.Анарбеков, во многом способствует на повышение международного престижа страны, создает условий и дополнительных стимулов для расширения экономического сотрудничества с зарубежными странами и роста инвестиций в кыргызстанскую экономику, а, следовательно, открывает доступ к ресурсам на международной арене [17. – С.23].

Как показывает мировой опыт, чем больше у нас общих ценностей с другими странами, тем больше мы способны понимать друг друга и способны наладить межгосударственные партнерства в развитии нашего государства на основе демократических принципов.

Таблица 2.1. Рейтинг стратегических партнеров Кыргызстана [93. – С. 65]

Потенциальный партнер	Экономические интересы	Военно-стратегические интересы	Возможность оказания экономической помощи	Возможность оказания военной помощи	Итого, балл
ФРГ	2	1	3	1	7
Индия	4	2	1	1	8
Иран	3	2	2	1	8
КНР	4	5	2	3	14
Пакистан	3	4	1	0	8
РФ	1	5	2	5	13
США	1	4	5	1	11
Турция	2	2	2	1	7
Япония	2	3	5	0	10

(Данный рейтинг дает возможность получить представление о состоящих тех или иных предпочтений для Кыргызстана).

Сегодня Кыргызстан находящегося на стадии перехода от «до современного» к «современному» государству, модернизация сохраняет свою актуальность. Не менее важно и то, что современные теории модернизации позволяют самим объектам ее воздействия избирать различающиеся пути практической реализации. Огромный позитивный пример показали страны Юго-Восточной Азии, сумевшие на основе своей идентичности успешно реализовать широкомасштабную модернизацию.

Исходя из этого, крайне важным на современном этапе развития представляется правильное определение внутренних источников и наиболее приемлемых направлений расширения действующего модернизационного проекта. Провал демократического реформирования как одного из вероятных синонимов либеральной модернизации периода правления первых двух президентов Кыргызской Республики принуждает нас к выработке скорректированной стратегии перехода, адекватной имеющимся историческим, политическим и экономическим условиям.

Политическая и экономическая модернизация страны должна, приняв характер органического процесса, проникая «вглубь и вширь», адаптируя традиционные ценности к сегодняшним реалиям. К такому роду «полезным» ценностям можно отнести коллективные начала как основу межгрупповой солидарности, морально-нравственные ценности, спешно воссоздаваемые в западных обществах. Немаловажным ресурсом выглядит возможность умелого использования традиционных религий как одного из эффективных средств локализации религиозных радикалов. Модернизация в Кыргызстане должна носить не только «информационно-технологический» характер, но и быть способной творчески использовать и сохранить позитивные стороны реформируемого традиционного общества. Это позволит преодолеть нарастающую конфронтацию и создать собственную идентичность, единственно способную спасти Кыргызстан в условиях глобальной гиперконкуренции государств, рынков и идей.

2.2. Роль внешних акторов в процессе модернизации политической системы Кыргызской Республики в условиях глобального мироустройства

Под воздействием глобализации происходит смена политических, социально-экономических, культурно-духовных ориентиров, серьезные сдвиги в функционировании хозяйственных механизмов, во всех сферах общественно-политической жизни утверждается плюрализм. Ценности коллективизма вытесняются с индивидуализмом, усиливается интеграция и формирование мирового рынка. Происходят сдвиги в политических режимах, утверждаются западные типы политических институтов, парламентаризм и выборность политических деятелей[99. – С. 60]. В этой связи, глобализация становится одним из основных стимулирующих факторов к скорейшему осуществлению политической модернизации в Кыргызстане.

Политическая глобализация многопланово воздействует на политическую сферу, способствуя утверждению феномена «глобальной демократии» расширяющая демократические права и индивидуальной свободы человека. В этом плане глобализация способствует сужению прерогатив государства.

В условиях глобализации государство начинает претерпевать качественные изменения. Они могут нести как отрицательные, так и положительные последствия. Все решения политического, социально-экономического, культурного характера должны быть взвешены и компетентны. Политические лидеры должны быть готовы к переменам, просчитывать, анализировать ситуацию, предвидеть результаты изменений. Элиты должны научиться договариваться между собой не только в процессе деления сферы влияния, но и сферы ответственности. При конструировании модели парламентской демократии важно учитывать эти и другие обстоятельства.

Глобализация вписывает наше государство в гораздо более сложные структуры международных отношений и их регулирования, ставит перед ним

требования социально-экономической состоятельности и практической международной ответственности за свои внутренние действия. Решать такие задачи способно только дееспособное и эффективное, а значит, профессиональное, некорруптированное, экономически состоятельное государство. Государства не способные отвечать новым требованиям, оказываются перед возможностью потери внутренней и международной легитимности.

Распад Союза и необходимость самостоятельного развития Кыргызстана на базе ограниченных ресурсов явились решающими факторами при выборе модели демократического развития. В этой связи в приоритетном плане Кыргызстан контактирует с государствами, оказывающими ей значительную финансовую помощь и политическую поддержку. Наиболее существенное влияние на процесс формирования демократических институтов, гражданского общества и при осуществлении политической модернизации в Кыргызской Республике оказали глобальные внешние акторы как США и западноевропейские государства, входящие в Европейский Союз (ЕС). В 1992 г. государства ЕС и США одними из первых признали независимость новых республик региона и установили с ними дипломатические отношения. Для трансатлантических игроков это явилось важным моментом для укрепления своего влияния на постсоветском пространстве.

Как отмечает американский исследователь Р. Даль, США могут облегчить трансформацию стран с авторитарными режимами в демократические, поддерживая правительства этих стран финансами, оружием и другими средствами оказывая на них давление в сторону перемен[79. – С. 28].

В свое время Председатель Международного консультативного совета по безопасности Великобритании, генерал Г. Джонсон отмечал, что внешнеполитическая стратегия США в дальнейшем будет направлена на развитие демократических институтов в странах исламского мира, а

сотрудничество Вашингтона со странами Центральной Азии будет определяться модернизацией политических режимов и развитием сотрудничества государств региона «на основе реальной конкуренции, не переходящей конфронтацию» [122].

По мнению С. Хантингтона США и Европейский Союз располагают всем необходимым, чтобы поддерживать консолидацию демократии там, где они имеют влияния утвердиться ей в Латинской Америке, Восточной Европе и на периферии Восточной Азии.

Следует отметить, что США заинтересованы в Центральной Азии как в региональной единице, а не конкретных отдельных странах, в то время как ЕС в своей новой стратегии партнерства делает ставку на двустороннее и региональное сотрудничество. Центральноазиатский регион, являющийся ключевым для решения более широких евразийских интересов крупных держав, стал рассматриваться в качестве «новой игры» для США.

ЕС и США рассматривали Центральную Азию «как наиболее отсталую и неразвитую часть СНГ, наименее готовую воспринять западные стандарты и ценности; как источник нетрадиционных угроз, европейской безопасности: наркотрафик, распространение ОМП (Оружие массового поражения), эпидемии и миграция»[47.–С. 116], они все же продолжали мыслить категориями парадигмы транзита, согласно которой государства региона неминуемо должны перейти к демократическому режиму и установлению рыночной экономики [3].

Западные акторы также рассматривали Центральноазиатский регион с точки зрения теории колониализма. По мнению американского исследователя А. Халид, данный регион следует рассматривать исходя из концепции постколониального развития [14.–Р.231]. Так как в государствах Центральной Азии модель советской экспансии носила больше модернизационный характер и, что до сих пор «советская модель» управления играет доминирующую роль, где институт государства сформирован советской властью, а ключевые агенты

политических процессов воспроизводят советский тип политической культуры.

Большинство экспертов скептически относятся к намерениям трансатлантических акторов, отмечая, что США и ЕС интересуют в Центральной Азии не столько политическая стабильность, сколько контроль над углеводородами и путями их экспорта, что в свою очередь, влечет интересы России и КНР [87]. Здесь стоило бы подчеркнуть, что социально-экономическая отсталость региона, политическая нестабильность государства как института вынуждают центральноазиатские государства оставаться заинтересованными в получении инвестиций. Также в приобретении непосредственного опыта государственного управления и региональной интеграции у трансатлантических акторов.

В 1992 г. 24 декабря Конгресс США принял Закон «Акт в поддержку свободы» (FSA). Этот закон разработан для новых независимых государств постсоветского пространства с целью упорядочения и систематизирования различных видов финансовой, технической и прочей помощи, направляемых для поддержки их на пути к демократии, рыночной экономике, открытому обществу и т.д.

В рамках этого Закона также был разработан законопроект «Акт о стратегии Шелкового пути», который определяет основы политики США на Южном Кавказе и в Средней Азии, куда входят такие страны, как Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан. К числу целей относятся укрепление демократических форм правления, урегулирование региональных конфликтов, содействие дружеским отношениям с США, реализация рыночных реформ, развитие экономической инфраструктуры, объединяющей государства региона, и поддержка американских деловых интересов инвестиций [18.–С. 101].

Выбор Кыргызстаном демократический путь развития достаточно активно был поддержан США. 27 декабря 1992 г. США признали его независимость и официально были установлены дипломатические отношения

между Кыргызстаном и США. 1 февраля 1992 г. в Бишкек открылось посольство США, которое было первым дипломатическим представительством в новых независимых государствах центральноазиатского региона. А в мае 1992 г. Кыргызстан открыл свое посольство в Вашингтоне. С этого времени начался новый этап кыргызско-американских отношений: наблюдался интенсивный обмен правительственными делегациями, в ходе официальных переговоров между двумя странами обсуждались перспективы политического, экономического, культурного сотрудничества. Так создавалась основа политического сотрудничества, и закладывался фундамент договорно-правовой базы.

Договорно-правовую базу двусторонних отношений составили более 20 соглашений, важнейшими из которых явились Соглашение о стимулировании инвестиций, подписанное в Вашингтоне 8 мая 1992 г., Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений (Вашингтон 19 января 1993 г.). Основой развития двусторонних отношений Меморандум взаимопониманий между правительствами Кыргызстана и США, подписанный 26 августа 1992 г. [38. – С. 9].

В период, когда Кыргызстан начал проводить самостоятельную экономическую политику, прежде всего, было необходима поддержка ведущих стран мира, поскольку без нее сложно реализовать и завершить экономические реформы, укреплять национальную валюту, т.е. стать действительно независимым государством. Более того интерес Кыргызстана и соответственно его политика в отношении США за все годы независимости не выходила за пределы коридора коммерческих пристрастий. Каких-либо продуманных политических, экономических либо иных интересов Кыргызстан не конструировал. Намерения об экономическом сотрудничестве, привлечении американских инвестиций и все прочее подобное камуфлировали стихийное стремление использовать США в качестве нового «субвенциального» центра. Со стороны США финансируется, прежде всего, программы направленные на становление и развитие демократических

институтов и гражданского общества, защита прав и свобод человека, на повышения «профессионализма» и формирование «новых стереотипов мышления» у молодежи. Финансирование вышеуказанных программ осуществляется через программы Государственного Департамента США и ЮСАИД. К числу акций поддержки США также относится и вступление нашей страны в ВТО. Это решение было в большей степени политическим. В рамках сотрудничества Кыргызстана с МВФ, ВБ и другими международными экономическими и финансовыми организациями содействие американцев также было очевидным.

Также, значительную долю составляет и проекты в сфере безопасности. Крупный террористический акт, произошедший в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. стал поворотным моментом в истории двустороннего сотрудничества. 15 декабря 2001 г. между Кыргызстаном и США было заключено Соглашение «О временном размещении антитеррористических сил в аэропорту «Манас». Американская авиабаза «Ганси» сыграла огромную роль в поддержке операции «Несокрушимая свобода», проводимой международной коалицией в Афганистане и в настоящее время является одним из факторов сохранения стабильности в Центральной Азии. С другой стороны, существует беспокойство, что наличие на территории страны американской военной базы со временем к четкой зависимости политики Кыргызстана от США.

США одними из первых проявили интерес к сотрудничеству с нами в сфере образования. При поддержке американцев в 1997 г. открылся Кыргызско-американский университет (АУК) международного образца, который в декабре 2002 г. официально переименован в АУЦА (Американский Университете Центральной Азии).

Правительственные и частные организации США, такие как Корпус мира, АКСЕЛС, ЮСИА, ЮСАИД, фонд «Сорос Кыргызстан»¹ и др. в свою

¹*Корпус Мира* Соединенных Штатов Америки был создан в 1961 году по инициативе президента США Джона Ф. Кеннеди. С тех пор Корпус Мира предоставил многим квалифицированным американским волонтерам возможность помочь народам других стран поверить в свои силы. Первая группа волонтеров Корпуса Мира прибыла в Кыргызскую Республику в 1993 году.

очередь оказывали большую помощь развитию образования Кыргызстана в разных аспектах. Так, реализация различных программ стажировок, предоставление стипендий для школьников, студентов, грантов для разработки учебных пособий и технических средств для высших и средних учебных заведений, преподавание английского языка в отдаленных районах республики американскими волонтерами. Также между университетами двух стран реализуются программы по обмену студентами и профессорско-преподавательским составом.

За годы независимости Кыргызстан получил от США помощь в размере 1,3 млрд. долларов, без учета базы, за которую ежегодно перечисляют 60-100 млн. долларов (200 млн. долларов в 2012 году). Безусловно, достаточно слабой кыргызской экономики это большая помощь.

Однако самого начало Кыргызстан не смог полноценно реализовать процесс перехода к демократии. Официальные намерения, направленные на демократизацию политических систем и либерализацию экономики, расходились с практическим усилением авторитарных тенденций. Либерализация политической, экономической системы привела к дефициту легитимности государственной власти, правительственных и конституционных кризисов в республике. Следует отметить, что такая тенденция развития страны обусловлена следующими причинами, как сильное влияние советского наследия; нерешенность проблемы выбора внешнего вектора (Россия, Евросоюз, США, Китай, Турция); отсутствия собственных планов, приоритетов во внешнем развитии; общая деградация государства, природных и людских ресурсов и т.д. Также очевиден тот факт, что и при

Американские Советы по международному образованию АКСЕЛС – это международная, некоммерческая организация, считающая роль образования во внедрении позитивных изменений для личностей, учреждений и общества фундаментальной. ЮСАИД -(англ. *UnitedStatesAgencyforInternationalDevelopment, USAID*) — независимое агентство федерального правительства США. Отвечает за невоенную помощь США другим странам. Основные направления работы Агентства включают в себя поддержку торговли, сельского хозяйства, экономического роста, здравоохранения, экстренную гуманитарную помощь, содействие в предотвращении конфликтов и поддержку демократии в более чем 100 странах. Фонд «Сорос-Кыргызстан» (ФСК) - международный неправительственный частный фонд - стремится создать в Кыргызской Республике условия для построения открытого общества, поддерживая развитие общественных институтов и инициативы во всех сферах общественной жизни.

помощи Запада президент Кыргызстана А.Акаев, и некоторой части оппозиции превратили демократию в коммерцию, в инструмент наживы.

Демократия как возможный формат и смысл стыковки отношений между Кыргызстаном и США ушла в небытие: возрождение под вопросом, хотя до сих пор наша страна является единственной в Центральной Азии страной, остающейся в пределах демократического транзита. В этом контексте на наш взгляд, возникнут новые возможности для кыргызско-американских отношений.

В недавнем визите в Бишкек (январь 2013 г.) помощник Государственного секретаря США, Бюро по вопросам Южной и Центральной Азии Роберт Блейк отметил, что демократия в Кыргызской Республике является образцом для стран региона. И призвал правительство к прогрессу в вопросах, связанных с насилием в 2010 году на юге страны, и приветствовал обнародование новой национальной стратегии по межэтническим отношениям [114].

Для оказания помощи государствам постсоветского пространства в переходном процессе к рыночной экономике и построению демократического государства ЕС разработал ряд программ, в числе которых ТАСИС (программа технической помощи), ТЕМПУС (сотрудничество в области высшего образования), КОПЕРНИКУС (обмен научными кадрами), ИНТАС (сотрудничество между учеными).

Программа ТАСИС запущенная Европейской комиссией в 1991 году предоставляет техническую помощь, которая финансируется на грантовой основе, 12 странам расположенных в Восточной Европе и Центральной Азии такие как Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан. Основной целью данной программы является–укрепление процесса переходного периода в этих странах [83].

С 2007 г. ТАСИС была частично заменена Инструментом развития сотрудничества (ИРС), являющегося одним из шести инструментов

глобального финансирования ЕС, два из которых – Европейский инструмент содействия демократии по правам человека (ЕДПЧ) и Инструмент сотрудничества в целях развития (ИРС) – имеют направленность на Центральноазиатский регион [18. – С.132].

Сообщество преследует политику развития сотрудничества, нацеленную на достижение задач по сокращению бедности, устойчивого экономического и социального развития, плавной и постепенной интеграции развивающихся стран в мировую экономику, так же как и поддержку демократии, добросовестного управления и уважения к правам человека и к верховенству закона. Политика развития сотрудничества Сообщества и международная деятельность руководствуются Целями Развития Тысячелетия, принятого Генеральной Ассамблеей ООН в 2000 году и направленной на искоренение критического уровня бедности и голода.

Распределение финансовых средств по ИРС на период 2007-2013гг. Индикативный бюджет, как для регионального, так и для двустороннего распределения составляет 719 миллионов ЕВРО. Эти средства разделены следующим образом:

- Региональный компонент: 30-35%
- Национальный компонент: 65-70%
- Казахстан 20%
- Кыргызстан 25%
- Таджикистан 30%
- Туркменистан 10%
- Узбекистан 15 %

Основными целями ЕДПЧ являются: защита прав человека, поддержка реформы уголовного законодательства, защита прав осужденных, демократия, и эффективное управление, свобода слова, верховенства закона, обеспечение безопасности, предотвращение конфликтов. В Центральноазиатском регионе ЕДПЧ осуществляет несколько видов макро и микропроектов [16.–С. 133].

Таблица 2.2.– Финансирование ЕС государств ЦА по ЕДПЧ[123]

Текущие проекты ЕДПЧ с 2005 по 2011 гг.	Количество проектов	Общая сумма (евро)
Казахстан	16	1 743 552
Кыргызстан	16	2 895 763
Таджикистан	19	3 481 018
Региональные	3	1 020 686
Итого	54	9 141 019

Основными секторами этой программы, финансируемыми ЕС, явились структурные и институциональные реформы, укрепление демократии, реформирование государственного управления, предприятий, торговли, финансового сектора и образования, сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности, энергетики, транспорта и коммуникаций.

Развивая активное сотрудничество с Европейским Союзом, Кыргызстан исходит из того, что мощное политическое и торгово-экономическое интеграционное объединение играет важную роль в мировой политике, превращаясь в одного из основных столпов.

ЕС и Кыргызская Республика проявляют взаимный интерес к укреплению двусторонних отношений. С 1999 года правовой основой двусторонних отношений является Соглашение «О партнерстве и Сотрудничестве» (СПС), отражающее весь спектр отношений между Европейским Сообществом и Кыргызской Республикой, включая политическое и экономическое сотрудничество. Цель данного Соглашения состоит в оказании поддержки Кыргызской Республике в переходе к рыночной экономике и установлении более тесных отношений с европейскими странами [83].

В 2004 году в Бишкеке был открыт офис Представительства Европейской Комиссии с целью представления интересов Европейской

Комиссии в Кыргызстане. В 2010 году Представительство Комиссии получило статус Посольства Европейского Союза в Кыргызской Республике под руководством Посла Шанталь Эбберект. Сотрудничество Европейской Комиссии с Кыргызстаном и другими странами Центральной Азии основаны на многосторонней, ежегодной Стратегии по региональному сотрудничеству, которая учитывает текущую ситуацию и потребности каждой страны. Согласно документу по Региональной Стратегии для Центральной Азии (2007-2013) предусматривается инвестирование в региональные программы и проекты в каждой стране на сумму в размере 719 миллионов Евро.

В настоящее время, двусторонние отношения развиваются поступательно и динамично. Стороны ведут регулярный рабочий и интенсивный диалог на всех уровнях и направлениях. Созданы и работают такие совместные органы как:

- Совет по сотрудничеству ЕС-КР на уровне министров;
- Комитет по сотрудничеству ЕС-КР на уровне старших должностных лиц;
- Комитет по парламентскому сотрудничеству между Жогорку Кенешом и Европейским Парламентом;
- Подкомитет по торговле и инвестициям на уровне экспертов [91].

Программы, финансируемые, со стороны ЕК в Кыргызстане направлены для развития социальной и экономической сферы страны и поддержки демократии и защиты прав человека, государственной и административной реформы, тогда как приоритетами в рамках региональных программ является сотрудничество в сфере энергетики и транспорта, охраны окружающей среды, образования, безопасности и стабильности. С 1991 г. ЕС профинансировал более 500 проектов, общая сумма, которых составляют более 130 миллионов Евро в качестве прямой поддержки Кыргызстану.

ЕС в свою очередь взяло на себя задачу укрепить роль гражданского общества, чтобы негосударственные структуры играли активную роль. Практика показала, что выделение средств финансирования стимулирует группы заинтересованных граждан в деятельности по созданию гражданского

общества. С 2002 года Представительство профинансировало 93 проекта с участием гражданского общества в Кыргызской Республике, вклад ЕС составил €14 077 041,75.

С запуском первых Проектов по Инструменту Стабильности (ИС) в 2008 году, Европейская Комиссия значительно усилила свою деятельность в области предотвращения конфликтов, кризисного управления и укрепления мира.

В сфере образования работают программ такие программы как ТЕМПУС, ЭразмусМундус и проект по созданию Научно-образовательной сети Центральной Азии CARENA. Эти программы вносят весомый вклад в развитие системы и повышение качества образования и науки в Кыргызской Республике [91].

Согласно документу по Стратегии Страны на 2009 – 2011гг. образование остается ключевым приоритетом для развития страны, и Кыргызстан подтвердил свое намерение принять принципы Болонского процесса, как продвинутых и проверенных принципов в рамках Программы ТЕМПУС. Целью Стратегии является обеспечение новой юридической основы для реформы высшего образования; адаптирование квалификационных навыков с потребностями рынка занятости; гармонизация высшего образования в соответствии с международными стандартами, для повышения беспристрастности и мобильности студентов; введение аттестации профессорско-преподавательского состава и системы материального поощрения; развитие комплексной системы проверки качества; и обзор текущих механизмов финансирования.

После смены власти 7 апреля 2010 г. начался новый этап двустороннего сотрудничества между Кыргызстаном и ЕС для развития и укрепления демократических принципов в республике. В этом контексте важнейших из проектов, который оказал ЕС – проект «Содействие реформе судебной системы в Кыргызской Республике». Цель проекта заключается в том, чтобы содействовать модернизации правовой системы и институтов

правосудия для более эффективного выполнения новой конституции. Среди других целей проекта - вклад в создании службы надзора за исполнением наказания в рамках гуманизации Уголовного Кодекса. Проект выполняется в рамках 4 компонентов:

1. Содействие пересмотру текущего законодательства.
2. Содействие реформе пенитенциарной системы.
3. Содействие выполнению решений суда.

4. Помощь в обучении судей новым методологиям и этическим принципам. В рамках реализации Проекта достигнуты следующие результаты:

- 20 законов пересмотрено Экспертными Рабочими Группами.
- 515 служащих Кыргызстана из соответствующих государственных ведомств и системы судебных органов прошли обучение, среди них: - 70 % судей; - 65 % должностных лиц, ответственных за безопасность суда; - 57 % сотрудников служб исполнения наказаний.

- 67 признанных профессионалов были обучены в качестве тренеров, среди них 22 судей, 21 должностное лицо, ответственное за безопасность суда,

- 24 сотрудника служб исполнения наказаний

- 17 книг опубликованы, тиражом более 16.000 экземпляров

- 221 заинтересованных партнеров приняли участие в 5 конференциях.

- 309 заинтересованных партнеров оказали помощь в организации семинаров и круглых столов.

- 41 должностное лицо, принимающих решение посетили 5 учебных туров в 8 странах.

Следующий более значительный проект в условиях модернизации политической системы Кыргызстана - проект «Содействие конституционной реформе в Кыргызской Республике – Парламент Кыргызстана». Основной целью является предоставление долгосрочной технической помощи ЖогоркуКенешу (национальному Парламенту) по укреплению его институционального потенциала для осуществления конституционных функций: репрезентативность, законодательная деятельность, надзор за

исполнением. Институциональное укрепление Парламента и расширение взглядов его депутатов и персонала внесет существенный вклад в увеличение пространства для демократии, создание основы для общественных дебатов по вопросам законодательства, где высказывается мнение общества по политическим вопросам, тем самым гарантируя вклад гражданского общества по вопросам законодательства, прозрачности процессов и более широкого участия общественности. Данный проект имеет достаточный потенциал, чтобы повлиять на качество законодательства, которое, в настоящее время, является слабым. Предоставляя высокое качество экспертизы, как на национальном, так и на международном уровне, укрепляя беспристрастную и профессиональную экспертизу внутри страны и более тщательную институционализацию законодательных процедур, Проект гарантирует обеспечить законодательству техническое качество и его гармонизацию с международными стандартами и нормами. Проект также усилит парламентский надзор и отчетность правительства, укрепит практические навыки Парламента по вопросам проверки деятельности правительства и его стратегий, тщательной проверки национального бюджета и пересмотра бюджетных ассигнований. Проект добился успехов по введению системы электронного управления кадрами в Парламенте. Сотрудники отдела кадров Парламента прошли тренинг по использованию этой системы и в настоящее время, используют ее в своей ежедневной деятельности. В целом, было проведено 27 тренингов (996 участников), 12 семинаров (558 участников), 3 учебные поездки (26 участников) и 3 конференции (316 участников) по повышению потенциала парламентариев и персонала Парламента для лучшего выполнения своих обязанностей [83].

За весь период с 1991 и к 2013 году Кыргызстан получит от ЕС всего около 430 млн. евро в виде двусторонних программ грантовой помощи. ЕС выделил Кыргызстану 55 млн. евро для национальных программ с 2007-2010 годы и еще 51 млн. евро на период 2011-2013 гг. приоритетными направлениями сотрудничества в течение этого периода являются реформа

социальной защиты и меры по сельскохозяйственному развитию, реформа системы образования, а также судебная реформа и верховенства закона. Следует подчеркнуть, что помощь ЕС предоставляется на грантовой основе [37].

Таким образом, в приоритетном плане Кыргызстан в перспективе придает особое значение расширению и активизации торгово-экономических связей ЕС по привлечению европейских инвестиций в экономику страны. Однако мы должны учитывать то обстоятельство, что в Центральноазиатском регионе отсутствуют самостоятельные механизмы обеспечения региональной безопасности, и это во многом обусловлено тем, что пять республик одновременно не являются членами одного наднационального объединения по безопасности. Дефицит общей региональной идентичности подвергает центральноазиатские государства различным геополитическим стратегиям и реверсиям, с одной стороны, а с другой, препятствует осознанию общих угроз самостоятельного видения вопросов региональной безопасности. ОДКБ, ШОС и ОБСЕ являются надрегиональными объединениями, где зачастую интересы крупных акторов доминируют над интересами центральноазиатских государств. Присутствие в регионе трансатлантических интересов является неоспоримым фактом, однако сотрудничество предполагает учет обоюдных интересов. Поэтому центральноазиатские государства должны отстаивать свое видение вопросов национальной и региональной безопасности и активно инициировать взаимовыгодные проекты сотрудничества по всем аспектам внешнеполитической деятельности.

В настоящее время Кыргызстан ведет активное сотрудничество с такими специализированными учреждениями и программами ООН как программа развития ООН (ПРООН), Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Организация по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ), Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО), Программа ООН по окружающей

среде (ЮНЕП), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Международная организация труда (МОТ), которые предоставляют крупнейшие гранты на цели развития национального потенциала [112].

Исключительно большое значение Кыргызская Республика придает сотрудничеству с такими международными структурами безопасности, как Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и НАТО (Партнерство ради мира). Так как проблемы безопасности обретают в современном мире особую актуальность для любого государства без исключения, поэтому сотрудничество с указанными организациями в полной мере отвечает национальным интересам Кыргызстана.

Таким образом, с самого начала своего политического транзита Кыргызстан, погрузившись в «третью волну демократизации», попал под влияние международных режимов демократизации. Прежде всего, это связано постсоветским управленческим и экономическим кризисом, который ставил страну перед необходимостью вынужденных действий. Кроме того, кыргызская элита оказалась неготовой предложить не только долговременную, на 20-50 лет стратегию развития, но даже и национальную программу транзита. Выходом казалось получение помощи от внешнего мира, уже имевшего опыт рыночного и демократического строительства.

В силу исторических, политических и экономических реалий создался круг основных партнеров на азиатском направлении, сотрудничество с которыми жизненно важно для Кыргызстана. Это Китай, Япония, Индия, Малайзия, Иран, Южная Корея, Пакистан и страны Ближнего Востока.

Важным приоритетом внешней политики Кыргызстана является сотрудничество с одним из самых экономически развитых государств мира – Японией.

Дипломатические отношения между нашими странами были установлены 26 января 1992 г. А в апреле того же года состоялся официальный визит японской делегации во главе с вице-премьером, министром иностранных дел Японии М.Ватанабэ, который положил начало

взаимному политическому диалогу.

Как известно, Япония обладает мощным экономическим потенциалом. Соответственно она может играть немалую роль в выходе Кыргызстана из кризиса, если наше государство будет способствовать установлению технических контактов кыргызского правительства с мощными японскими финансовыми группами, созданию необходимых условий предоставления правительственной помощи в различных сферах. А Японии Кыргызстан нужен в качестве рынка сбыта, источника сырья и для вложения свободного капитала, а также для дальнейшего расширения своего экономического присутствия и влияния в Центрально-азиатском регионе [46.–С.330]. Двустороннее кыргызско-японское отношение развивается в контексте дипломатической концепции «Евразийской дипломатии». Согласно данной концепции реализация внешней политики Японии в Центрально-азиатском регионе предусматривается по трем направлениям:

- Политический диалог по углублению доверия и взаимопонимания.
- Экономическое сотрудничество и сотрудничество в области освоения природных ресурсов для обеспечения процветания в регионе.
- Достижение мира в регионе посредством нераспространения ядерного оружия, демократизации и стабилизации [98.–С. 138].

В настоящее время в Кыргызстане действует Японский Центр, представительства агентств, правительственных организаций Японии по международному сотрудничеству JICA и внешней торговле JETRO. За последние годы Япония выделила Кыргызстану 19 грантов на сумму около 60 млн. долл. и предоставила 6 кредитов на сумму 234,65 млн. долл.

В начале 2013 г. (февраль) в Японию президент А. Атамбаев премьер-министром Японии затронули вопросы сотрудничества по различным направлениям. В частности, обсудили опыт развития парламентской демократии в Кыргызстане и Японии. «С учетом большого опыта Японии в развитии парламентской демократии, импульс двусторонним отношениям придаст активизация межпарламентского взаимодействия», - отметил

А.Атамбаев, отметив, что Кыргызстан рассчитывает на дальнейшую поддержку со стороны Японии в развитии демократии, а также в реализации крупных экономических и инфраструктурных проектов [60].

В целях активизации торгово-экономического сотрудничества работает кыргызско-японский комитет. Новый импульс придается развитию дружественных, партнёрских и взаимовыгодных отношений также с Южной Кореей и Малайзией. Эти страны оказывают Кыргызстану большую помощь в проведении социально-экономических реформ. На современном этапе встал вопрос о более тесном и глубоком сотрудничестве с ними. Активно развивая сотрудничество со странами восточного направления, Кыргызская Республика намерена расширять и укреплять связи через организации АСЕАН и ЭСКАТО. Кыргызстан в последнее время придаёт немаловажное значение дипломатическим отношениям с Индией, Ираном, Пакистаном и др. странами региона. Политическое и торгово-экономическое сотрудничество с ними представляет значительный интерес для Кыргызской Республики.

Необходимо также отметить влияния внешнеполитического фактора на обеих революциях. Если в 2005 г. революция была осуществлена фактически при прямом вмешательстве во внутренние дела Кыргызстана правительства США, то революция 2010 г. была вызвана, в том числе и нежеланием К. Бакиевым выполнять свои экономические и политические обязательства перед Российской Федерацией [88].

Итак, в условиях политической модернизации внешние акторы в лице стран Запада и Востока, имеющие опыт рыночного и демократического строительства активно воздействуют на сам процесс, их формирования, задают этому явлению перспективы возможностей и обуславливают набор его структурных ограничений. Однако внешние акторы не заинтересованы в реально поступательном развитии республики, повышении устойчивости и стабильности ее политической системы. Они используют страну, прежде всего, для своих собственных региональных и глобальных геополитических интересов. Между тем одной из основных задач государства проведение

взвешенной внешней политики благоприятствующий развитию демократической политической системы и сохранение суверенитета и территориальной целостности Кыргызстана.

Кыргызстан прошел неоднозначный путь развития с момента распада Союза, будучи воплощением надежды успешной демократической и рыночной трансформации и став предметом особой заботы в регионе. Слава демократической «примерной» страны в Центральной Азии, которую Кыргызстан приобрел в первой половине девяностых годов, сильно пострадала. Социально-экономическое положение является крайне проблематичным, экономический подъем отсутствует. Большинство населения считается бедным и демократический имидж после событий последних лет претерпел изменения. В Кыргызстане государственные структуры достаточно слабы, что дает возможность криминальным группам заполнять вакуум. Невыполнение обещанных реформ подрывает доверие к государству. Тем не менее, нельзя оставить без внимания тот факт, что КР предоставляет большую свободу слова и развитие политических направлений по сравнению с соседними государствами в регионе.

ГЛАВА III. ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

3.1. Основные этапы трансформации политической системы Кыргызстана в контексте глобальных изменений

Одним из проявлений глобализационных процессов как главной тенденции развития современного мира является демократизация. Демократия, пройдя долгий исторический путь и пока еще не являясь совершенно идеальной формой правления, остается единственной альтернативой, которая обеспечивала бы определенную свободу человеческой личности, политические, экономические и гуманитарные права человека в современном мире. Стремление к демократии, её совершенствование является важным проявлением процессов модернизации, особенно в бывших советских республиках.

К 2015 г., утверждают известные американские эксперты, «все государства столкнутся с требованиями большего участия народа в политике и большего внимания к гражданским правам. Это давление будет способствовать демократизации и повышению прозрачности правительственных сфер. Двадцать лет назад менее трети стран определялись организацией «FreedomHouse» («Дом свободы») в качестве демократических»; сегодня более половины государств мира, то есть более 160 стран из 200 считаются таковыми, хотя наборы существующих в них избирательных и гражданских или политических прав существенно разнятся между собой. Одновременно выражается уверенность в том, что большинство стран в ближайшие пятнадцать лет останутся демократическими в том или ином смысле; в преуспевающих государствах сохранится процесс разделения власти и ответственности с негосударственными организациями [29. – С. 56-57].

Российский исследователь в области политологии М.М. Лебедев считает, что «в современном мире при все более тесном переплетении

внешней и внутренней политики международная среда может выступать в качестве и структурной, и процедурной переменной. Причем последнее, похоже, становится все более значимым. Принятие решений (а это процедурная переменная) мировым сообществом в отношении той или иной страны может вести к развитию в ней демократических процессов. Следование демократическим принципам и традициям является неким позитивным примером. Оставаться вне всемирного «демократического клуба» в современном глобализирующемся мире означает быть неким «изгоем» – вне системы, вне «современности». Это побуждает все новые и новые государства ориентироваться на демократические ценности» [61. – С. 137].

Анализ постсоветской практики проведения демократических преобразований свидетельствует о наличии отличительных особенностей посттоталитарного транзита в странах СНГ. Во многом эти особенности обусловлены тем, что исходной точкой политической трансформации постсоветских стран был тоталитарный режим, от которого переход демократии, по сравнению с авторитарным режимом, осуществляется в более тяжелых и менее «выгодных» условиях [25. – С. 28].

Посттоталитарный характер политического транзита стран Центральной Азии привел к тому, что по сравнению с рядом других транзитных государств мира, демократические преобразования в них происходили в наиболее радикальной и драматичной форме. В то же время специфика данных процессов в постсоветских государствах по многим параметрам схожа с особенностями политической трансформации стран так называемой «третьей волны» демократизации, в которых и происходило формирование нынешних политических систем этих стран. При этом внешняя среда, которая воздействовала на них во время этого становления, была в целом общей для каждого из государств региона. Она характеризовалась распадом СССР, мощным воздействием старых западных демократий и международного сообщества, ставших на путь глобализации современного мира [74. – С. 38].

«В конституционно-правовом плане почти все страны центрально-азиатского региона представляет собой молодую, еще слабо развитую демократию с присущим ей слабым законодательством. Вмешательство зарубежных государств на зарождение и развитие демократического строя должно сводиться к минимуму. Общество само должно прийти к этому. Такую точку зрения высказал статс-секретарь, заместитель главы МИД РФ Г. Карасин на международной конференции «Центральная Азия: перспективы развития и сотрудничества» в Риме. Однако для того, чтобы общество само пришло к этому это достаточно длительный и болезненный процесс.

Для наиболее общего понимания и представления особенностей политической системы Кыргызстана, рассмотрим, как она формировалась после распада Советского Союза и трансформировалась к реалиям наших дней.

Начавшиеся в середине 80-х гг. перестроечные реформы подготовили почву для перехода к демократии и разрушению политической системы советского типа. С 1989 – 1990 гг. социально-политическая ситуация в Кыргызстане характеризуется полной политической эйфорией, всеобщей убежденностью, что государственная независимость автоматически приводит к решению как политических, так и экономических проблем. Начинается развитие политических организаций национально-возрожденческой ориентации.

Появились общественные организации, объединения и движения как «Ашар», «Демос» положившие начало формированию многопартийной системы в республике. Кроме того новой составляющей стремительно развивающегося политического процесса стало создание Демократического движения Кыргызстана (ДДК), объединившее в своих рядах представителей 30 неформальных организаций по всей республике. Оно сыграло решающую роль в ликвидации коммунистического правления и начале широких демократических преобразований в республике.

Общим итогом перестройки были дискредитация многих основополагающих ценностей советского периода, постепенный переход к новым ценностям как распространение идей конституционализма, рыночных отношений и гражданского общества.

24 октября 1990 г. на заседании Верховного Совета Киргизской ССР был принят Закон «Об учреждении поста Президента Киргизской ССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию Киргизской ССР» [124].

27 октября 1990 г. на заседании Верховного Совета Киргизской ССР Президентом был избран А. Акаев. 12 октября 1991 г. состоялись первые всенародные выборы президента и А. Акаев закрепил свои позиции, набрав 96% голосов. Начался переход к построению демократического государства и созданию новой политической системы государственного устройства. Переход к демократической политической системе был связан с отказом от номенклатурного принципа формирования институтов власти, ликвидацией монополии Коммунистической партии Киргизии на власть, постепенным распространением политического, идеологического плюрализма. А также появления и функционирования новых политических институтов.

Таким образом, результатом распада СССР было образование Кыргызской Республики. Декларация о Государственном суверенитете Республики Кыргызстан была принята 15 декабря 1990 г. [35. – С. 318]. Следующим документом стала Декларация о Государственной независимости Республики Кыргызстан от 31 августа 1991 г. [36. – С. 530]. Согласно ей Республика Кыргызстан объявлялась независимым, суверенным демократическим государством, чья территория является целостной и неделимой, на которой действует только Конституция Республики Кыргызстан. Она явилась первым законодательным актом и в области внешней политики, провозгласившим приверженность Республики общепризнанным принципам международного права, дружбы и сотрудничества между народами.

Известно, что в западной политологической науке выделяются две фазы демократического транзита. Первая включает в себя учреждение демократических институтов и установление «формальной демократии». Вторая фаза представляет собой новый уровень развития – консолидацию демократии [79.–С.77].

Первая фаза демократии в Кыргызстане (1991-1993 гг.) характеризуется проведением конституционной реформы, реорганизацией государственных институтов. Завершается эта фаза принятием в 1993 г. Новой Конституции страны [54.–С. 175], переименовавшая Республику Кыргызстан в Кыргызскую Республику. В Конституции 1993 г. были заложены правовые предпосылки для формирования в Кыргызстане демократического политического режима. Импульс для ускорения демократического процесса дало введение Института президентства.

Как правило, конституционная реформа направлена на обеспечение развития общества, выступает как проявление присущей общественной жизни тенденции к прогрессу. Конституционная реформа характеризуется поступательный, поэтапный, эволюционный прогресс, противостоящий революционному и радикальному слому государственных институтов и правовой системы преобразуемого строя. То есть она несет конструктивный заряд, поскольку не уничтожает положительных ценностей существовавшей социальной системы, но серьезно преобразует и совершенствует ее структуру в целом, так и отдельные институты [107.–С. 44].

В основу Конституции 1993 г. были положены принципы:

- разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную;
- всенародного избрания главы государства – президента;
- разделения государственной власти и местного самоуправления.

В качестве фундаментальной концепции конституционного строя республики закрепляется принцип разделения власти.

В этом заключалось одно из принципиальных отличий новой Конституции республики от Основных законов советского периода. Принцип

разделения властей означал, что законодательная, исполнительная и судебная власти «действуют самостоятельно, взаимодействуют друг с другом» (разд. 2, ст. 7).

Данный принцип в основном и главном оправдал себя на опыте истории и является сейчас общепринятым в конституционном строе подавляющего большинства стран современного мира [107. – С. 44].

Конституция 1993 г. содержала ряд статей, аналогичных таковым французской конституции, т.е. характерных для полупрезидентской (премьер-президентской) республики: одновременно с Президентом существовал Премьер-министр, возглавляющий правительство. Президенту предоставлялось право: а) назначать Премьер-министра и членов правительства с согласия ЖогоркуКенеша; б) принимать по своей инициативе решение о досрочном сложении полномочий правительства с согласия ЖогоркуКенеша; Президент мог выносить вопросы государственной жизни на референдум; Президент обладал правом распускать парламент по результатам общенародного референдума (ст. 46).

В этой связи следует отметить, что Конституция предусматривала определенную систему сдержек и противовесов в организации деятельности органов государственной власти. Как констатирует, кыргызстанский исследователь А.А.Арабаев это было первым шагом к более полной и эффективной реализации принципа разделения властей [19.–С.61].

Наряду с этим целый ряд статей Конституции указывал на отличие формы правления в Кыргызстане от полупрезидентской республики (премьер-президентской): Президенту Кыргызской Республики предоставлялось право освобождать от должности членов Правительства и руководителей административных ведомств (ст. 46, §1, п. 4), т.е. вопрос о смещении министров Президент мог решать единолично. Предоставление такого права Президенту означает, что режим не является премьер-президентским, ибо наличие такого права противоречит одному из главных критериев премьер-президентской системы – зависимости кабинета министров от парламента. А

также Президент наделялся законодательными полномочиями. Ему представлялись следующие права: а) по собственной инициативе вносить законопроекты в ЖогоркуКенеш; б) подписывать принятые ЖогоркуКенешем законы или возвращать их в парламент для повторного рассмотрения (право «вето»); в) издавать указы, имеющие обязательную силу на всей территории страны, а также постановления и распоряжения (ст. 46).

Вышеперечисленные особенности свидетельствуют о том, что Конституция 1993 г. создавала предпосылки для формирования в Кыргызстане президентской республики. Для создания парламентской республики в стране не было необходимых условий.

Между тем Конституция 1993 г. создала правовые предпосылки для относительно самостоятельного функционирования законодательной и исполнительной ветвей власти и достижения между ними баланса. Президент Кыргызской Республики не мог единолично управлять государством без ЖогоркуКенеша.

В случае если Президент по тем или иным причинам не мог исполнять свои обязанности. Его полномочия переходили к ТорагаЖогоркуКенеша. Если же и Торага (спикер) не мог исполнять президентские полномочия, то только тогда они переходили к Премьер-министру до избрания нового президента (ст. 53). Наиболее наглядно это видно при анализе иерархия властных полномочий в государственной системе.

Таким образом, конструкция президентской власти в Кыргызской Республике (по Конституции 1993 г.) сочетала в себе признаки различных моделей института президентства: во-первых, признаки «чистой» президентской республики и, во-вторых, некоторые черты премьер-президентской системы (полупрезидентской). В Конституции Кыргызской Республики 1993 г. были заложены правовые предпосылки для формирования в Кыргызстане демократического политического режима. Парламент (ЖогоркуКенеш) играл существенную роль в определении структуры правительства, основных направлений внутренней и внешней политики.

Итак, данный этап (1990-1993 гг.) характеризуется введением института президентства и принятием Конституции Кыргызской Республики, законодательно утверждается государственная самостоятельность республики, происходит закрепление демократической сущности происходящих перемен. Становление кыргызского государства проходило на этом этапе с концентрацией сил на формирование институтов гражданского общества, развитие демократических институтов в целом и решение накопившихся проблем социального и экономического плана. Кроме того с формированием новой политической системы республика поставила перед собой задачу перехода к преимущественно рыночной экономике.

Наряду с этим следует особо выделить тот факт, что с 1993 года начинаются первые попытки Президента усилить свои властные позиции и ограничить влияние Парламента. В руках главы государства была сконцентрирована не только вся исполнительная власть, но также он наделялся и значительной законодательной властью.

Уже с 1994 г. стала проявляться тенденция к усилению президентской власти и ослаблению власти парламента. Курс на усиление президентской власти привел к противостоянию президента и парламента, которое завершилось роспуском ЖогоркуКенеша двенадцатого созыва в сентябре 1994 г. 22 октября 1994 г. состоялся всенародный референдум, на котором народ высказался за создание двухпалатного парламента.

В ходе выборов 5 и 19 февраля 1995 г. формируется новый парламент - ЖогоркуКенеш Кыргызской Республики, состоящий из Законодательного собрания в составе 35 депутатов и Собрания народных представителей в составе 70 депутатов, представляющих собой равноправные (в плане иерархии) палаты единого республиканского парламента.

Также 24 октября 1995 г. состоялись первые альтернативные выборы, и на пост президента вновь был избран А. Акаев, набравший 73% голосов. После выборов 3 января 1996 г. указом Президента Кыргызской Республики А. Акаева [100.-С.37] назначается референдум на 10 февраля 1996 г. для

принятия «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики». По результатам референдума был принят Закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики» от 17 февраля 1996 г. [27. –С. 63] и он значительно расширил полномочия Президента Кыргызской Республики и ограничил власть парламента.

В условиях переходного периода носитель широких властных полномочий должен, прежде всего, обладать авторитетом, основанным на доверии к нему большинства населения. Успех реформ во многом зависит от умения политического лидера решать сложные и актуальные проблемы, правильно определять мобилизационные механизмы общественного прогресса. Как отмечают авторы работы «Институт президентства в Кыргызской Республике» Т.О.Ожукеева, К.М. Жумалиев укрепление позиций президента было продиктовано необходимостью скорее пройти переходный период, сделать его менее болезненным. Но если рассматривать существующую тенденцию с точки зрения соотношения «демократия-авторитаризм», то очевидно усиление последнего [70. – С. 31].

Анализ Конституции 1996 г. позволяет сделать вывод о том, что в Кыргызстане были созданы правовые предпосылки для установления президентской формы правления. Исследователи отмечают, что господствующей тенденцией стала тенденция к утверждению авторитарного режима с элементами демократии [79.–С. 77].

Итак, в 1995-1996 гг. происходит окончательное оформление политического режима, соответствующего критериям авторитарного. Отличительной особенностью политического режима являлось доминирование исполнительной власти при слабом развитии демократических институтов, гражданского общества, что характерно для «формальной», «ограниченной» демократии. Изменения и дополнения к Конституции Кыргызской Республики (1996 г.) явились отражением новой расстановки политических сил: борьба за власть элитных группировок завершается победой президента и его сторонников. Конституция 1996 г. закрепила

снижение роли парламента и стягивание новых структур к центру власти-президенту. Несмотря на провозглашенный путь «политической модернизации» после приобретения суверенитета, с каждым годом происходило отклонение от демократического курса в сторону развития авторитарных тенденций и усиления роли президентской власти. Таким образом, в политической сфере Кыргызстана происходил плавный переход от президентско-премьерской к президентской республике.

Следующий этап конституционной реформы в Кыргызской Республике был ознаменован принятием Закона «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики» от 17 октября 1998 г. [39].

Согласно конституционным поправкам, ЖогоркуКенеш оставался двухпалатным парламентом, состоявшим из Законодательного собрания в составе 60 депутатов и Собрания народных представителей в составе 45 депутатов. При этом согласно Закону Кыргызской Республики «О политических партиях» от 25 мая 1999 года [40] 15 мест в законодательной палате предоставлялись политическим партиям. Соответственно пропорционально-мажоритарная система выборов в ЖогоркуКенеш была закреплена в Кодексе о выборах в Кыргызской Республике [50.–С. 436].

Введения порядка формирования части республиканского парламента по партийным спискам дала определенный эффект в развитии политических партий в Кыргызстане. Было создано наибольшее количество политических партий. Однако предвыборная работа велась в основном силой сформированных к выборам избирательных блоков. Что касается депутатов, избранных в ЖогоркуКенеш по партийным спискам, то они не смогли перевести деятельность парламента в режим фракционной работы [64.–С. 67].

Тем не менее, по итогам выборов в феврале – марте 2000 г. в Законодательное собрание ЖогоркуКенеша второго созыва были избраны 15 депутатов из представителей различных политических партий и блоков, таких как:

- партия коммунистов Кыргызстана – 5 депутатов;
- избирательный блок «Союз демократических сил» -4;
- демократическая партия женщин Кыргызстана -2;
- партия участников войны в Афганистане и участников других локальных конфликтов -2;
- политическая партия «Моя страна» -1;
- социалистическая партия «Ата-Мекен» -1[43. – С. 14].

Таким образом, впервые в Законодательном собрании ЖогоркуКенеша второго созыва появились депутатские объединения в виде фракций и депутатских групп. Законным основанием для формирования депутатских объединений в ЖогоркуКенеше являлась правовая норма ч. 2 ст. 8 Конституции Кыргызской Республики, которая устанавливала, что политические партии могут участвовать в государственных делах в формах:

- выдвижения своих кандидатов для избрания в ЖогоркуКенеш, на государственные должности и в органы местного самоуправления;
- формирования фракций в представительных органах [55. – С. 55].

Безусловно, появление депутатских объединений привело, прежде всего, к тому, что их деятельность стала рассматриваться как одна из форм парламентской деятельности Законодательного собрания ЖогоркуКенеша.

Между тем, основываясь на анализе вопросов организации и деятельности депутатских объединений в данной палате, отечественный исследователь А.А. Арабаев констатирует, что в ней была очень низкой не только эффективность деятельности депутатских объединений в целом, но и уровень взаимодействия фракций и депутатских групп из-за внутренних разногласий и политических взглядов. В большей степени сказывалось, то, что депутатские объединения имели разные, порой противоположного направления цели и задачи [20.- С. 245; 59. – С. 214].

По поводу полномочий Президента не было никаких изменений, а были только некоторые корректировки.

В целом анализ Конституции 1998 г. дает нам представление о том, что данный Закон принес определенный стимул для развития парламентаризма в Кыргызстане по партийным спискам.

Однако в ходе конституционных реформ 2003 г. выборы в ЖогоркуКенеш по партийным спискам были отменены, теперь депутаты согласно новой редакции Конституции Кыргызской Республики принятой в феврале 2003 г.[56] избираются на пять лет по одномандатным территориальным избирательным округам (ст. 54). Данное изменение, по мнению отдельных экспертов сильно затормозило развитие политических партий, они потеряли мощный стимул для участия в политической жизни страны [21.–С. 56].

Вместе с тем к началу 2000-х гг. особенно явно обозначился кризис модели отношений между государством и обществом, которой все более склонялось руководство А. Акаева. По мнению отечественного политолога Н.М.Омарова, ее определяющей характеристикой стал авторитарный традиционализм, при котором элементы западного либерализма выполняли лишь роль институционального обрамления [71.–С. 66]. Так как идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР, заполнился традиционалистическими идеями, сохранявшимися ранее на уровне народной субкультуры. Их живучесть обусловила сравнительно легкую победу над чуждыми традиционному обществу западными идеалами равенства и над групповой социальной солидарности. К этому значительной степени способствовала политика национального возрождения, выразившаяся в использовании архаичных форм сознания, при создании современной системы управления [Там же]. Такая тенденция развития привело к замедлению начатых процессов демократизации страны и постепенному обратному сползанию к классическому для того периода центральноазиатскому авторитаризму, возобновлению многолетних противоречий между представителями южной и северной элит страны. Обозначился отход от истинно демократических ориентиров, поддержку в

достижении которых гарантировали страны Запада, с акцентом на исторические традиции, призванные выполнить стабилизирующую, объединительную роль.

Общеизвестно, что из всех этносов региона, несмотря на все перипетии царистского и советского прошлого, кыргызы в наибольшей мере сохранили своей среде начала традиционной демократии. Это было обусловлено тем, что ко времени прихода России в регион кыргызы как кочевой народ жили в условиях еще достаточно сильного патриархально-родоплеменного общества, хотя и находившегося уже в стадии разложения. В отличие от казахов, у которых существовала иерархия родов и племен, хотя и относительно, поскольку они имели разную численность, территории, имущество и т.д. Разложение патриархального общества привело к появлению у кыргызов родоплеменной аристократии. В ее среде было много умных, дальновидных, властных, самостоятельных правителей, но, в отличие от казахских ханов, они прислушались не только к мнению родовой знати, но и рядовых сородичей и соплеменников.

Как вспоминает, А. Акаев изначально был сделан выбор в пользу «подлинно демократического пути развития». В то же время, руководство страны никак не могло определить преимущества турецкой, китайской, восточноевропейской, шведской, швейцарской, японской и иных моделей развития для Кыргызстана. В результате сформировалось то, что получило название «кыргызского пути к демократии» По мнению А. Акаева, «кыргызский путь развития вобрал в себя все лучшее из нашего многовекового национального опыта в сочетании с передовым, приемлемым для наших условий зарубежным опытом» [71.–С. 68]. Таким образом, уже тогда возникали серьезные сомнения в оправданности такого подхода.

Выборочный подход к использованию принципов демократии привел к фактическому торжеству контрмодернистских тенденций во внутреннем развитии страны. Результатом стало существенное ограничение роли права и правовых институтов в транзитном обществе, лишившие ее руководство

основного инструмента в создании системы современного эффективного управления.

Отсутствие эффективного управления, по мнению ряд отечественных политологов привело к деградации социальных и экономических институтов, проявив чудовищные диспропорции между различными слоями населения и справедливое возмущение населения, слабо представленной в повседневной жизни. Основные характеристики данного явления - низкая эффективность деятельности государственных чиновников и невыполнение большинством высокопоставленных чиновников возлагаемых на них функций, клановая корпоративность, отсутствие государственного мышления. Результатом, стало возникновение к концу 2000-х гг. в Кыргызстане государство, основанного на принципах семейно-кланового капитализма.

В этой связи к началу 2000-х гг. начались проявляться первые признаки кризиса власти А. Акаева. Это аксыйские события, проходившие в марте 2002 г. которые, на наш взгляд выступают поводом свержения режима А. Акаева.

Существует ряд причин, которые привели к взрывному развитию ситуации и насильственной смене власти 24 марта 2005 года. Среди них одним из главных политических факторов является нелегитимность избрания А. Акаева третий раз на пост Президента, а также нежелание А. Акаева и его ближайшего окружения идти на какие-либо компромиссы с оппозицией в ходе парламентских выборов в феврале и марте 2005 года, которые проходили с существенными нарушениями демократических принципов.

Следует отметить, что политические системы, подобные сложившейся в Кыргызстане модели, в современной политологии называют делегативными, неолиберальными, неполными, электоральными и т.д. По ряду параметров данная система напоминает западные: политический и идеологический плюрализм, выборы как форма влияния на государственную политику, закрепление в Конституции политических прав и свобод граждан.

По мнению Ж.Сооданбекова, режим А. Акаева был всего лишь «либеральной автократией», а сам Акаев исповедовал девиз: «политика впереди экономики». И эгоистическая политика А. Акаева поглощала все и вся. В Кыргызстане существовали внешне демократические институты, но они не функционировали реально, так как все решалось в «Семье» и в кругу прихлебаев власти [48.–С. 388].

Но, на наш взгляд суть проблемы лежала глубже таких категорий традиционного бытия. В связи с этим хотелось бы отметить, что «семейно-клановый» характер сложился во всех постсоветских государствах Центральной Азии. По мнению А.В. Скиперского, «легитимация политической власти в ряде государств постсоветского пространства происходит непосредственном участии кланов, выступающих наиболее активными и ресурсообеспеченными игроками. Влияние кланов на процесс политического строительства очевидно, поэтому можно говорить об инкорпорации кланов в политическую систему, об их функциональности и структурной организованности» [48.–С. 389].

Некоторые политологи полагают, что режим первого президента Кыргызстана определялся не личными качествами самого А. Акаева, а тем, что в кыргызской модели было заложено больше демократических тенденций как внутривидовых, так и межплеменных отношений и это все привело, в конечном счете, к авторитарному традиционализму, трайбализму, коррупции и др.

Несмотря на настойчивый поиск Кыргызстаном на протяжении 1990-х годов собственной модели развития, все более усиливающееся давление стран-доноров и сопротивление со стороны традиционного общества, породило в Кыргызской Республике, по нашему мнению, странный тип государства переходного типа, внешне отвечающего всем демократическим стандартам, которые, однако, совершенно не работают в повседневной жизни. Причиной провала демократических реформ в Кыргызстане являлась слабость управленческого механизма и самого сформировавшегося в нем государства.

Более того, в традиционном обществе были наложены элементы современности, при этом, абсолютно не изменив его сути. В конечном итоге это привело к внутреннему конфликту между целями и средствами модернизации общества. Многим думалось, что народная революция 24 марта 2005 г. знаменует собой начало нового этапа, главным содержанием которого было призвано возобновление демократического реформирования, импульсы которого начали стихать в конце 90-х гг. Однако этого по ряду причин не произошло. Наоборот авторитарный традиционализм еще больше набирает обороты. К. Бакиев как А. Акаев, стал заложником традиционалистской системы отношений, прямо влияющей на его образ мышления и практические действия. Данное обстоятельство рождало серьезные сомнения в успешности очередной фазы модернизационного проекта в Кыргызстане в условиях глобализации, конечным итогом которого должно было стать возникновение открытого общества и конкурентоспособной экономики.

В целях анализа политической модернизации выделяются три этапа постреволюционного периода Кыргызстана.

Первый этап приходился на 2005-2006 гг. и характеризуется политической неопределенностью и новых надежд на построение новой властно-политической системы. При этом основные ожидания были связаны не столько на создание новой системы, сколько на разрушение существовавшей. В это время в Кыргызской Республике проходят выборы нового президента, однако, с точки зрения политической модернизации и коренных изменений выборы не стали новым этапом в истории страны, поскольку нового радикального качественного переустройства новая власть не предлагала. Во-первых, не была разработана стратегия социально-экономического развития государства. Во-вторых, принцип кадровой политики остался прежним, кроме того, большинство чиновников акаевского режима остались на своих должностях.

Следующий этап отмечается как период «борьбы за власть», которая была детерминирована процессами распределения власти в среде политической элиты и одна из наиболее ярко выраженных линий разлома проходила в отношениях Президента и Парламента. Включает в себя 2006 – 2007 гг., когда происходит укрепление режима К. Бакиева.

Нежелание нового главы государства проводить конституционную реформу и изменять баланс властных полномочий в сторону наращивания влияния Парламента привело к масштабным политическим противостояниям весны-осени 2006 г. Под давлением оппозиции в ночь на 10 ноября 2006 г. Парламент утвердил Новый проект Конституции, формально расширяющий полномочия Парламента и Правительства. Однако эта редакция просуществовала не более полутора месяцев. Поскольку уже 30 декабря 2006 г. под давлением Президента была принята Новая редакция Конституции, еще более расширившая его полномочия. Тем самым обозначился поворот Кыргызстана в сторону авторитарного «семейно-кланового» стиля правления, еще более наглядно проявившийся в ходе события 2007 г. [71.–С. 70].

19 сентября 2007 г. К. Бакиев выступил с Посланием народу и Парламенту. В данном выступлении была названа необходимость скорейшего завершения конституционной реформы и проведение очередного референдума и досрочных парламентских выборов по партийным спискам [Там же].

21 октября 2007 г. была принята новая редакция Конституции Кыргызской Республики[41]. В соответствии с редакцией Конституции Кыргызской Республики от 23 октября 2007 г. были введены следующие изменения. Полномочия Президента: Президент назначает Премьер-министра и членов Правительства; назначает по консультации с Премьер-министром глав местных государственных администраций; освобождает их от должности; определяет условия оплаты труда государственных и муниципальных служащих (разд. 2 ст. 46), а также приостанавливать действие нормативных правовых актов Правительства и других органов исполнительной власти.

Эти дополнения объясняются тем, что глав местных государственных администраций должно назначать лицо, свободное от партийных приоритетов (с учетом того, что Премьер-министр будет выдвигаться депутатами от политических партий), а также соответствуют ключевой роли Президента, обозначенной в Конституции при формировании Правительства, определении структуры Правительства, а также подотчетности и подответственности Правительства перед Президентом [107.–С. 48].

К ведению ЖогоркуКенеша относятся: утверждение структуры Правительства по предложению Премьер-министра; выражение недоверия Правительству, отдельному члену Правительства в предусмотренных настоящей Конституцией случаях; избрание и освобождение от должности по представлению Президента судей Конституционного и Верховного судов.

Многие положения в данной редакции подверглись серьезным изменениям, которые окончательно уничтожили попытки перехода к парламентской или президентско-парламентской республике. Значительно усилены полномочия главы государства, окончательно утвердившие в стране президентскую форму правления.

После проведения референдума Президент заявил о роспуске Парламента и проведении досрочных выборов по партийным спискам. 15 октября 2007 г. К. Бакиев заявил о создании поддерживаемой им партии «Ак Жол».

Такая скорость в принятии крайне важных для страны решений обусловлена, прежде всего, по мнению отечественных аналитиков со стремлением Президента опередить оппозицию, не дав ей собраться с ресурсами.

16 декабря 2007 г. состоялись досрочные выборы депутатов ЖогоркуКенеша, которые проводились по партийным спискам на основе принятого референдумом 21 октября 2007 г. Кодекса о выборах в Кыргызской Республике [50].

В соответствии со ст. 72 Кодекса 50 политических партий представили в Центризбирком уведомление об участии в досрочных выборах депутатов ЖогоркуКенеша. Из них 22 политические партии представили для регистрации списки кандидатов. В итоге прошли регистрацию в Центризбиркоме списки кандидатов 12 политических партий.

По итогам распределения квот на получение депутатских мандатов в ЖогоркуКенеш четвертого созыва 71 мандат получила Народная партия «Ак Жол», 11 – Социал-демократическая партия Кыргызстана, 8 – Партия коммунистов Кыргызстана. В соответствии с действующим конституционным законодательством данные партии образовали в ЖогоркуКенеше 3 фракции [Там же].

Таким образом, впервые в истории кыргызстанского парламентаризма был сформирован партийный парламент.

Также хотелось бы отметить, что за годы правления Бакиева оппозиция активно участвовала во всех выборах – на местные кенешы и ЖогоркуКенеш. Однако в результате фальсификации голосов со стороны власти им не удалось добиться выдвижения своих кандидатов в депутаты.

Как отмечает Н.М.Омаров, 2007 год стал в некотором смысле «годом триумфа» президента К. Бакиева. Ему удалось во многом тактически переиграть политических конкурентов и приблизиться к тому, что он сам часто называл «внутриполитической стабильностью» [71. – С. 72]. Однако анализ показывает, что политическая система республики становилась все более авторитарной.

Следует подчеркнуть, что на данном этапе власть могла пойти по пути политической модернизации и возобновить демократизацию политической системы страны, однако был сделан обратный выбор, т.е. в сторону авторитарного, коррумпированного «семейно-кланового» правления.

Еще в первой половине 2008 г. были возможные сценарии о проведении досрочных президентских выборов. По примеру своих центрально-азиатских коллег К. Бакиев, скорее всего, хотел увеличить срок

своих полномочий от 5 до 7 лет. Это позволило бы ему сохранить полномочия до 2015 г., что крайне выгодно для него в ослаблении оппозиции.

23 июля 2009 г. в ходе досрочных президентских выборов на пост президента вновь был избран К. Бакиев, набрав 76,43 % голосов избирателей[115]. Вследствие чего шел процесс реформирования Института президентства. Данный процесс превратил институт президентства в центр авторитарной власти, подмявшей под себя всю систему государственного управления. Были созданы дополнительные государственные органы Института Президента, как Секретариат Президента Кыргызской Республики, и Центральное агентство Кыргызской Республики по развитию, инвестициям и инновациям (далее ЦАРИИ) [28], руководителем которого был назначен сын К. Бакиева Максим. Существенным для протестных отношений кыргызстанского общества стала экономическая деятельность Максима Бакиева.

Он взял под контроль шесть крупнейших банков, на счетах которых было сосредоточено 80% всех средств национального бюджета (государственные деньги неизменно проходили через бакиевские банки), контролировавшего крупнейшие предприятия: «Азия Универсал Банк», «Кыргызгаз», «Кыргызтелеком», «Кыргызские железные дороги», аэропорт «Манас», оператора сотовой связи «НУРТЕЛ», почти все энергетические компании («Северэлектро», «Востокэлектро», «Ошэлектро»), крупнейшую сеть нефтезаправок «БНК», Бишкекский машиностроительный завод, золоторудное месторождение «Джеруй», сахарные заводы «Кошой», «Кайынды-Кант», «Шампанвинкомбинат», Майлуусуйский электрламповый комбинат, «Пятый телеканал» и телеканал «НТС». Кроме того существовала практика откатов: процент взяток, получаемый М. Бакиевым от любого инвестора, включая и иностранных, при принятии решения в правительстве составлял от 30 до 50% от общего объема проектов [116].

Секретариат Президента Кыргызской Республики в свою очередь осуществляет информационно-аналитическую и экспертную поддержку

деятельности главы государства, его взаимосвязь с различными группами интересов. ЦАРИИ предназначено для выработки политики по экономическому развитию, привлечению инвестиций и внедрению инноваций.

Также были созданы координационно-совещательные органы Института Президента: Президентское совещание, Совет развития. И должностные лица: Государственный советник Президента Кыргызской Республики по вопросам обороны, безопасности и правопорядка; Государственный министр иностранных дел Кыргызской Республики.

Такая концентрация полномочий в руках главы государства превратила парламент, правительство, судебные органы и другие политические и гражданские институты в формальные приатки института президентства. К тому же 12 февраля Бакиев внес в Парламент Проект «О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики» [117], который был подготовлен в целях дальнейшего усиления полномочий Президента страны.

Кроме этого, в результате непродуманной экономической политики республика теряет свой промышленный потенциал все глубже скатываясь в бездну нищеты. Более 50% населения находится за чертой бедности [67]. Более 40% ВВП страны формируется за счет торговли и услуг, около 30% занимает доля сельского хозяйства и только 15% - промышленное производство.

Это все, несомненно, вызвало в обществе глубокое разочарование демократическими преобразованиями. В результате в апреле 2010 г. произошла по счету вторая революция, которая свергла режим К. Бакиева.

Многие западные издания полагают, что непосредственными причинами смены власти был неконтролируемый рост цен на электричество услуги ЖКХ. Так, «Жестокие акции протеста были в значительной степени спонтанными и не были запланированным переворотом» - полагает британская газета TheGardian. Американская газета TheWashingtonPost считает, что в стране многие месяцы росло недовольство К.

Бакиевым, который «не смог улучшить жизнь обычных людей в этой бедной мусульманской стране» [62].

Таким образом, на пути суверенного развития Кыргызстана в условиях глобализации пришлось пережить две революции: 24 марта 2005 и 7 апреля 2010 гг. Такая последовательность и схема объективно ложатся в рамки законов любой революции, когда старый режим не рушится сразу, а отступает постепенно, создавая условия для дальнейшей радикализации революции. Так было в классической Французской революции XVIII в., пережившей 4 этапа радикализации. Только на третьем этапе, через 6 лет после начала революции, наконец-то приступили к решению экономических проблем, реализации интересов беднейшей части общества. Правда, этот третий этап или третья революция обернулась для Франции жесточайшей, кровавой диктатурой ее вождей, необходимость свержения, которой была причиной четвертого этапа Великой Французской революции.

Все рассуждали и писали о кыргызских революциях. Центральной идеей почти всех публикаций было унижительное для кыргызского народа клише - полуграмотный кыргызский народ, время от времени «просто так» штурмует правительственные здания и свергает власть. Слово революция было превращено в синоним любого переворота. В политическую терминологию было введено даже новое понятие – «традиционные кыргызские революции» [24.– С.13].

Однако последние революционные события на ближнем Востоке и в Северной Африке подтвердили закономерность кыргызских революций, показали и доказали миру универсальность их причин и факторов.

По существу как отмечает отечественный исследователь А.А.Арзыматова, революции в Кыргызстане явились первыми победившими массовыми революционными выступлениями народа конца XX – и начала XXI вв. против автократии и приведшие к смене власти [Там же].

Все больше и больше усилившиеся недовольства сильно расширились.

7 апреля 2010 г. сторонниками оппозиции штурмом, ценой многочисленных жертв был взят Дом правительства. Власть в стране на себя взял Центральный исполнительный комитет Народного Курултая (в последующем Временное правительство), принял решение образовать народные дружины в целях недопущения мародерства и возврата общественной жизни в правовое русло.

Временное Правительство во главе Отунбаевой Р. И. Полномочия судей Конституционного суда были прекращены со дня издания Декрета №2 Временного правительства от 12 апреля 2010 г. «О расформировании Конституционного суда»[42. – С. 114]. Также распущен был Парламент, в отставку было отправлено Правительство, президент покинул страну. На время все функции власти на себя взяло Временное правительство. После чего члены Временного правительства предложили конституционную реформу, основные принципы которой были разработаны ими, а в частности Текебаевым О.Ч. задолго падения авторитарного режима. Реформа была призвана предотвратить чрезмерную концентрацию власти и обеспечить устойчивую политическую конкуренцию.

Конечной целью реформы – это утверждение новых социально-политических отношений и постепенное формирование нового для нашего региона типа политической культуры. Для этого предложили:

- парламентскую форму республики;
- ограничение полномочий и максимального срока президента по Конституции до 1 шестилетним сроком;
- расширение полномочий парламента, включая формирование и контроль деятельности правительства;
- гарантии деятельности парламентской оппозиции, и ее участия в формировании некоторых высших органов государственной власти;
- укрепление местного самоуправления и существенное расширение его полномочий;

-радикальная реформа судебной власти, включающая полную смену судейского корпуса и формирование нового состава судебной системы с широким участием гражданского общества и оппозиции.

-реформирование избирательной системы для обеспечения избирательных прав граждан и укрепления многопартийной демократии [113].

27 июня 2010 года принятие Конституции Кыргызской Республики положило начало новой эпохе государственного устройства в стране, предусматривающее построение парламентской системы управления с ограниченными полномочиями президента в данном процессе. Население страны, надеясь на позитивные изменения при новой системе власти, поддержало Временное Правительство Кыргызской Республики. Согласно официальным итогам всенародного голосования 90% избирателей проголосовали за парламентскую республику [80].

Таким образом, Кыргызстан создал в Центральной Азии важный политический прецедент. Впервые в регионе был осуществлен переход к парламентскому правлению.

В свою очередь парламентская форма правления обеспечивает мирную передачу власти даже в условиях жесткой конкуренции различных групп и партий. Она гарантирует гласность и открытость разбирательств, апелляцию к обществу. Это залог справедливости решений, защиты граждан от неправомερных действий со стороны власти.

Очевидно, построить такую новую политическую систему изолированно, в отрыве от аналогичных систем в других обществах очень сложно. Развитие политических систем в постсоветский период сопровождалось концентрацией всей полноты власти в руках президентов. Кыргызстан окружен крупными государствами с жесткими централизованными режимами, где санкционированная легитимность подменила собой электоральную легитимность. Кроме того имеется традиционное мнение, что менталитету, политической культуре государств

Центральной Азии свойственны патернализм и сакрализация власти, когда лидер выступает в роли мессии или пророка.

Но, процесс политической модернизации Кыргызстана имело место движение вперед, и Кыргызстан имеет определенный опыт парламентского развития в советский период и парламентско-президентская форма развития в суверенном Кыргызстане согласно первому варианту Конституции Кыргызской Республики 1993 года. В связи с этим возможно, что парламентская модель вполне приемлема для Кыргызстана. Но, как минимум, через 10, 20 лет, когда партии состоятся в виде системообразующих политических институтов, которые будут не в качестве лозунгов, а реальных дел выражать интересы граждан страны.

3.2. Современная политическая система Кыргызской Республики и перспективы ее дальнейшей модернизации

За двадцатилетнюю историю независимости Кыргызстан уже успел дважды пережить революционные потрясения, связанные с отстранением от власти своих двух президентов. События 2005 и 2010 годов показали несостоятельность президентской формы правления в Кыргызстане, которая в итоге привела к узурпации власти со стороны главы государства. Современное политическое развитие Кыргызстана напрямую связано с реализацией парламентской формы правления в стране.

Принятая редакция Конституции страны в июне 2010 года положило начало новому этапу государственного устройства, предусматривающее построение парламентской системы управления с ограниченными полномочиями Президента.

В новой редакции Конституции Кыргызской Республики (2010 г.) закреплено положение, где она не подлежит изменениям в течение 20 лет. Следовательно, в ней заложены механизмы, обеспечивающие стабильность для вновь создаваемой политической системы. Для реализации данного политического проекта в условиях нашей страны требуется большая подготовительная, организационная и интеллектуальная поддержка, выработка определенной стратегии, которая бы привела к проведению ряда взаимосвязанных мер, объединила усилия всего общества и государства, даже мирового сообщества для достижения поставленной цели.

В соответствии Конституции Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. [57]. Правительство и парламентское большинство наделяются большими полномочиями, и Президент не вправе вмешиваться в их деятельность. Но как арбитр между политическими силами, символ единства народа и власти, суверенитета и территориальной целостности Кыргызстана Президент должен стоять выше партийных предпочтений и симпатий.

Согласно Конституции 2010 г.:

-ЖогоркуКенеш – парламент Кыргызской Республики – является высшим должностным представительным органом, осуществляющим законодательную власть и контрольные функции в пределах своих полномочий.

-ЖогоркуКенеш состоит из 120 депутатов, избираемых сроком на 5 лет по пропорциональной системе.

Следует отметить, партия, победившая на выборах, не сможет получить более 65 мест в парламенте. Оставшихся 55 депутатских мандатов достанутся другим партиям. Победившая партия получит право сформировать правительство, но их голосов не хватит, чтобы изменять Конституцию или узурпировать власть. Оппозиция не позволит парламентскому большинству и правительству злоупотреблять властью. Проект Конституции гарантирует парламентской оппозиции должности вице-спикера, председателей комитетов по правопорядку и бюджету. Парламентское меньшинство получит возможность участвовать в паритетном формировании состава Счетной палаты, Центральной избирательной комиссии и Совета по отбору судей [107.–С. 57].

Таким образом, в стенах парламента будут созданы условия для равной конкурентной борьбы политических партий.

Полномочия ЖогоркуКенеша:

-принимает закон о назначении референдума;

-назначает выборы Президента (п. 1, ст. 74).

-вносить изменения в настоящую Конституцию;

-решает вопросы административно-территориального устройства Кыргызской Республики (п. 2, ст. 74).

-утверждает программу деятельности Правительства, за исключением членов Правительства руководителей государственных органов, ведающих вопросами обороны и национальной безопасности;

-утверждает общегосударственные программы развития Кыргызской Республики, внесенные Правительством (п. 3, ст. 74).

-по представлению Президента избирает судей Верховного суда; в случаях, предусмотренных конституционным законом, освобождает их от должности по представлению Президента;

-утверждает состав Совета по отбору судей в порядке, предусмотренном законом;

-избирает по представлению Президента председателя Национального банка; освобождает его от должности в случаях, предусмотренных законом;

-избирает членов Избирательной комиссии по выборам и проведению референдумов: одну треть состава – по представлению Президента, одну треть – парламентского большинства и одну треть – парламентской оппозиции; освобождает их от должности в случаях, предусмотренных законом;

-дает согласие на назначение Генерального прокурора; дает согласие на привлечение его к уголовной ответственности; дает согласие на освобождение от должности Генерального прокурора не менее чем одной третью от общего числа депутатов ЖогоркуКенеша (п. 4, ст. 74).

Правительство получает реальные полномочия и всю полноту исполнительной власти. На Премьер-министра и его кабинет возлагается персональная ответственность за ситуацию в стране, социально-экономическое развитие и кадровую политику. По итогам работы правительство обязано регулярно отчитываться перед ЖогоркуКенешом.

Кроме того часть полномочий Президента и Правительства передается народу и избираемым им органам местного самоуправления. Кандидатов в акимы будут отбирать районные кенешы. По новой системе население городов и сел сможет самостоятельно решать свои проблемы, распоряжаться бюджетом развития. Это, по мнению Н.Т.Шерипова, станет дополнительным инструментом народного контроля над властями [Там же].

Таким образом, становление парламентской формы правления имеет благоприятные предпосылки для развития демократического режима, играет важную роль в процессе реформирования различных аспектов

государственного управления (выборы) и в изменении политической культуры.

Сегодня, в республике и за ее пределами высказывается очень много критики и сомнений о целесообразности и эффективности парламентской системы, относительно ее долгосрочной перспективы. Например, среди новой политической элиты, которая пришла к власти в результате апрельских событий 2010 г. не было единство относительно будущей формы правления. Так, ряд влиятельных политических лидеров (например, А. Бекназаров, И. Исаков и др.) выступали против парламентской республики, заявляя, что предлагаемая народу Кыргызстана парламентская форма правления неприемлема в современных условиях, установление парламентской республики приведет к парламентской диктатуре.

Открыто и категорично заявили о неприятии парламентской формы правления в Кыргызстане руководители ряда государств СНГ, заявив, что парламентская форма правления в Кыргызстане это катастрофа.

Противоположная точка зрения у политических лидеров и политической элиты Запада, а также представителей международных организаций, таких как ООН, ОБСЕ и др. В целом международное сообщество приветствует парламентскую республику в Кыргызстане утверждая, что это представляет собой демократический ориентир в условиях политической модернизации.

Общественное мнение кыргызской республики также разделилось. После выборов в ЖогоркуКенеш Кыргызской Республики 10 октября 2010 г. и формирования коалиционного правительства высказывается очень много критики и сомнений относительно целесообразности и эффективности парламентской системы и ее возможной долгосрочной перспективы в Кыргызстане. Одной из причин является амбициозность, низкая политическая культура депутатов и проблемы в достижении согласия в коалиционном большинстве ЖК КР.

Поэтому многие политики и эксперты в Кыргызстане и за рубежом с интересом и сомнением ожидают, чем закончится столь необычный для нашего региона политический эксперимент. Наш опыт пока ещё не говорит, что парламентаризм – это наиболее подходящая Кыргызстану форма правления. Однако, он точно утверждает, что полупрезидентская республика является наиболее неподходящей.

Представляется, что парламентаризм имеет множество умирающих и поддерживающих вовлеченность разных политических сил механизмов, которые помогли демократическим государствам.

При анализе парламентской формы правления важно знать его особенности, преимущества и недостатки, насколько их можно адаптировать к условиям страны, просчитать возможные риски и угрозы, последствия принятого решения. Например, при этой системе нет четкого разделения между ветвями власти, что считается недопустимым, например, для парламентаризма или полупрезидентализма. Депутаты в парламентской республике могут быть одновременно министрами, а судьи могут выступать в качестве законодателей. Существует высокая автономность ветвей власти, действует принцип верховенства парламента, работает принцип «парламент может все»[58.– С. 5].

В парламентской демократии парламент избирает президента, формирует правительство, хотя есть и другие модели, когда президент избирается с использованием системы выборщиков, более широким собранием или всенародно. Как показывает практика, для президентализма характерен независимый президент, а для чистого парламентаризма – взаимная зависимость и тесно переплетенные государственные исполнительные и законодательные полномочия.

В условиях парламентаризма правительство формируется парламентом из числа лидеров партий, располагающих большинством в парламенте. В случае образования коалиционного правительства, оно формируется из членов коалиции, а кандидатуру лидера правительства называет глава государства из

числа партий, формирующих коалицию. Премьер-министр считается в большинстве случаев первым среди равных. Правительство несет ответственность перед парламентом, который может в любое время отозвать правительство. Оно является органом с высоким уровнем коллегиальности в принятии решений и отправляется в отставку всем составом.

В свою очередь президент на практике почти не оказывает никакого влияния на осуществление государственной власти. У него преимущественно функции представительского или церемониального характера. Он не отвечает за деятельность правительства. Любые действия президента, как право роспуска парламента и законодательное вето, могут быть проведены в жизнь только с согласия правительства. Акты президента имеют силу только после их контрасигнации соответствующим министром или премьер-министром, которые несут за них персональную ответственность.

Парламентарная система – это система взаимной зависимости: правительство несет ответственность перед парламентом, в случае выражения парламентом недоверия – правительство отправляют в отставку. В то же время исполнительная власть имеет право распустить парламент. Например, в некоторых странах это может сделать премьер-министр, а в некоторых – глава государства по настоянию премьер-министра [58.–С. 6].

Эффективность парламента как механизм демократического правления зависит от состава парламента в смысле количества и позиций политических партий, представленных в нем, т.е. парламентарная система тесно связана с типом избирательной системы, используемой на выборах. Это, как правило, одна из разновидностей пропорциональной избирательной системы.

Сторонники парламентаризма указывают на такое сильное его достоинство как гибкость и способность приспособливаться к изменяющимся условиям. Руководство исполнительной власти и само правительство могут меняться парламентом без проведения всеобщих выборов. Дискредитировавшая себя исполнительная власть может быть смешена самим парламентом, а сам глава правительства зависит от доверия парламента.

Особенность парламентских систем заключается в высокой степени подотчетности правительства перед парламентом, который ведет не только к широкому общественному контролю над процессом принятия решений, но и к большей открытости данного процесса.

В целом парламентская демократия, несомненно, является достижением современности. Будучи классической формой представительной демократии, она сочетается с формами непосредственной демократии, что помогает выявить интересы и настроения различных групп населения и выражать их в политику и практически соотносится с демократической устойчивостью. Такие системы достаточно распространены в экономически сильных государствах, менее в слаборазвитых странах. В экономически слабых государствах парламентские системы выживают в 2 раза чаще, чем президентские [118].

Наряду с положительными сторонами парламентская модель развития имеет некоторые недостатки, такие как недостаточная оперативность и мобильность парламента, длительность процедур принятия решений; правительственная нестабильность или возможность частой смены правительств; слабая подотчетность парламента; установление диктатуры большинства над меньшинством.

Процесс установления и реализации парламентской формы правления в Кыргызстане, получив поддержку со стороны основных (или большинства) политических сил в парламенте страны, а также со стороны новоизбранного Президента КР А. Атамбаева, переступил «точку невозвратности» к президентской форме правления и продолжает свое развитие по направлению к получению долгосрочных результатов. В случае отказа от реализации данного процесса в ближайшем будущем, правящая элита натолкнется на новую волну дестабилизации политической ситуации в стране, которая может привести к новой революции или смене политической элиты, что тормозит ход реализации политической модернизации.

Следует подчеркнуть о том, что выбор парламентской формы правления нашим государством было связано не только неудачным опытом президентско-парламентского правления первых двух президентов Акаева А. и Бакиева К., но и наличием целых ряд исторических, социокультурных, политических, экономических предпосылок и факторов. Так, это длительное отсутствие традиций национальной государственности, бюрократии, крепко сохранившиеся традиционалистские устои народной демократии. Широкие возможности, которые оказываются в условиях современных процессов глобализации. Определенный уровень образования, науки и культуры, достигнутые, прежде всего, в советский период. Степень развития гражданского общества. Наличие плюрализма и высокий уровень конфликтности в обществе. Политика использования возможностей оппозиции и его потенциала в разных сферах общества. Необходимость стимулирования развития демократической политической системы, политической партий, гражданского общества, преодоления политических последствий трибализма регионализма. Наличие реального политического плюрализма. Воздействие внешнего фактора и угроза возрождения семейно-кланового авторитарного правления, т.е. наличие авторитарных соседей, соседство с парламентскими республиками как Индия, Молдова. Неограниченная возможность удовлетворения политических амбиций для политической элиты, который открывает парламентаризм. В стране не должно быть одной главной должности. Победит «северный кандидат», будет недоволен юг, и, наоборот.

Данные социокультурные факторы проявляются в повышенной солидарности представителей той или иной социальной группы, наличии определенных доминирующих социально-культурных принципов взаимодействия, а также механизмов социальной мобилизации, которые влияют на политические отношения в стране. В качестве примера можно привести различные исследования политических процессов в Центральной Азии (ЦА), проведенных зарубежными учеными.

Так, например, американский исследователь Кэтлин Коллинз, анализируя ситуацию в постсоветской Центральной Азии, характеризует внутривполитические отношения в этих странах, как «политику кланов», где последние являются основой политической и экономической власти. Клан — «это неформальная организация, состоящая из сети индивидов, объединенных на основе родственных связей» [15.—Р.231]. Неформальные пакты, заключенные между различными кланами обеспечивают стабильность государства и правящего режима с одной стороны, но с другой стороны, заметно тормозят процессы демократизации и либерализации в этих странах, что отчетливо проявилось на политическом процессе в Кыргызстане. По мнению автора, политика кланов, порождая краткосрочную стабильность и усиление авторитаризма, в долгосрочной перспективе может негативно отразиться на консолидации авторитарной власти и ее стабильности [15.—Р.260].

Американский эксперт в области политической науки Скот Радниц, изучая ситуацию в Кыргызстане, видит более сильное влияние местных сообществ и родоплеменных отношений во внутривполитических процессах страны. По словам автора, кланы не играют большой роли в мобилизации масс для участия в политических процессах на региональном уровне. Поэтому участие и поддержка народных масс политическим движениям и последующее их развитие на национальном уровне, прежде всего, основано на солидарности местных сообществ и влиянии покровительственных отношений в данном процессе. В данном аспекте можно рассматривать и родоплеменную принадлежность политиков, как одну из составляющих политических взаимоотношений.

Джохан Ингвэл, анализируя анатомию Кыргызского государства, выявил влияние социально-культурных ценностей на ослабление правопорядка и усиления коррупции в государстве [8.—Р.41]. В частности, можно выделить нежелание политической элиты активно вмешиваться в процесс реформирования правовой системы и искоренения коррупции под

влиянием социально-культурных ценностей, основанных на поддержке традиционных связей внутрикланов, родов и регионов. Многие моменты из вышеприведенного анализа, в целом или частично, подтверждают влияние социально-культурных условий на политические отношения в Кыргызстане, а также, в той или иной степени, показывают их влияние на формирование политической культуры общества, которое необходимо учитывать.

По мнению А. Шустова, «клановость стала одной из главных причин падения политических режимов А. Акаева и К. Бакиева, которых обвиняли в аккумуляции всех политических и экономических ресурсов в руках родственников» [109].

Положение Кыргызстана осложняется постоянной борьбой за контроль над административными и экономическими ресурсами северных и южных этнорегиональных группировок.

Тема противостояния северных и южных регионов постоянно всплывала и во время событий «второй революции» причем нередко она искусственно подвергалась для расшатывания политической ситуации.

В процессе трансформации кыргызстанского общества, по мнению директора Центра политико-правовых исследований Т.Ибраимова, следует учесть в первую очередь тот факт, что Кыргызстан – это многонациональная и многоконфессиональная страна. Во вторую очередь, о том, что внутри Кыргызстана имеется деление по трайбалистскому принципу - нравится это кому-то или нет. В третью очередь, о том, что Кыргызстан не имеет высоколиквидных ресурсов: таких, как нефть или газ. Также в Кыргызстане нет сильных традиций единоначалия: наши историки многократно говорили о том, что ханы избирались у кыргызов только в определённые исторические моменты, когда надо было противостоять сильным внешним или внутренним угрозам. Избрание ханов не было традицией, проходящей через века и тысячелетия. Следующее. Качество политической элиты страны оставляет пока желать лучшего. Нельзя говорить, что наши политики совсем уж глупые. Однако после развала Советского Союза их главной парадигмой стало

обогащение за счёт ресурсов государства. Когда же речь заходит о проектах, направленных на развитие страны, наблюдается большой дефицит идей и политической воли. Сейчас много говорят о том, что во власть должна прийти молодёжь. Однако, ещё не факт, что молодёжь, пришедшая на смену политикам старого формата, будет лучше. Выросшая в известных условиях, она впитала многое из негативных примеров старшего поколения [76].

Наряду с этим следует отметить, о необходимости предоставления мест во власти для значительных политических сил. В условиях политической модернизации страны это важно, потому что наличествует раздробленность политических сил. Если какие-то значимые силы не будут занимать место во власти, то они обязательно попытаются добиться её неконституционным образом.

Весьма показательным в этом плане является мнение кыргызстанского исследователя З. Дж. Чотаева. Он выделяет ряд благоприятных условий для становления и последующего развития парламентской системы. По его мнению, различные кланы, региональные и родовые группы, связанные между собой общими интересами, могут быть представлены в парламенте как политические силы, объединившиеся в коалиционное правительство для реализации политической власти. Политические силы, сформированные в парламентские фракции, под влиянием пропорциональной избирательной системы, предусматривающей общереспубликанское представительство, со временем могут трансформироваться в современные политические партии [105].

Сегодня наиболее значительные политические силы в парламенте представлены. Наблюдается, что ЖогоркуКенеш имеет гораздо большее влияние, чем это было прежде. Из «нотариальной конторы», которая закрепляла решения Президента, он преобразовался в реальный политический институт. Государственная власть находится под постоянным контролем своих политических конкурентов и общества в целом. С другой стороны, мы видим, что неоднородная власть с трудом выполняет свои обязанности по

управлению государством. Это находит своё продолжение в дисфункции органов исполнительной власти. Кадровый состав Правительства, который является следствием его формирования по коалиционному принципу, провоцирует частые сетования чиновников о том, что в отделах сидят люди, которые слушают больше не своего прямого начальника, а своих партийных лидеров. Это, конечно, нонсенс – но таковы издержки роста! Надеюсь, что при формировании нового правительства они будут преодолены. Также часто говорилось о возможном сговоре депутатов и разделении сфер влияния. Явным его знаком было разделение областей и даже отдельных предприятий между членами коалиции. Это опасный сигнал – подобные меры должны быть исключены из политической практики [76].

По словам нынешнего депутата ЖогоркуКенеша КРД. Бекешова парламент по парламентской форме правления в стране есть, но сама новая форма правления ещё не сложилась. Более того, при оценке эффективности работы парламента, Президента, Правительства в обществе функционирует один ошибочный и вредный стереотип: оценка деятельности конкретного человека или группы лиц (как правило, негативная) переносится на весь институт. Из этого следует, казалось бы, вполне логичное предложение: провести очередной передел полномочий. И вот как раз это предложение и содержит в себе вред. Дело в том, что предлагаемые схемы распределения власти не решают никакой другой проблемы, кроме установления контроля над властью в интересах очередной элитной группировки. Возникает дилемма: чем предлагаемое хуже существующего – и наоборот. Ответ очевиден: с точки зрения властной элиты, существующая система хороша тем, что позволяет этой элите находиться у власти. И наоборот: представители элитных группировок, только стремящихся к власти, также будут правы, заявив, что существующая система плоха тем, что они не у власти. Лозунги об интересах народа же чаще всего остаются лозунгами. Значит, принципы новой формы правления пока не работают – зато уже витает над Бишкеком призрак очередного катаклизма.

Таким образом, сегодня имеется возможность как для возврата авторитаристских тенденций, так и для формирования стабильной и сильной демократической власти. Парадокс ситуации заключается ещё и в том, что переход к парламентской форме правления всегда означает усиление авторитаристских черт – если не у Президента, то у депутатов.

Сегодня многие отечественные эксперты дают оценку парламенту и перспективам развития парламентаризма в Кыргызстане. Как отмечает эксперт в области общественной безопасности ОФ «Эгалите» И.Каменко, «парламентаризм в Кыргызстане, скорее всего, будет сворачиваться»: «В Кыргызстане не такая политическая, экономическая, общественная и социальная ситуация, чтобы позволить себе парламентаризм. Так как пока не сформированы определенные социальные, экономические, финансово-экономические группы и группы влияния, которые формируются в партию, представляющую интересы общества на высшем, законодательном уровне, поэтому жить в условиях парламентаризма нам еще рано, и практика парламентаризма об этом свидетельствует [111].

Также, по его мнению, на данном этапе существующая парламентско-президентская система будет дрейфовать в сторону президентской.

Отечественный политический аналитик А. Мусабаева отмечает, что нет никакой разницы, парламентская или президентская форма правления установлена в стране. Если бы были эффективные государственные институты, существовала бы эта система сдержек и противовесов и они нормально функционировали, то есть позитивные примеры и президентских, и парламентских республик. Но, учитывая гиперплюралистичность нашего общества, исторические особенности и то, что общество очень фрагментировано, трагический опыт с двумя президентами, продвигалась идея о том, что парламентская система больше отвечает нашему государству, нашим интересам. Но шансы развития парламентаризма в Кыргызстане 50 на 50 [Там же].

Многие эксперты, анализируя плюсы и минусы парламентаризма в Кыргызстане уже не раз отмечали, что минусом парламентаризма, во-первых, являются механизмы ответственности парламентария. Если правительство еще можно как-то призвать к ответственности, отправить в отставку или выразить недоверие, то парламенту «все равно», несмотря на большую критику, которая все время идет со стороны экспертного сообщества, со стороны населения, потому что они ни за что не отвечают. По мнению А.Мусабаевой, в настоящее время парламент берет на себя функции, которые, откровенно говоря, по Конституции ему не принадлежат, то есть создается какой-то миф о сверхполномочиях парламента, исходя из такой точки зрения, что раз у нас парламентская форма правления, значит парламент - это высшая власть.

В контексте парламентаризма власть осуществляется в интересах народа и для народа. А у нас получается, что власть осуществляется в интересах элитных группировок во власти. Это говорит о том, что основные принципы парламентаризма не работают.

Говоря об эффективности парламентаризма, отечественный эксперт по государственному управлению Ш.Бактыгулов, выделяет три его принципа.

Первый принцип – это регулярное измерение доверия граждан к политикам. Второй принцип – если будет регулярно работать так называемая принудительная честность, когда будут механизмы, когда депутаты, политики будут вынуждены играть по честным правилам. Третий принцип – это учет альтернативных мнений граждан. Не просто провозглашать, например, «Статья вторая Конституции закрепила, что государство создает условия для представительства различных социальных групп, определенных законом...». Это провозглашено, но фактически таких механизмов нет. Людей собирают в форме Круглого стола, затем говорят о том, что собирали, пообсуждали, все мнения учли. Но на самом деле никто не знает, какое мнение учтено. А если делается ссылка на то, что это мнение учтено, то инициатор этой идеи совсем не узнает свою идею и не признает ее авторство[111].

Он отмечает, что все эти принципы в Кыргызстане не работают. Когда эти три принципа в совокупности будут работать, то с этого момента и пойдет отсчет, тогда можно сказать о том, что идеи парламентаризма будут работать.

Из плюсов парламентской формы правления в Кыргызстане можно отметить следующее:

- устранена возможность частой смены Правительства по конъюнктурным соображениям одного человека или одной партии;

- обеспечена стабильность правительства и его подконтрольность парламенту;

- появилась возможность для формирования и консолидации настоящих политических партий;

- если нарушится система местного самоуправления, парламентский процесс укрепит роль государственной власти на местах и будет способствовать единству государства.

Вместе с тем, существующая форма правления имеет и свои минусы, которые происходят из того, что система «сдержек и противовесов» не сбалансирована:

- вместе с разрушением структуры управления возникли новые виды отношений, коллизии и несогласованность; разрушение сложившихся стандартов разделения властей, которое имеет устойчивые формы как в президентской, так и в парламентской республике, приводит к смешению двух разных начал, что не всегда согласуется с конституционным законодательством;

- возрастание роли парламента и усиление его контроля за деятельностью Правительства зачастую обманчивое явление. Дело в том, что при создании смешанной формы правления значение парламента не является абсолютным. Но сейчас наблюдается тенденция усиления власти премьер-министра и Президента. К этому, однако, сформированная система, не подготовлена – гарантий от единоличного всевластия нет;

- снижается роль институциональных факторов – часто всё зависит от личности конкретного человека.

Тем не менее, движение к демократии ещё возможно – при соблюдении трёх основных принципов:

1) регулярное измерение доверия граждан к политикам с отстранением политика от должности при отсутствии такового;

2) работа механизмов принудительной честности, вынуждающей всех политиков играть по правилам;

3) учёт альтернативных мнений граждан.

Первые два принципа в стране пока не действуют, а третий превратился в инструмент простой манипуляции.

Внедрение и жизнеспособность перечисленных принципов зависят от депутатов, Президента и премьер-министра. Если возобладает понимание того, что все ветви власти должны работать координировано, есть основания полагать, что принципы укоренятся. Но пока такого понимания нет.

С целью продвижения парламентской демократии гражданский сектор, бизнес и академические сообщества Кыргызстана показывают свою заинтересованность и активно работают над этим.

Так плодотворно ведет деятельность в процессе политической модернизации страны Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики совместно немецким Фондом «ХаннсЗайдель».

В 2011 учебном году ФХЗ совместно с Академией управления при Президенте Кыргызской Республики открыл новую двухгодичную магистерскую программу по направлению «Парламентаризм». Обучаются в этой сфере всего 30 представителей: ЖогоркуКенеша, секретариата председателя парламента, органа управления парламента, штаба сотрудников депутатов, президентского аппарата, государственных институтов и т. д. Целью обучения является понимания парламентаризма, приобретения знаний и навыков, чтобы «наполнить жизнью» парламентскую культуру в Кыргызстане [68].

Активную помощь оказывает также гражданский сектор Кыргызстана в процессе совершенствования парламентской системы. В мае 2012 г. создан — Гражданский Совет за Парламентаризм, в который вошли гражданские организации, бизнес сообщества и отдельные активисты, такие как Коалиция «За демократию и гражданское общество», Общественное объединение «Прецедент», правовая клиника «Адилет», Общественный фонд «Гражданская Инициатива Интернет Политики», «Наш Век» и другие [69].

Целью данного объединения является продвижение парламентаризма через контроль деятельности Жогорку Кенеша Кыргызской Республики, который будет осуществляться по таким пунктам, как конституционность инициатив, прозрачность и подотчетность, открытость работы парламента для избирателей. Объединение усилий граждан по мониторингу парламента обусловлено тем, что граждане хотят ощутимых, реальных и прогрессивных перемен от деятельности парламента, продвижения и уважения норм Конституции Кыргызской Республики, предсказуемости через планирование своей деятельности. Граждане хотят знать, почему в парламенте поднимаются та или иная инициатива, является ли она запланированной и к каким перспективам она ведет страну. Совет считает важным также, что депутаты парламента должны исключать конфликт интересов в своей деятельности [30].

Объединение усилий обусловлено тем, что работа депутатов показывает, что у парламента отсутствует стратегия или план деятельности на весь срок созыва, инициативы поднимаемые парламентом краткосрочны, а результаты по ним неизвестны. Члены парламента не готовы брать на себя ответственность за работу сформированного ими Правительства, партийные фракции не выполняют свои предвыборные программы. Цели и результаты работы создаваемых депутатских комиссий по различным вопросам остаются неизвестными для граждан, а процедуры принятого Регламента по проведению голосования нарушаются [Там же].

Данный Совет инициирован для продвижения парламентаризма в стране, взаимодействия с парламентом и мониторингом соблюдения процедур

Регламента. Парламентаризм возможен только в тех странах, где достаточно развиты демократические ценности, и граждане активно проявляют свою позицию.

Если говорить об отношении населения к процессу демократизации, то оно положительное. По результатам опроса IRI (Международный Республиканский Институт), проведенного BalticSurveys/Gallup в 2012 г., абсолютное большинство респондентов (62%) ответили, что ассоциируют демократию со свободой. 59% согласны, что стране полезно наличие активной оппозиции и нескольких, отличающихся друг от друга, партий[7].

В Кыргызстане сила народных сил, отстаивающих свои права на самоопределение, является гораздо сильнее, чем многие могли думать. Соответственно, в недавнем опросе мнения, проведенном от имени Международного Республиканского Института, подавляющее большинство, 79% респондентов, заявили, что они хотели бы, чтобы их страна имела демократическую форму правления, а 72% думают, что гражданское участие важно. Респондентов спрашивали, согласны ли они с заявлением, что «демократия необходима в Кыргызстане», и 41% ответили «согласны», а 38% сказали, что «согласны в какой-то степени». Эти цифры немного меняются в различных возрастных группах, разделенных по полугеографическому месту проживания, сельской и городской местности [125].

Гражданское общество или, по крайней мере, сектор НПО, является динамичным в Кыргызстане и ситуация с гражданскими правами значительно лучше, чем в соседних странах. Однако, в то же самое время, вопросы, которые народ Кыргызстана поставил приоритетными в программе действий и которые он желал бы видеть решенными, являются исключительно экономическими: «безработица», «повышение уровня жизни», или просто «экономическое развитие». Кыргызстан принадлежит к числу самых бедных стран в мире, где треть населения живет ниже черты бедности, и прогресс, в значительной степени, отсутствует.

Очевидно, что эти цифры должны напоминать нам о поучительной истории о политических режимах, как правило, судят в первую очередь на улицах и, главным образом, по результатам, которые они дают, и что Кыргызстану также необходимо срочно развиваться экономически, чтобы поддержать свой путь к демократии.

Безусловно, перспективы парламентаризма будут зависеть во многом от компетенции и профессионализма депутатского корпуса, а также от их социальной представленности. Согласно мнению специалистов, качество депутатов парламента оказывает чрезвычайно важное влияние и на качество самих решений, принимаемых государством. Следовательно, повышение компетенции партий в различных вопросах социально-политического, экономического развития страны является основным условием принятия качественных решений на законодательном уровне.

Наряду с указанными процессами перспективы парламентаризма также будут определяться параметрами развития общества в целом. Таким образом, культура парламентаризма в этом ключе будет развиваться наряду с правовой культурой на всех уровнях общества, поскольку парламент это не столько сообщество избранных, сколько зеркало общества.

Анализируя данный процесс можно выделить следующие положительные стороны парламентской формы правления:

- Снижение риска монополизации и узурпации политической власти со стороны Президента КР и предоставление более широких возможностей для участия различных политических сил в процессе управления государством путем активизации политических взаимоотношений в рамках ЖогоркуКенеша. К примеру, активное участие политических партий в законодательном процессе, а также в формировании исполнительной и судебной ветвей власти.

- Активизация политической жизни, проявляющаяся во взаимодействии и противостоянии правительственных и оппозиционных политических сил в парламенте Кыргызстана снижает уровень политического

противостояния на улицах, что способствует улучшению политической и общественной стабильности в стране.

- Переход на парламентскую форму правления в Кыргызстане явился результатом процесса демократизации политической системы после событий апреля 2010 года и вызвал необходимость либерализации средств массовой информации, обеспечение их независимости и развитие политического плюрализма.

- Принятие Конституции Кыргызской Республики 2010 года закрепило пропорциональную избирательную систему на парламентских выборах депутатов ЖогоркуКенеша. Данная избирательная система имеет некоторые недостатки, связанные с низким представительством в парламенте интересов независимых региональных групп. Несмотря на это, закрепившаяся пропорциональная система, после принятия Конституционного закона о выборах от 2011 года, внесшего положительные доработки в процесс подсчета голосов, создает стимул и условия для развития политических партий в Кыргызстане.

- Конституция 2010 года и полу-парламентская форма правления закрепили новую систему «сдержек и противовесов» в государственном управлении и обеспечили возможность реализации принципа «разделения властей» в Кыргызстане².

- Распределение властных полномочий между ветвями власти и институтом президента в Конституции КР 2010 года обеспечили участие Президента КР не как основного игрока, а в качестве координатора и арбитра в политическом процессе Кыргызстана.

- Опыт функционирования парламентской формы правления в Кыргызстане наглядно показал возможность обсуждения законопроектов или государственных мероприятий (например, назначение на государственные должности) в парламенте Кыргызстана с участием 1 Эти недостатки связаны со слабостью политических партий в Кыргызстане, которые недостаточно

отражают интересы всех регионов страны, и являются отрицательной стороной чисто пропорциональной системы в условиях Кыргызстана.² Данный принцип был нарушен в периоды правления первых двух президентов Кыргызстана, когда исполнительная, законодательная и судебная ветви власти

- напрямую или косвенно были подчинены или находились под влиянием Президента КР, что препятствовало независимой работе данных органов и порождало коррупцию в системе государственного управления.

- Участие различных парламентских фракций, а также других политических сил и представителей гражданского общества в обсуждении законопроектов обеспечивает принятие более согласованных решений и демократизацию данного процесса, в целом.

- Политические партии, представленные в парламенте Кыргызстана, осознав свою роль и свое влияние на политическую жизнь страны при парламентской форме правления, становятся важным препятствием на пути к возможной реставрации президентской формы правления и скатыванию к авторитарному режиму.

- Становление и укрепление парламентской формы правления в Кыргызстане будет способствовать развитию политической системы и демократизации общества.

Анализируя процесс перехода к парламентской форме правления в Кыргызстане необходимо выделить и отрицательные аспекты реализации данного процесса, которые непосредственно связаны с реализацией данной формы правления, а также с условиями переходного периода в Кыргызстане. Можно выделить следующие отрицательные аспекты в данном процессе:

- К началу процесса внедрения парламентской формы правления в Кыргызстане многие представители политической элиты были не готовы к новым переменам. Причинами были отсутствие опыта и непонимание основных механизмов функционирования парламентской формы правления. Некоторые представители политической элиты очень часто воспринимали

данный процесс как передача основных руководящих функций в системе государственного управления от президента парламенту. Такое восприятие породило мнение о том, что теперь «5 парламентских фракций» или 120 депутатов ЖогоркуКенеша «будут делить между собой власть или портфели в Правительстве КР». Данное мнение о парламентской форме правления, как о процессе разделения власти или распределение портфелей в Правительстве КР между представителями коалиции большинства, высказывались повсеместно и в средствах массовой информации, и среди депутатов ЖогоркуКенеша. Например, депутаты от фракции СДПК ЧыныбайТурсунбеков и фракции «Ар-намыс» КаныбекОсмоналиев подвергли критике данное восприятие. Советник лидера фракции «Ата-журт» МаматМомунов также считает, что сегодня формирование коалиционного правительства превратилось в процесс

- разделения должностей. Парламент страны становится официальной политической платформой для взаимоотношений основных политических сил Кыргызстана, является законодательной ветвью (одной из трех) политической власти в стране, который определяет, координирует и контролирует политический курс исполнительной власти — Правительства КР.

- В данном процессе проявился невысокий уровень политической культуры, как в обществе, так и непосредственно среди политической элиты, вошедшей в парламент. Этот момент обусловил уровень взаимоотношений внутри парламентских фракций и между политическими партиями, где доминируют больше традиционные связи, а не принадлежность к политической партии. Данный недостаток проявился в неумении приходить к консенсусу и выполнять данные обещания с целью реализации общего политического курса страны. Но на сегодняшний день можно уже наблюдать некоторые положительные тенденции в данном вопросе. К примеру, процесс формирования нового коалиционного правительства в декабре 2011 года прошел более конструктивно и был завершенс первой попытки по сравнению с процессом в январе 2011 года[105. – С. 55].

- События 7 апреля 2010 года, приход к власти новой политической элиты и трагические события на юге Кыргызстана в июне 2010 года дестабилизировали ситуацию в стране. Переход к парламентской форме правления, инициированный новой Конституцией 2010 года, стал восприниматься как одна из причин данной дестабилизации, вызвав определенную негативную реакцию и желание возврата к более жесткому управлению — президентской форме правления, которая будет «способна» навести порядок в стране. Так как реализация парламентской формы правления в Кыргызстане является частью процесса демократизации системы государственного управления после событий апреля 2010 года, которая ослабила контроль государства над обществом. Наданный период демократия стала восприниматься не как реализация своих политических прав в рамках закона, а как «охлократия» — власть толпы или постоянное «давление улицы». Таким образом, демократизация и реализация парламентской формы правления стали отождествляться с вседозволенностью и безнаказанностью со стороны некоторых политических и социальных групп, которая повлекла за собой стихийные митинги, протесты и довольно часто, необоснованные и незаконные требования, дестабилизирующие обстановку в стране.

- Принятая в Конституции КР 2007 года пропорциональная избирательная система показала свои недостатки на выборах в Жогорку Кенеш в 2007 году из-за слабости политических партий, а главным образом в связи с отсутствием условий политической конкуренции и широкого применения административного ресурса. После событий апреля 2010 года, несмотря на демократизацию политического процесса на парламентских выборах в октябре 2010 года, вновь проявились недостатки действующего Избирательного кодекса 2007 года, связанные в большей степени с механизмом подсчета голосов и некоторыми несоответствиями с новой Конституцией 2010 года. Принятый 30 июня 2011

года новый Конституционный закон о выборах, в целом, ликвидировал данные недостатки, но не разрешил всех проблем в избирательном процессе.

- Одной из этих проблем является то, что принятая чисто пропорциональная избирательная система не может обеспечить достаточно высокую представительность интересов регионов, так как на сегодняшний день политические партии Кыргызстана, из-за недостаточной развитости ориентировании на определенные регионы, не пользуются необходимой поддержкой во всех областях страны и не могут в достаточной степени отражать их интересы в парламенте.

- Слабость политических партий в Кыргызстане связана с небольшим опытом существования, низким уровнем представленности со стороны всех регионов страны или неразвитостью региональных филиалов, т.е. отсутствием общереспубликанских характеристик у подавляющего большинства действующих политических партий в стране. На сегодняшний день очень мало политических партий, которые имеют достаточный опыт функционирования, широкое представительство и конкретные идеологические ценности.

- Наиболее значимые недостатки в процессе реализации парламентской формы правления проявились в механизме распределения полномочий между ветвями власти и органами государственного управления, а также в непонимании необходимости соблюдать принцип разделения властей. В Конституции КР 2010 года между президентом, парламентом и правительством были распределены основные полномочия и была заложена определенная система «сдержек и противовесов», характеризующая полупарламентскую форму правления. В связи с этим требуется привести действующее законодательство КР в соответствие с новой Конституцией. На сегодняшний день наблюдается некоторые пробелы в законодательстве, регламентирующие распределение полномочий между основными институтами власти, требующие срочного разрешения. Например, полномочие определять внешнюю политику КР. С другой стороны, при принятии законов

наблюдается их несоответствие Конституции КР, что нарушает систему «сдержек и противовесов», заложенной в данном документе.

- Переход на парламентскую форму правления породил необходимость реформирования судебной ветви власти и построение независимой судебной системы. На сегодняшний день наблюдается отсутствие независимо функционирующей судебной ветви власти и проблема ее формирования, что является важным негативным аспектом в установлении реализации парламентской формы правления. Отсутствие Конституционной палаты, ответственной за контроль соответствия законов Конституции КР, позволяет парламентариям принимать законы, основанные только на политической конъюнктуре и порой не соответствующие Конституции КР. Например, положение Регламента ЖК об избрании вице-спикеров «в количестве, обеспечивающем представительство каждой фракции».

На основе анализа возможностей и перспектив реализации парламентской формы правления можно сделать обобщенный вывод о том, что, несмотря на разные сомнения, в обществе и в зарубежных средствах массовой информации, на сегодняшний день в Кыргызстане произошло внедрение парламентской формы правления, которая по итогам 2011 года уже заработала в системе государственного управления.

Анализируя процесс политического развития в Кыргызской Республике и сегодняшнюю ситуацию в стране можно сделать следующие выводы:

- опыт политического развития и социально-культурные условия страны вынуждают к реформированию системы государственного управления с целью внедрения парламентской формы правления;
- становление парламентской формы правления имеет благоприятные предпосылки для развития демократического режима в стране;
- практическая реализация парламентской системы требует реформирования различных аспектов государственного управления (выборы и т.д.) и изменение политической культуры, восприятия и подхода к данному процессу;

- становление парламентской формы правления и развитие демократии в Кыргызстане сталкивается с различными препятствиями и соблазнами, такими как, возврат к президентской форме правления и реставрация авторитарных режимов;

- политические партии, представленные в парламенте Кыргызстана, осознав свою роль и свое влияние на политическую жизнь страны, станут важным препятствием на пути к возможной реставрации президентской формы правления;

- парламентская форма правления имеет больше положительных аспектов влияния на процесс становления и развития политической системы в Кыргызстане.

Возможно, что парламентская модель вполне приемлема для Кыргызстана. Но, как минимум, через 20 – 30 лет, когда партии состоятся в виде системообразующих политических институтов, которые будут выражать интересы граждан страны не в качестве лозунгов, а воплощать их в реальные дела. Сегодня страна имеет, за исключением нескольких партий, в основном политические клубы по интересам, которые выражают интересы одного человека. Поэтому банкротство очередных «политически - пионерских» инноваций, вероятнее всего, неизбежно. Тем более что и институт президентства не намерен существовать на формальных условиях.

Окончательно о полном переходе на демократические формы правления говорить еще рано. Однако будущее Кыргызской Республики как стабильного и самостоятельного государства, полноправного члена международной политики в полной мере зависит от успехов процессов политической модернизации. Поэтому вопросом жизненной важности является создание в Кыргызской Республике государства, сила которого складывается из следования основополагающим принципам демократии, наличия компетентного бюрократического аппарата, действия которого должны быть направлены на повышение предсказуемости и эффективности политики, проводимой им в интересах всего населения. Только в том случае, если

Кыргызстану удастся успешно решить эту задачу, станет возможным реализовать главный стратегический приоритет Кыргызстана - успешно интегрироваться в мировые глобализационные процессы, действующие на основе ценностей демократии и рационализма.

ВЫВОДЫ

Уже более двадцати лет Кыргызстан развивается по пути демократизации. Для политического развития страны это не малый срок, поэтому возникает необходимость осмыслить пройденный путь с точки зрения политической теории и политической практики.

Составной частью сложного процесса перехода от традиционного общества к современному является политическая модернизация. Содержание ее составляют качественные изменения политической системы. Успешность политической модернизации зависит в изменении не только политической системы общества, но и всех подсистем экономическую, социальную и культурную. Быстро развивающаяся демократизация политических институтов может оказаться неподготовленной уровнем социально-экономического развития общества и политической культуры. Методологической основой исследования процесса политической трансформации являются теории модернизации и перехода к демократии, разработанные в 50-80-х гг. западными учеными.

В переходный период возникает необходимость выбора модели общественного развития, разработки стратегического курса реформирования общества. Проблема заключается в поиске и определении той формы, которая наиболее соответствует потребностям общества, в нахождении наиболее приемлемой институциональной структуры, способствующей его успешному преобразованию

Наиболее успешная модернизация происходила в странах Восточной Европы. В республиках постсоветского пространства попытка реализовать либеральную модель привела к разрушительным последствиям. Неудачи реформирования общества сильно скомпрометировали либеральные ценности.

В заключении диссертации даются следующие выводы:

Научно обосновано положение о том, что политическая модернизация связана с процессами демократического обустройства, вызванная, прежде

всего глобализацией. Она представляет собой сложный, длительный процесс, включающий изменение политической системы, демократических политических институтов и структур по западному образцу; формирование конкурентной партийной системы; институционализация демократических механизмов государственной власти; приспособление общества к новому политическому механизму; новой модели регулирования конфликтов.

В ходе исследования установлено, что политическая модернизация ставит перед собой масштабные задачи смены существующей политической системы. Эта главная и принципиальная особенность политической модернизации, с учетом которой современные государства, в том числе и Кыргызстан, должны осуществлять взвешенную, компетентную политику, ибо она несет за собой, как положительные, так и отрицательные последствия. Более того, она должна внедряться поэтапно, создавая экономические и социокультурные предпосылки. Взвешенное реформирование политической системы позволит поддерживать ее в равновесном состоянии, обеспечивая устойчивость и безопасность, своевременно устраняя риски «модернизационного застоя» общества.

Обосновано, что ключевыми политической модернизации являются внутривнутриполитические, геополитические и социокультурные факторами. Опыт других стран, осуществивших успешные демократические транзиты за последние три десятилетия, свидетельствует, что один лишь рыночная экономика не является единственным условием поступательных политических преобразований демократического.

Выявлено, что в процессе политической модернизации Кыргызстана отсутствуют базовые условия демократических принципов, а главенствующую роль играют традиционализм, авторитарное мышление политических элит, остаток советского наследия, остающиеся социально-экономические кризисы и др.

Предпринятый анализ политической модернизации в данной диссертации не полностью освещает весь спектр проблем. Потому основное

внимание в наших исследованиях уделялось наиболее важным вопросам определения особенностей политической модернизации Кыргызстана в условиях глобализирующегося мира, что недостаточно является изученным в отечественной политической науке. Наряду с этим, нами разработано предложений по осуществлению успешной политической модернизации в стране.

Кроме этого, данная методологическая основа позволила нам сформулировать следующие выводы диссертационного исследования.

- Политическая модернизация представляет собой способ политической системы адаптироваться к новым стандартам и ценностям, формировать новые типы институтов, а также современных политических структур, обеспечивающих адекватное реагирование и адаптация системы к изменяющимся условиям и вызовам современных глобализационных процессов. Они могут, как соответствовать моделям современных демократических институтов, так и отличаться от них в различной степени. Осуществление и внедрение ее в политическую систему охватывает длительное время.

- Социально-политические подходы политической модернизации представляют собой элементы процесса демократизации общества, выражающих, прежде всего, геополитические интересы ведущих стран Запада и США в условиях глобального мироустройства.

- На модернизацию политической системы страны оказывают, влияния внешние акторы, вызовы и требования. Проведенное исследование показало, что такие требования отвечают лишь интересам самих акторов, они не направлены на сохранение и поддержание жизнеспособности политических систем государств Центральной Азии, в том числе Кыргызстана. Наоборот, порой они преследуют собственные политические цели и геополитические интересы.

- Политическая модернизация страны должна адаптировать традиционные ценности народа к сегодняшним реалиям и создав благоприятные

предпосылки для ее осуществления. При эффективном использовании всех результатов и проявлений глобализации появляется шанс успешной интеграции Кыргызстана в мировые глобализационные процессы и возможность сохранения самобытности государство в целом.

- В процессе модернизации политической системы Кыргызской Республики ключевую роль играли не базовые принципы, а наоборот традиционалистские устои народа как трайбализм, семейно-клановое управление, которые, в конечном счете, привели к двум революциям 2005 и 2010 гг.

- Современное развитие политической системы Кыргызстана напрямую связано с реализацией парламентской формы правления, и ее становление имеет благоприятные предпосылки для развития демократического режима, играет важнейшую роль в процессе реформирования различных аспектов государственного управления (выборы), в изменении политической культуры страны.

- В современном, быстроменяющемся мире необходимо своевременное обновление законодательной базы, с учетом изменения внутренних и внешних факторов развития общества и государства, между такими участниками политического процесса как Президент - Парламент - Правительство - партии и - оппозиции.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

В соответствии с изменившимися внутривнутриполитическими, социально-экономическими реалиями предлагаем высшим органам государственной власти Кыргызской Республики ряд практических рекомендаций по совершенствованию современной политической системы страны:

- На современном этапе политической модернизации высшие органы государственной власти: Правительство КР, ЖогоркуКенеш КР, Президент КР должны создавать эффективную общегосударственную политику, которая опиралась бы на всеохватывающий научный анализ социоэкономического, политического и духовного процессов. Особое внимание должно отводиться социокультурным факторам народа, а именно влиянию регионализма и трайбализма, клановых и семейственных отношений, что негативно сказывается в процессе политической модернизации.

- Правительство КР и Президент КР на внешнем уровне должны осуществлять интеграцию с политическими силами, в первую очередь, с партнерами, заинтересованными в сохранении Кыргызстана как самостоятельного суверенного государства.

- ЖогоркуКенешу КР следует необходимо детально регламентировать в законодательстве КР распределение властных полномочий между важнейшими политическими субъектами - Президентом, Кабинетом министров и ЖогоркуКенешом, в соответствии с парламентско-президентской формой правления и системой «сдержек и противовесов», закрепленной в Конституции КР 2010 года.

- Для синхронного и эффективного осуществления модернизации политической системы ЖогоркуКенешу и Правительству следует необходимо определить и детально закрепить пути взаимодействия Правительства и ЖогоркуКенеша КР, механизмы отчетности Правительства ЖогоркуКенешу; положения об ответственности членов Правительства перед Премьер-министром; ответственности Премьер-министра за работу всего Правительства перед ЖогоркуКенешем.

- ЖогоркуКенешу следует необходимо разработать стратегию развития законодательной власти страны, которая бы позволила решить ряд важных задач. Так, создание эффективного парламента, способный полноценно выполнять свою миссию и конституционные полномочия; обеспечение принятия качественных законов; налаживание эффективного контроля над исполнительной ветвью власти; обеспечение эффективного представительства интересов населения и разных групп; создание независимого, сильного и эффективного аппарата, имеющий стабильный кадровый состав и укомплектованный высокими профессионалами.

- Для СМИ.С целью повышения политической культуры кыргызстанского общества необходимо предоставлять информацию о деятельности и механизмах функционирования парламентских форм правления за рубежом для изучения и обогащения опыта политической элитой и общественностью. Например, вполне возможно внедрить обучающий семинар. Необходимо популяризировать деятельность и работу ЖогоркуКенеша и зарубежных парламентариев для повышения уровня знаний общественности о функционировании политических процессов и снизить возможности искажения информации в СМИ (к примеру, организовать познавательную программу по телевещанию).

- Новые социальные и политические институты должны создавать атмосферу демократизации всех сторон общественно-политической жизни общества для становления политического, идеологического, этического механизма, обеспечивающего эффективное воздействие гражданского общества на структуры власти и на жизнедеятельность общества.

Таким образом, рассмотренные политические, социальные и культурно-мировоззренческие меры политической модернизации должны привести к существенному эффекту развития современной политической системы Кыргызской Республики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Alexander J. New Theoretical Movement // The Handbook of Sociology. Newbury Park. 1988;
2. Black C.K. The Dynamics of Modernization. N.Y., 1966.
3. Carothers T. The End Transition Paradigm // Journal of Democracy. – 2002.- № 13(1).
4. Eisenstadt Sh.N. Breakdowns of modernization // William J.G. (ed.). The Dynamics of Modern Society. New York: Basic Books, 1964.
5. Eisenstadt Sh.N. Modernization: Protestant Change. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966.
6. Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
7. IRI Kyrgyzstan National Opinion Poll
<http://www.iri.org/sites/default/files/2011%20July%2013%20Survey%20of%20Kyrgyzstan%20Public%20Opinion,%20April%2025-May%2013,%202011.pdf>
8. *John Engval*, Kyrgyzstan: Anatomy of a State // Problems of Post-Communism, vol. 54, no. 4, July-August 2007.
9. O'Donnell G., Schmitter Ph. (eds) Transition from Authoritarian Rule. Baltimore, 1986.
10. Przeworski A. Democracy and the Market. Cambridge, 1991;
11. Parsons T. The Social System. Glencoe: Free Press, 1964 (reprint from ed. 1951).
12. Rueschmeyer D. Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons/Ed. by J.C. Loubseretal. N.Y., 1976. Vol. 2.
13. Tiryakian E. The Changing Centers of Modernity, in E. Cohen, M. Lissak and U. Almagor (eds), Comparative Social Dynamics, Boulder: Westview Press, 1985.

14. Khalid A. Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative // Slavic Review. – 2006.-Vol. 65.- №2. Summer.
15. Kathleen Collins, The Logic of Clan Politics: Evidence from Central Asian Trajectories // World Politics, Issue 56, January 2004.
16. Lerner D. The Passing of Traditional Society. Modernization on the Middle East. N.Y., 1958;

Литература на русском языке

17. Анарбеков А.Б. Политическая модернизация в Кыргызской Республике (1991-2008 гг). Автореф. дисс. ...канд. полит.наук. 23.00.02/ А.Б. Анарбеков А.Б. Москва, 2010. С. 26.
18. Акматалиева А. Трансатлантическое партнерство в обеспечении безопасности Центральной Азии. Бишкек, 2011. – С. 176.
19. Арабаев А.А. Конституционное развитие Кыргызстана. Б., 1998.
20. Арабаев А.А. Парламентаризм и Парламент Кыргызстана: генезис, состояние, перспективы. Б., 2008. – С. 245.
21. Арабаева А. Политические партии, Парламент, депутатские объединения. Б.. 2010.
22. Алимарин С. И. Социальная эволюция и идеология // МОЛ (Московская Организация Литераторов). — № 1. — 2003.
23. Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997.
24. Апрельская Народная революция: уроки истории и взгляд будущее Кыргызстана. Б., 2011.
25. Ашимбаев М.С. Политический транзит: от глобального к национальному измерению. – Астана: Елорда, 2002.
26. Василик М.А. Политология. М. 2006. <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-teoriya-politiki/suschnost-politicheskoy-modernizatsii-kriterii.html>
27. Ведомости ЖогоркуКенеша Кыргызской Республики. 1996. №5.

28. Выступление президента Кыргызской Республики Курманбека Бакиева на Республиканском совещании по вопросам реформы государственного управления 20 октября 2009 г. <http://www.msn.kg/showwin.php?type=newsportal&id=29783>
29. Глобальные тенденции развития человечества до 2015 года: Материалы Национального разведывательного совета США/ Пер. с англ. – Екатеринбург, 2002.
30. Гражданская инициатива Интернет политики. <http://www.gipi.kg/archives/3383>
31. Даль Р.А. Полиархия, плюрализм и пространство // Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997.
32. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9.
33. Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998.
34. Девятко И. Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: к социологической теории глобального общества.
35. Декларация о Государственном суверенитете Республики Кыргызстан от 15 декабря 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Киргизской Советской Социалистической Республики. – 1990. - №21.
36. Декларация о Государственной независимости Республики Кыргызстан от 31 августа 1991 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Кыргызстан. – 1991. - №17.
37. ЕС в Кыргызстане: Большой объем помощи предоставляется на поддержку государственного бюджета. URL: <http://rus.kg/news/vmire/5077-es-v-kyrgyzstane-bolshoy-obem-pomoschi-predostavlyaetsya-na-podderzhku-gosudarstvennogo-byudzheta.html>
38. Закиров М.А. Развитие кыргызско-американских отношений в 1991-2005 гг. (политические и культурно-гуманитарные аспекты). Автореферат. дисс. канд. полит.н. Бишкек-2007.

39. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики» от 21 октября 1998 г. принятый референдумом 17 октября 1998 г. // ЭркинТоо. – 1998. – 23 окт.
40. Закон Кыргызской Республики «О политических партиях» от 25 мая 1999 года /<http://legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14827>
41. Закон Кыргызской Республики «О новой редакции Конституции Кыргызской Республики» от 23 октября 2007 г. №157 // Эркинтоо. -2007. -24 окт.
42. Закон Кыргызской Республики «О введении в действие Конституции Кыргызской Республики». Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. Б., 2010.
43. Законодательное собрание ЖогоркуКенеша Кыргызской Республики второго созыва: 2000-2005. Справочно-информационное издание. – Бишкек: 2004.
44. Зарубежные социологические теории XX века: документы и материалы к учебному курсу / Под ред. В. Г. Городяненко. – Д.: ДНУ, - 2009.
45. Зеленков М.Ю. Политология (Базовый курс). М.: Юридический институт МИИТа, 2009.
46. КаанаАйдаркул. Международные отношения кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 2002. – С.330.
47. Касенова Н. ЕС в Центральной Азии: стратегия в контексте евразийской политики.
48. Клинцов А.А. Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии. Москва-2009-Бишкек.
49. Кодекс о выборах в Кыргызской Республике // Ведомости ЖогоркуКенеша Кыргызской Республики. -199. -№9.
50. Кодекс о выборах в Кыргызской Республике от 23 октября 2007 г. №158 // Эркинтоо.-2007. – 24 окт.

51. Кожемякин С.В. Особенности модернизации традиционных обществ в условиях глобализации. Автореф. дисс.канд.полит.н. Б.: 2009.
52. Койчуев Т.К. После мартовский Кыргызстан: идеология, политика, экономика. Б. 2006.
53. Кондратьев Н.Д. Большие циклы экономической конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М. Экономика. 2002.
54. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 1993 г. // Ведомости ЖогоркуКенеша Кыргызской Республики. – 1993. -№7.
55. Конституция Кыргызской Республики от 21 октября 1998 г. Б., 1998.
56. Конституция Кыргызской Республики от 18 февраля 2003 года №40. Б., 2003.
57. Конституция Кыргызской Республики // Принята референдумом (всенародным голосованием 27 июня 2010 года). Изд. Академия. 2010.
58. Курманов И. Законодательная власть Кыргызской Республики в глобализирующемся мире. Бишкек, 2012. – 188 с.
59. Кучуков М.М. ЖогоркуКенеш (парламент) Кыргызской Республики. Б., 2002.
60. Кыргызстан рассчитывает на поддержку Японии в развитии демократии – Атамбаев. URL: <http://www.kyrtag.kg/?q=ru/news/37935>
61. Лебедев М.М. Мировая политика. – М., 2001.
62. Македонов Л. В Кремле росло недовольство Бакиевым //URL: http://www.gazeta.ru/politics/2010/04/08_a_3348963.shtml
63. Масаулов С. И. Кыргызстан-2025: дальнейшие модернизации? Кыргызстан – 2025. Стратегии и сценарии развития. Сборник статей и материалов. Бишкек, 2005.
64. Масаулов С., Хамисов В. Позиционирование политических партий в Кыргызстане // Политические партии в Кыргызстане. – Бишкек: Институт общественной политики, 2006.

65. Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. – 1998.- №2.
66. Мухаев Р.Т. Политология. М., 2010.
67. Межгосударственный статистический комитет СНГ // URL: <http://www.cisstat.com>
68. Новые шаги Фонда ХаннсаЗайделя в сфере парламентаризма. http://www.hss.kg/ru/kyrgyzstan/nove_shagi_fonda_hannsa_zaidelya_v_sfere_parlamentarizma
69. Новости мира. http://rss.novostimira.com/n_2661554.html
70. Ожукеева Т.О., Жумалиев К.М. Институт президентства в Кыргызской Республике. Б., 1998.
71. Омаров Н.М. Государства Центральной Азии в эпоху глобализации: поиски стратегии развития. Бишкек, 2008.
72. Основы политологии. Курс лекций / под ред. В.П. Пугачева. М., 1992.
73. Основные подходы к объяснению мирового развития// URL: <http://libsib.ru/sovremennie-problemi-globalizatsi/sovremennie-problemi-globalizatsi/osnovnie-podchodi-k-obyasneniiu-mirovogo-razvitiya>
74. Павлов Е.В. Политическая система переходного общества в условиях глобализации: центрально-азиатская специфика. Бишкек, 2008.
75. Панарин А.С. Философия политики. М., 1996.
76. Парламентская форма правления в Кыргызстане: состоятельность еще не доказана, но и говорить о ее непригодности нельзя!/URL: <http://www.polit.kg/conference/1/93>
77. Политология. Под ред. Ачкасова В.А., Гуторова В.А. Москва, 2010. – С. 691.
78. Политология / под ред. М.Н. Марченко. М., 2003.
79. Политическая трансформация: опыт Кыргызстана в мировом контексте. Учебное пособие под редакцией Элебаевой А.Б. Б., 2002. – С. 116.

80. Постановление Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики «О результатах референдума (всенародного голосования) Кыргызской Республики 27 июня 2010 года» // URL: <http://www.shailoo.gov.kg/index.php?module=content&page>
81. Пшеворски А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000.
82. Плоских В.М. История кыргызов и Кыргызстана. Б., 2003.
83. Представительство Европейского Союза в Кыргызской Республике. // URL: http://eeas.europa.eu/delegations/kyrgyzstan/documents/more_info/brochure_ru.pdf
84. Развитие межэтнических отношений в новых независимых государствах Центральной Азии. Бишкек: Илим, 1995. – С. 230.
85. Ростоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. – 1996 - №5.
86. Селютин В.И. Теория и практика политической науки. – Воронеж, – 2009.
87. Сидоров О. Центральная Азия как одна из зон национальных интересов США // URL: <http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=39594>
88. Собянин А. Киргизия, киргизские перевороты и революции. Среда, 21 апреля 2010 г. 16:24/ Рубрика: Аналитика и публицистика Ярлыки: Толстый журнал // URL: <http://ctaj.elcat.kg/2010/04>
89. Современный капитализм: критический анализ буржуазных политологических концепций. Гл. III. §5. –М., 1985.
90. Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии. М., 2001.
91. Сотрудничество Кыргызской Республики с Европейским Союзом. // URL: http://www.mfa.kg/articles/sotrudnichestvo-kirgizskoi-respubliki-s-evropeiskim-souzom_en.html
92. Стратегический доклад ЕДПЧ 2007-2010 гг. // URL: <http://www.eu-ngo.dk/CALLS/EDHR%20Strategy%202007-2010.pdf>

93. Суюнбаев М.Н. Геополитические основы развития и безопасности Кыргызстана (глобальный, региональный и национальный аспекты). Б. 2005.
94. Степанов В. В. Опыт политической модернизации в Европе и Америке в первой половине – середине XIX в.: Формирование новой модели власти // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/opyt-politicheskoy-modernizatsii-v-evrope-i-amerike-v-pervoy-polovine-seredine-xix-v-formirovanie-novoy-modeli-vlasti#ixzz2UQMrifsq>
95. Сморгун Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002.
96. Теория политики: Учебное пособие / Под ред. Б. А. Исаева. — СПб., 2008. — Тема 20. Политическое развитие и модернизация.
97. Теория политической модернизации. // URL: <http://all-politologija.ru/knigi/politologiya-uchebnoe-posobie/teoriya-politicheskoy-modernizacii>
98. Токтомушев К. Внешняя политика Кыргызстана. Бишкек, 2001.
99. Турсункулова Б. Перспективы развития постсоветских государств Центральной Азии в глобализирующемся мире. –Б.: 2006. – С. 142.
100. Укушев М.К., Бокоев Ж.А. Президент кыргызской Республики. Б., 1997.
101. Хантингтон С. Будущее демократического прогресса: от экспансии и консолидации // МЭ и МО. – 1995. -№10.
102. Хоритонов О.Г. Генезис демократии // Полис. – 1996.-№5.
103. Чешков М. Постсоветская Центральная Азия: традиционализация, периферизация, глобализация // Центральная Азия и Кавказ. -1998. -№12.
104. Чотаева Ч. Дж. Проблема выбора модели общественного развития в условиях переходного периода. дисс.канд-та филос. наук. 22.00.04/Чотаева. Ч.Дж. Б., 1999.
105. Чотаев З.Дж. Парламентская форма правления в Кыргызстане: проблемы и перспективы. Б., 2012. –С. 124.
106. Шаран П. Сравнительная политология. М., 1992.

107. Шерипов Н.Т. Конституционное право Кыргызской Республики. Б., 2010.
108. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
109. Шустов А. Спасет ли Киргизию новая конституция? /URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1273960800>
- 110.Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. — М., 1999.
- 111.Эксперты о парламенте и парламентаризме в Кыргызстане. Институт общественной политики.<http://ipp.kg/ru/news/2156/>
- 112.<http://www.knigafactov.ru/kyrgyzstan/religions>
- 113.www.donor.kg
- 114.www.kenesh.kg
- 115.http://russian.bishkek.usembassy.gov/tr_01_17_13_blake-press-availability-following-annual-bilateral-consultations-with-kyrgyzstan.html
- 116.<http://rus.newsru.ua/world/27jul2009/bakiew.html>
- 117.http://www.rau.su/observer/N1_2012/067_081.pdf
- 118.http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k2&view=item&id=4422&Itemid=83
- 119.http://uchebnikionline.ru/soziologia/lyudina_i_svit_-_yuriy_mf/parlamentarizm-1.htm
- 120.<http://all-politologija.ru/knigi/politologiya-uchebnoe-posobie/teoriya-politicheskoy-modernizacii>
- 121.http://student.toktom.kg/document.phtml?st=doc&code=24057&lang=rus&ctx=#kluch_slova:020512
- 122.<http://www.fergananews.com/articles/2257> //Будущее Средней Азии: государства постсоветского Востока ведут себя непредсказуемо.
- 123.URL: [http:// www.eu-ngo.dk/CALLS/EDHR%20Strategy%2007-2010.pdf](http://www.eu-ngo.dk/CALLS/EDHR%20Strategy%2007-2010.pdf) // Стратегический доклад ЕДПЧ 2007-2010 гг.

124.URL: <http://www.ipp.kg/ru/news/2170/> // Мурат Укушев: «Является ли Президент Кыргызстана по статусу “английской королевой”?».

125.URL: IRI/Gallup 2012.